

к. л. тейлор

крушение

DETECTIVE
STORY

Впервые на русском языке бестселлер
от восходящей звезды детективного жанра.

В Великобритании продано
более 190 тысяч экземпляров книги

18+

Annotation

Отвечают ли дети за грехи родителей? Увы, нередко именно так и случается. Когда Шарлотта пытается покончить с собой под колесами автобуса, ее мать Сьюзан погружается в паранойю. День и ночь она мучительно старается понять, почему ее девочка захотела уйти из жизни и кто в этом виноват. Ей кажется, что даже самые близкие люди что-то скрывают. Сьюзан начинает расследование и постепенно понимает: причина трагедии ближе, чем ей кажется, и искать ее надо в собственном прошлом, потому что все тайное рано или поздно становится явным.

- [К.Л. Тейлор](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
-

К.Л. Тейлор

Крушение

Из всех свобод самая ценная – свобода мысли.

Айрис Мердок

C. L. Taylor

The Accident

Copyright © C. L. Taylor, 2014

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn
Literary, TV&Film Agency and

The Van Lear Agency LLC

© Качалкина Ю., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Глава 1

22 апреля 2012

Кома. Такое безобидное слово, оно успокаивает, наколдovывая образ беззаботного глубокого сна. Но только моя дочь Шарлотта не спит. Ее веки, сомкнутые тяжело, не вздрогнут случайно, – она даже кулачок под щеку не подложит, как делает обычно. Губы слегка приоткрыты, но дыхания не слышно, оно едва ощутимо. И в том, как она лежит, нет ничего умиротворяющего: тело ничком на кровати без одеяла, изо рта торчит прозрачная пластиковая трубка, а вся грудь утыкана какими-то датчиками и электродами.

Монитор в углу палаты, который показывает биение сердца Шарлотты, ритмично пищит, словно это особенный медицинский метроном. Я закрываю глаза. Стоит получше сконцентрироваться, и вот вместо писка монитора я слышу мерное тиканье дедушкиных часов в нашей гостиной. Пятнадцать лет словно улетучиваются как по мановению волшебной палочки. Мне снова двадцать восемь, я укачиваю маленькую Шарлотту. Ее сонное личико уткнулось в ямку на моей ключице, а крошечное сердце бьется не совсем в такт с моим, даже во сне. В ту пору было проще беречь Шарлотту...

– Сью? – На мое плечо ложится тяжелая рука, трясет меня, возвращая обратно в реальность больничной палаты, и руки мои снова пусты, в них уже не лежит маленькая Шарлотта. Я прижимаю к груди ее покрытый наклейками дневник. – Будешь чай?

Я отрицательно качаю головой, но тут же передумываю, соглашаясь.

– Буду.

Открываю глаза.

– И, знаешь, что еще было бы хорошо?

Брайан, естественно, не знает.

– Съесть один из тех прелестных кексов от «Маркс и Спенсер».

Муж выглядит растерянным.

– Не уверен, – говорит он после паузы, – что их можно купить в здешней столовой.

– Ну... – я отворачиваюсь и притворяюсь расстроенной, но по-настоящему я себя ненавижу. Не в моих правилах кем-то манипулировать.

Да разве я манипулирую? Просто теперь, в этот момент, я ни в чем не уверена на все сто процентов.

– Хорошо, все в порядке, – снова рука мужа на моем плече, теперь он слегка сжимает его, чтобы усилить эффект сопереживания, – я могу заскочить в город и привезти тебе кекс.

Брайан смотрит на Шарлотту и улыбается.

– Шарлотта, не возражаешь, если я ненадолго оставлю тебя с мамой?

Даже если наша дочь слышала его вопрос, то никак не прореагировала. Так что я ответила ему за нас двоих, выдавив из себя улыбку.

– С ней и со мной все будет в порядке.

Брайан смотрит на меня и на Шарлотту. Вне всякого сомнения на его лице – то же несчастное выражение, которое было и на моем последние шесть месяцев, когда я боялась отойти от нее на секунду, думая, что именно в этот момент с ней случится что-то страшное.

– Все будет в порядке, – повторяю я, на сей раз мягче. – Я побуду тут.

Брайан слегка расслабляется и кивает.

– Я скоро вернусь.

Я наблюдаю, как он пересекает палату, аккуратно прикрывает дверь до щелчка и выходит, отрываю от груди дневник, кладу его на колени, несколько секунд внимательно слежу за дверью, кажется, что проходит вечность. Брайан никогда не уходит сразу, обычно в спешке забегает еще раз, чтобы взять забытые ключи, телефон, солнцезащитные очки или просто что-нибудь спросить. Я уверилась, что он действительно ушел, и переключаюсь на Шарлотту. В глубине души я надеюсь, что ее веки наконец дрогнут или пальцы инстинктивно дернутся. Пусть она подаст хоть маленький знак, что идет на поправку, но нет, никаких перемен... она все еще спит...

– Дорогая, – я верчу в руках ее дневник, открываю на странице, которую уже читала. – Пожалуйста, не сердись на меня, но... – смотрю на лицо дочери, пытаюсь прочесть по нему реакцию, – я нашла его вчера, когда убирала твою комнату.

В ответ – ничего. Ни звука, ни пожатия, ни подмигивания. Монитор, на котором видна работа сердца, продолжает ритмично пищать. Конечно, я соврала про дневник. На самом деле я нашла его несколько лет назад, когда меняла постельное белье в ее комнате. Шарлотта спрятала его под матрасом, точно там же, где я прятала свой дневник в ее возрасте. Но найдя, я его не читала. Только вчера открыла и прочла.

– В последней записи, – я задержалась, чтобы облизнуть губы, вдруг

пересохло во рту, – ты упоминаешь о каком-то секрете.

Шарлотта лежит и молчит.

– Ты пишешь, что хранить его тяжело, что он тебя убивает.

Пик, пик, пик – пищит аппарат.

– Ты поэтому...

Пик, пик, пик...

– ...ты поэтому шагнула навстречу автобусу?

Ни звука. Брайан называет произошедшее несчастным случаем и уже подогнал под свою теорию несколько убедительных доводов.

– Наверное, Шарлотта шла через дорогу и писала кому-то эсэмэс. Или увидела на другой стороне улицы подругу и кинулась к ней, не глядя на машины... или заметила раненое животное, которому нужна была помощь... побежала, или была в своем маленьком мире, ничего не заметила...

Правдоподобно звучат все варианты. Если не брать во внимание то, что водитель автобуса сказал полиции: девочка шагнула под колеса, глядя ему в глаза, совершенно осознанно. Брайан уверен, что водитель врет, потому что хочет обелить себя в глазах начальства. Мужчина боится потерять работу, когда его обвинят в неаккуратном вождении. Но я водителю почему-то верю.

Вчера, пока муж был на работе, я сидела у кровати Шарлотты и спросила у врача, провел ли он тест на беременность моей дочери. Врач посмотрел на меня с подозрением и поинтересовался, почему я спрашиваю об этом и есть ли на то серьезные основания? Я, честно говоря, ни в чем не была уверена, но этот тест мог бы прояснить некоторые обстоятельства. Врач проверил записи, тест на беременность не делали.

– Шарлотта, – я придвинулась к ее кровати, взяла дочь за руку, наши пальцы сплелись. – Что бы ты ни сказала, что бы ни сделала, я никогда не перестану любить тебя. Можешь сказать мне что угодно. Совершенно что угодно.

Но Шарлотта ничего не сказала.

– Я пойму, если это был кто-то из твоих друзей, если это был даже твой отец, – я выдерживаю паузу, – это отец, да? В нем твой секрет? Сожми мои пальцы, если я права.

Я задержала дыхание в груди, молясь, чтобы Шарлотта не сжала мне руку...

Пятница, 2 сентября 1990

На часах 5:41, я сижу в гостиной с бокалом красного вина и сигаретой. Недоумеваю по поводу того, что последние восемь часов действительно были в моей жизни.

Вечером в среду я наконец-то решила позвонить Джеймсу, после целого часа безуспешных попыток и нескольких бокалов вина. В трубке шли гудки, и я было решила, что он куда-то вышел, как вдруг Джеймс ответил.

– Слушаю.

Я могла бы просто сказать «привет», но очень уж нервничала.

– Сюзан, это ведь ты? Слава богам, ты наконец позвонила.

Его голос звучал немного иначе, чем всегда, – тоньше, с придыханием, – словно он тоже нервничал, и я пошутила, что теперь ему явно легче, раз я позвонила первой.

– Вне всяких сомнений, – ответил Джеймс. – Я думал, что ты не захочешь меня слышать после произошедшего. Прости, я обычно не такой урод, как тогда, когда затащил тебя за кулисы и... надо было просто пригласить тебя куда-нибудь поужинать, как приглашают девушку...

И он затих, потрясенный.

– Вообще-то, – я почувствовала к нему внезапную симпатию, – это было даже смешно, мне еще никто не бросал визитку со словами «Позвони!», так что я была польщена.

– Польщена? Это я должен быть польщен. И ты мне позвонила, о боги! – Он помолчал. – Ты же звонишь, чтобы пригласить меня выпить? А не для того, чтобы сказать, что я высокомерный задрот, которого стоит побить говенной палкой. Разделишь со мной пару бокалов вина?

– Вариант с палкой я пока не рассматривала, – отшутилась я. – И сегодня я действительно не прочь выпить, так что если ты (я напирала на «ты») пригласишь меня куда-нибудь, я с удовольствием приму приглашение.

– Ну конечно же! Куда бы ты ни захотела пойти – я приглашаю. Вся выпивка за мой счет, даже самая дорогая. – Он засмеялся. – Я хочу тебе доказать, что я не... впрочем, хочу, чтобы ты сама сделала нужные выводы. Так когда ты будешь готова?

Я было хотела сказать, что уже давно готова, но притормозила, как учила меня Хеллс, и предложила встретиться в пятницу (пятница, впрочем, была сегодня). Джеймс немедленно согласился и через пару минут, после того как мы договорились встретиться в Дублинском замке в

восемь вечера, повесил трубку.

Я перемерила дюжину разных нарядов, прежде чем пойти на это свидание. Я безжалостно отвергала все, в чем выглядела или чувствовала себя полной и непривлекательной, но на самом деле мне не стоило беспокоиться. В ту минуту, когда я оказалась на расстоянии объятия от Джеймса, он сграбастал меня в охапку и прошептал на ухо: «Выглядишь потрясающе!». Только я собралась ответить что-нибудь, как он резко отстранился, взял меня за руку и проговорил:

– Я хочу показать что-то очень особенное.

И увлек меня прочь из ресторана, сквозь толпу гуляк из Камдена, по улице к магазину, в котором продавались кебабы. Я вопросительно на него посмотрела, но он коротко сказал: «Доверься мне», – и повел меня дальше через магазин. Мы вышли в заднюю дверь. Я думала, что там будет туалет или кухня, но вместо этого мы оказались в средоточии звуков, а глаза наши ослепли от внезапной тьмы. Джеймс указал на джаз-бэнд из четырех человек, которые играли в углу комнаты, и крикнул: «Это Грей Ноутс, самый лучший секретный бэнд Лондона!» Потом он провел меня к угловому столику и отодвинул побитый временем деревянный стул, приглашая сесть.

– Виски? – он предложил выпить. – Не могу без этого слушать джаз. Будешь?

Я кивнула, хотя и не фанат виски, честно говоря. Пока Джеймс ходил к барной стойке, я закурила. В его движениях было столько самоуверенности и мужественности, что он меня этим почти гипнотизировал. Впервые я заметила это, когда увидела его на сцене: высокомерный Вальмон рядом с Кейт в роли стервы маркизы де Мертей^[1].

Казалось, не рождалось на свете двух более различных мужчин, чем Джеймс и Натан. В то время как Натан был худощавый, с детскими чертами лица, всего на пару дюймов выше меня, в Джеймсе были все шесть футов и четыре дюйма, к тому же в его манерах чувствовалась солидность, что позволяло мне рядом с ним ощущать себя меньше и изящнее, чем я есть.

У него на щеках играли ямочки, как у Кирка Дугласа, но нос – великоват для того, чтобы Джеймса можно было без обиняков назвать классическим красавцем. Его всегда чистые блондинистые волосы, спадающие волной на глаза, довершали картину. Но именно в его глазах была особая магическая ртуть. Они – эти глаза – словно текут и меняются, напоминая мне глаза уже другого актера – Рэйфа Файнса. Одно мгновение они – холодные и независимые, но тут же появляются

морщинки-лучики у век, и в этих же глазах уже пляшут бесы.

Стоило Джеймсу вернуться от барной стойки, как я сразу поняла: что-то не так. Он ни словом не обмолвился, но по тому, как он поставил бокалы с виски на стол, как метнул взгляд на сигарету, зажатую в моих пальцах, я все сразу поняла.

– Ты не должна курить.

Он встряхнул головой.

– Мой отец, Сью, умер от рака легких.

Потом Джеймс начал уверять, что на самом деле, конечно, не так важно, курю я или нет, и что это не его дело по большому счету, но я поняла, что нужно выбросить сигарету, – и как только я это сделала, его лицо осветилось. Джаз-бэнд разошелся так, что мы едва слышали друг друга. Джеймс придвинулся ко мне ближе, поэтому мы могли пошептаться. Ногой он поглаживал мою ногу под столом, а на шее и ухе я ощущала его горячее дыхание. Питкой казалось чувствовать его тело столь близко, вдыхать терпкий аромат его одеколона после бритья и при этом не иметь возможности прикоснуться к нему.

И в тот момент, когда я подумала, что не вынесу этого ни секундой дольше, Джеймс накрыл мою руку своей.

– Пойдем сходим куда-нибудь еще, я знаю совершенно потрясающее место.

У меня едва было мгновение, чтобы сказать «о'кей», потому что, предложив уйти, Джеймс тут же встал и пошел прочь из ресторана. Правда, через секунду он вернулся – в одной руке у него красовалась бутылка шампанского, в другой – два бокала и потертый плед под мышкой. Я удивленно изогнула бровь, но он в ответ лишь засмеялся и сказал: «Ты все увидишь».

Мы шли, вероятно, очень долго, лавируя в толпе праздно шатающихся после рабочей недели, – пока, наконец, не вышли к Чалк-фарм. На очередной вопрос, куда мы идем, Джеймс только рассмеялся. В итоге мы притормозили у входа в парк, Джеймс положил руку на мое плечо. Я приготовилась к поцелую, но вместо него Джеймс попросил меня закрыть глаза, потому что «хотел сделать сюрприз».

Признаться, я была не очень уверена, что ранним утром субботы может случиться приятный сюрприз, особенно в темном парке, но глаза все же закрыла. И тут же почувствовала, как на плечи легло что-то тяжелое, шерстяное и приятное колючее тепло окутало меня (Джеймс заметил, что я дрожу, и предложил свой пиджак). Я позволила ему провести себя через ворота, и мы поднялись на небольшой холм. Конечно,

мне было боязно довериться кому-то, едва знакомому, но, надо признать, что это волновало меня и пробуждало особую чувственность. Мы наконец остановились, и Джеймс велел мне стоять тихо и ждать. Через пару минут в руку мне ткнулся плед, мы расстелили его и сели.

– Готова? – спросил Джеймс.

Я почувствовала, как он двигается где-то у меня за спиной. Потом его пальцы пробежали по моему лицу, слегка задевая скулы. Он попросил открыть глаза. Молния скользнула по моему позвоночнику, и я вздрогнула, несмотря на то что была в теплом пиджаке Джеймса.

– Готова, – ответила я.

Джеймс убрал руки с моего лица, и я открыла глаза.

– Разве не прекрасный вид? – спросил он.

Все, что я могла сделать, это кивнуть. С холма открывался вид на парк, который сейчас казался шахматной доской: квадраты освещенной фонарями травы чередовались с квадратами темноты. На наших глазах свершалась таинственная игра теней и света. А за границей парка простирался город, мигали огни окон, светились здания, а у самого горизонта горела радуга знаменитого колеса обозрения, одного из самых огромных в мире.

Небо над нами напоминало тихое темное море, пересеченное волнами оранжевого света. И все вместе представляло собой лучший пейзаж из тех, которые я когда-либо видела.

– Когда ты открыла глаза, твое лицо, Сьюзан... – Джеймс пялился на меня, – я никогда не видел ничего прекраснее твоего лица.

– Перестань... – я хотела превратить его слова в шутку, но смех застрял в горле.

– Сьюзи, ты выглядела такой молодой, такой восторженной. Словно маленькая девочка на Рождество. – Он потряс головой. – Как же может быть так, что ты одна? Что у тебя никого нет? Как вообще это может быть?

Я хотела ответить, но Джеймс еще не закончил.

– Ты – самая потрясающая женщина, которую я когда-либо встречал, – Джеймс коснулся моей руки, – ты забавная, добрая, умная и красивая. Что же ты делаешь тут со мной?!

Я снова хотела перевести все в шутку – напомнить, что это он, именно он вел меня к этому холму, и, вероятно, так сильно выпил, что уже ничего не помнит. Но я не смогла пошутить. Вместо этого сказала:

– А я хотела быть здесь, с тобой. И нигде больше.

Джеймс просиял так, словно я только что сделала ему лучший на

свете комплимент. Он взял в ладони мое смущенное лицо, долго смотрел на меня, а потом поцеловал.

Не могу сказать, сколько именно мы целовались, лежа там, на пледе, на холме посреди парка, – наши тела сплелись, руки путешествовали совершенно свободно, мы трогали друг друга, гладили и ласкали. Мы не разделись и не занялись любовью, но это был самый эротичный момент во всей моей жизни. Я ни на секунду не могла отпустить Джеймса от себя.

Между тем темнело и холодало, и я предложила покинуть парк и пойти к нему.

Джеймс, к моему удивлению, отрицательно покачал головой.

– Разреши, я вызову тебе такси, и ты поедешь домой.

– Но как же...

Он плотнее закутал меня в свой пиджак.

– Сьюзи, у нас для всего этого еще будет время, полно времени...

Глава 2

На следующий день я жду, когда Брайан уйдет на работу, чтобы начать копаться в его вещах. В гардеробной прохладно, пол морозит мои босые ступни, в окна поддувает, но я не трачу ни секунды на то, чтобы найти носки. Вместо этого я забираюсь в карманы пиджака мужа, его любимого пиджака. Этот пиджак мой вспыльчивый супруг носит в любую погоду, постоянно уверяя в том, что он ничуть не хуже, чем аналогичный, скажем, из Барбур^[2]. Хотя это прекрасный пиджак, но он явно промокает: я сужу по мокрым пятнам, которые появляются на рубашке Брайана, когда он попадает под дождь.

Вешалка чуть покачивается, пока я перебираюсь рукой из кармана в карман, вынимая содержимое и поспешно выкладывая его на пол.

Я ищу улику.

С пиджаком я наконец покончила, и вот уже изучаю – обеими руками – карманы толстовки. Как вдруг на кухне раздается грохот.

Я холодею с головы до пят.

В голове все как будто отключается, словно кто-то нажал на рубильник, и я превращаюсь в неподвижную статую, напоминая себе вешалку, возле которой стою. Стараюсь дышать неглубоко, прислушиваюсь, жду. Понятно, что я должна отмереть и что-то сделать. Например, вынуть руки из карманов одежды Брайана. И затолкать обратно их содержимое, которое я еще не успела изучить, – спрятать свидетельство того, какая я недоверчивая жена, ужасная женщина, способная подозревать супруга в страшном.

Но я не могла пошевелиться.

Сердце бьется на разрыв, кажется, что каждый его удар эхом разносится по комнате, и меня словно отбрасывает на двадцать лет в прошлое. Мне двадцать три, я живу на севере Лондона, но именно в этот конкретный момент я прячусь в гардеробе. Мой рюкзак забит вещами, я держу его в левой руке, а в правой у меня зажата связка ключей, которую я украла у кое-кого из кармана. Если я задержу дыхание, то он меня не услышит. И он не узнает, что я собираюсь...

Ощущение дежавю покидает меня.

– Брайан? – спрашиваю я уже спокойно. – Брайан, это ты?

Я хмурюсь, пытаюсь успокоиться, но сердце ритмично скачет в груди, а дом снова затих, словно и не было никакого шума в кухне.

– Брайан?

Ну вот я и вернулась в настоящее. Я наконец вынула руки из карманов мужниной толстовки.

Ковер в холле согревает ноги и проседает под тяжестью моих медленных шагов, а я крадусь, затихая почти каждые две секунды, чтобы прислушаться, не донесется ли снова из кухни какой-нибудь звук. Я инстинктивно прикрываю рот, чувствую, как от пальцев все еще пахнет дезинфицирующим гелем, – я не так давно мыла ванную. Снова замираю и пытаюсь унять дыхание. Но получается дышать только маленькими порциями, горло обжигает, видимо, приближается паническая атака. Но я уже не боюсь того, что мой муж вернется за забытым портфелем или ключами. Я боюсь совсем другого...

– Милли! Ах это ты!

Меня практически сбивает с ног огромный золотистый ретривер. Собака скачет по холлу и бросается на меня, ставит передние лапы на мою грудь, лижет щеку. В другой раз я бы непременно наказала ее за такое поведение, но сейчас я настолько потрясена, что просто обнимаю ее за большую теплую голову и прижимаю к себе.

– Ну и как ты сюда пробралась, проказница?

Милли словно улыбается мне, слюна капает с ее роскошных усов, шерсть вся мокрая. Кажется, я поняла, как она смогла пробраться в дом.

Я почти уверена в своих подозрениях, когда подхожу к кухне (Милли плетется рядом со мной), а дверь на крыльцо открыта.

– Милли, ты должна лежать на своей подстилке, пока мамочка не придет за тобой, – говорю я довольно строго, указывая ретриверу на половик и кучу разных тряпок, в которых собака спит. Милли явно понимает, о чем я говорю, то поднимая, то опуская уши и зажимая хвост между лап.

– Что, наш рассеянный папочка оставил дверь открытой, когда уходил на работу, да?

Вот уж ни разу о себе не могла подумать, что превращусь в тот тип женщин, которые себя и своих мужей зовут «мамочками» и «папочками», разговаривая с домашними питомцами. Но Милли такой же полноправный член семьи, как и Шарлотта. Она вроде сестры, которую мы уже никогда не родим нашей дочке. И не случайно Брайан зовет Шарлотту «чудо-ребенком». И теперь понятно, это не только по той причине, что наша дочка пережила при рождении бактериальную инфекцию.

...выгоняю Милли обратно на крыльцо. Сердце чуть не разрывается, когда собака смотрит на меня умоляющим взглядом, у нее такие огромные

карие глаза...

На часах восемь. Мы в это время должны прогуливаться по парку позади дома, но мне надо завершить начатое. Нужно вернуться в гардероб.

Вот и содержимое карманов Брайана. Лежит разбросанное у подножия вешалки. Стоило захватить подушку из гостиной, чтобы не вставать коленями на пол (колени хрустят, словно угадывая ход моих мыслей). Вот мои сокровища, пора изучить их:

- носовой платок, в уголке вышит гольфист, платок не использовали, он аккуратно сложен квадратиком (эту вещь ему подарили на Рождество – кто-то из детей);

- три использованные бумажные салфетки;

- бечевка – такую Брайан использовал, чтобы подвязывать томаты, растущие на его небольшом загородном участке;

- мятый билет в кино. Сердце мое начинает дико биться, как только я беру в руки этот комочек. Но когда рассматриваю название фильма и дату сеанса, пульс выравнивается. На эту комедию мы ходили вместе. И мне она не понравилась – показалась грубой, дешевой и непродуманной. Но Брайан хохотал до икоты;

- чек за бензин на 40 фунтов;

- какая-то мятная, судя по запаху, конфета, покрытая пылью;

- пригоршня мелочи.

Вот и все. Ничего странного, ничего такого, что навело бы меня хоть на какую-то догадку. Просто обычная ерунда, которую муж таскает в карманах.

Кромкой ладони я собираю все это в кучку, распределяю обратно по карманам в том же порядке, который был. Вообще-то Брайан не очень внимательный и вряд ли обратит внимание, что что-то лежит не в том кармане, но лучше не рисковать.

Возможно, мои подозрения излишни и нет никаких улик.

И Шарлотта не пожала мою руку, когда я спросила, связан ли ее большой секрет с отцом. Не знаю, что бы я думала, если бы она пожала мои пальцы, ведь даже задать тот вопрос было очень непросто. Я следовала своему подозрению и думала, что муж снова меня обманывает.

Шесть лет назад Брайан оступился и едва не разрушил не только наш брак, но и карьеру. Он закрутил роман с двадцатитрехлетней практиканткой, которая пришла к ним в парламент. Когда я узнала, то пришла в ярость – кричала, буквально орала. Два месяца я отказывалась жить с Брайаном под одной крышей, но в итоге... простила его. Почему? Во-первых, потому что его измена случилась как раз после одного из моих

так называемых приступов. Во-вторых, потому что семья для меня важнее всего на свете. И в-третьих, потому что Брайан – очень хороший человек, хоть и не без греха.

Хороший человек... звучит не очень убедительно в качестве причины для прощения. Возможно и так. Но в любом случае жить после измены с Брайаном все равно лучше, чем жить с каким-нибудь ужасным человеком, а уж я-то знаю, о чем говорю...

Летом 1993 года мы оба жили в Афинах. Я работала учителем, а он был вдовым бизнесменом на пороге заключения выгодной сделки. Когда Брайан впервые со мной поздоровался – в милой таверне на берегу реки под названием Кифиссос, – я его просто не заметила. Потом я села за столик. И тут уж он не позволил мне его и дальше игнорировать. Он прислал мне напиток с официантом – в знак особого внимания. В записке, сопровождавшей напиток, были забавные слова: «Привет одному англичанину от другого!».

Когда я посмотрела на него, он уже выходил из таверны.

Я не могла удержаться от улыбки.

После этого он проявлял крайнюю настойчивость: постоянно здоровался, интересовался, что я такое читаю. И в конце концов мы подружились. Мне понадобилось много времени, чтобы ослабить защиту и впустить этого человека в свой мир. Прошел почти год со дня нашего знакомства, и я сказала себе, что люблю Брайана.

Стоял теплый очаровательный вечер, мы бродили вдоль речного берега, смотрели, как в воде отражаются огни близкого города, как вдруг Брайан начал рассказывать мне про Тессу, его жену, которую он потерял в неравной борьбе с раком. Он рассказал, в каком потрясении находился, когда видел, как быстро развивается болезнь, – а потом какая ярость охватила его после ее смерти. Он оставил сына с бабушкой, разбил собственную машину клюшкой для крикета, потому что не понимал, как ему справиться с чудовищной яростью. Его глаза наполнились слезами, когда он рассказывал мне о своем сыне Оливере, о том, как скучал по нему, оставленному у бабушки и дедушки в Англии (иначе Брайан не смог бы уехать по делам в Грецию). Он не пытался вытереть слезы, и я провела пальцами по его лицу, смахивая горькую влагу, а потом я взяла его за руку. И не отпускала часа три.

...я вошла в кабинет Брайана и выдвинула ящик его стола, теперь по-настоящему чувствуя, что зашла слишком далеко. Я обычно стираю вещи мужа, глажу их, некоторые из них покупаю сама, но вот его кабинет... все, что связано с его карьерой, отделено от семьи, мы не имеем туда доступа.

Брайан – член парламента, и когда я говорю об этом вслух, то наполняюсь гордостью. Но это не всегда было так. Семнадцать лет назад я была ошеломлена, когда слышала, как Брайан ругает «сволочных тори», «классовых врагов» и их «разваливающуюся службу здравоохранения». Брайану было мало тихо нить в стороне, видя существующие социальные проблемы. Когда он вернулся в Англию из Греции, все еще исполненный радости от нашего импровизированного босоногого бракосочетания на пляже Родоса, то был настроен крайне решительно. Мы поселились в Брайтоне, и он начал новый бизнес, – поначалу работал как проклятый, но когда дело стало приносить ощутимый доход, подался в парламент. У него были не очень большие познания в экономике, но я верила в него и знала, что он своего добьется. И Брайан добился.

Я никогда не переставала верить в него. Я и сейчас в него верю – во все, что он делает. Но я больше не боюсь за него. Я люблю своего мужа, но в то же время я могу отчетливо видеть, каким тщеславным и сомневающимся в себе сделала его нынешняя работа. Лесть прогрызает путь к сердцу, когда тебе хорошо за сорок, ты носишь дорогое кольцо от Тиффани и лысеешь. Лесть заставляет тебя чувствовать себя моложе, активнее и работает на твоё благополучие.

Брайан сильно переменился с тех пор, как Шарлотта попала в аварию. Мы оба изменились, просто каждый – по-своему. И вместо того чтобы сплотиться в несчастье, мы разбежались по разным углам. И отчуждение между нами росло день ото дня. Если у Брайана интрижка на стороне, на этот раз я его не прощу.

Я делаю еще шаг в направлении письменного стола мужа, пальцами исследую серебристую рамку для черно-белой фотографии, которая стоит на нем. Это фотография Шарлотты. Мы на ней – на пляже Майорки, идет первый день каникул. Мы еще не переоделись с дороги, просто закатали брюки по колено и бродим в прибое. Одну руку я поднесла к глазам, защищаясь от солнца, а другой держу нашу дочь за тонкое запястье. Она смотрит на меня, глаза широко распахнуты, улыбка играет на лице. Этому фото, наверное, лет десять. Но глядя на него, я все еще чувствую волну тепла и любви, особенно когда вижу выражение на лице Шарлотты. Чистое, ничем не замутненное счастье.

...половая доска в коридоре вдруг издает треск, я отдергиваю руку от фоторамки и вздыхаю. И когда я успела стать таким невротиком, что каждый скрип в двухсотлетнем доме заставляет меня трястись от ужаса?

Снова смотрю на письменный стол мужа. Он сделан из тяжелого красного дерева, три ящика слева, три – справа, посередине еще один,

очень тонкий и неглубокий. Дергаю за ручку того, который посередине, и медленно выдвигаю его. Вдалеке снова скрипит половица. Но я не обращаю внимания. Даже когда звук становится все ближе и ближе. В ящике что-то лежит, какой-то исписанный рукой листок бумаги, открытка или письмо, я тянусь, чтобы взять это, осторожно тянусь, чтобы не задеть лежащие рядом скрепки и резинки...

– Сью?

Мужской голос звучит прямо за моей спиной.

– Сью, что ты делаешь?

* * *

Воскресенье, 4 сентября 1990 года

Мы с Джеймсом занимались любовью.

Это произошло в ночь на воскресенье.

Он позвонил мне в полдень и первое, что сказал: «Я едва мог уснуть, все время думал о тебе».

Я прекрасно его понимала, потому что со мной было то же самое. Я точно так же не могла перестать думать о нем. Проснувшись в субботу утром, я вдруг испугалась, что никогда-никогда больше его не увижу. Наверное, в пятницу вечером я сказала что-то совершенно непростительное, и сегодня – в холодном свете дня – он внезапно осознал, что я совсем не та женщина, которая ему нужна.

И я так себя во всем этом убедила, что, когда Джеймс все же позвонил и признался, что не может перестать думать обо мне, я почувствовала себя растерянной.

– Обязательно! – сказала я Джеймсу в ответ на то, что он хочет видеть меня как можно скорее. – Если я прямо сейчас заскочу в душ, потом поеду на метро, то смогу быть в Камдене, скажем, в...

– Вообще-то я думал, что мы можем поужинать сегодня вечером где-нибудь.

И что он теперь обо мне подумает? Когда я говорю, что готова кинуться к нему в любую минуту, словно у меня вообще нет своей жизни и я ее не контролирую?! Слава богам, он хоть не смеялся надо мной, а всего лишь спросил, приходилось ли мне бывать в причудливом ресторане в районе Св. Панкратия. А я даже никогда о таком и не слышала. В то

время как Джеймсу этот ресторан рекомендовал его хороший знакомый.

Ну вот, теперь у меня очередная дилемма: что на себя надеть? В итоге пришла к выводу, что лучше всего будет облачиться в маленькое, сотню раз испытанное черное платье. Я опоздала минут на двадцать, придя не в восемь, как договаривались, а в восемь двадцать; идя между столиками, сиявшими хрусталем и лоснящимися великолепными льняными скатертями, приблизилась к безукоризненно одетому метрдотелю, который тут же указал мне на наш с Джеймсом столик. Джеймс встал, приветствуя меня. Он был одет в серый костюм-тройку, на шее повязан лиловый галстук, а на запястьях красовались роскошные серебряные запонки. Я в своем трехлетнем платье и в туфлях с потертыми каблуками сразу же почувствовала себя неряшливой, но Джеймс оглядел меня с ног до головы, и его глаза одобрительно блеснули. Благодаря этому я чувствовала себя самой привлекательной женщиной в ресторане.

– Не могу перестать пялиться на тебя во все глаза, – сказал Джеймс после того, как метрдотель помог мне сесть, принес нам меню и удалился. – Ты всегда хороша собой, но сегодня ты просто... – он встряхнул головой и глубоко вздохнул, – сегодня ты просто до ужаса сексуальна!

Когда его взгляд коснулся моего декольте, я почувствовала, как краска приливает к моим щекам.

– Спасибо.

– Правда, Сьюзан, я думаю, ты не совсем понимаешь, какой эффект производишь на меня, да и на любого мужчину в зале...

По мне так это было немного чересчур, но когда я посмотрела на двух мужчин, у которых, видимо, была назначена деловая встреча, они оба недвусмысленно мне кивнули.

– Итак, – Джеймс дотянулся через стол до моей руки, пока я опустошала первый бокал вина. – Чего бы ты хотела?

Взглянув на меню, я выбрала:

– Гребешки, пожалуй. По крайней мере, звучит хорошо.

Он кивнул и сплел свои пальцы с моими, массируя их плавным движением.

– Но я не совсем о... еде.

Я изо всех сил старалась уйти от ответа на этот вопрос, направляя беседу в нейтральное русло, но Джеймс накрыл рукой мой бокал с вином и посмотрел на меня одним из его совершенно особенных взглядов.

– Я весь день не могу выбросить тебя из головы, – сказал он.

– И я тоже.

– Ты не понимаешь... – он сжал мою руку крепче и понизил голос почти до шепота. – Я провел с тобой всего лишь один вечер и теперь не могу совладать со своими разумом и телом, которые равно жаждут тебя.

Я робко кивнула, слишком стесняясь признать, что сама множество раз представляла, как Джеймс лежит обнаженный рядом со мной.

– Меня все это просто убивает... жарит на медленном огне... – продолжил он. – Сидеть напротив тебя, не имея возможности ласкать тебя, целовать, – его голос понизился до хрипоты, – трахать тебя...

Но я не отвела глаз, не отвернулась. Вместо этого провела своей ладонью по его ладони, слегка надавливая на косточки пальцев, и медленно проговорила:

– Наверху можно снять комнату...

– Да, – Джеймс широко улыбнулся, – но теперь, когда я уверен, что ты меня сильно хочешь, я заставлю тебя томиться...

Я было запротестовала, но он твердо покачал головой, все еще храня улыбку на лице, налил мне вина.

– Давай сделаем заказ? – сказал он. – Гребешки, наверное, и правда отменные.

Но в таком «деловом» стиле мы пообщались совсем недолго: как только нам подали заказ, воздух над нашим столиком уже плавился от желания, растворенного в нем. Вообще-то я не из тех, кто, придя в ресторан с молодым человеком, начинает говорить о сексе, но Джеймс продолжал самым откровенным образом массировать мои пальцы, а я терлась своей ступней, облаченной в чулок, о его лодыжку, и мы пили уже вторую бутылку вина, так что когда Джеймс спросил, занималась ли я когда-нибудь сексом под открытым небом, я так расхрабрилась, что изъявила желание заняться этим в палатке, на заднем дворе после вечеринки, на пляже или просто отсосать ему в туалете. Джеймс слушал, и его глаза загорались воодушевленно, потом он прервал меня, поинтересовавшись, пробовала ли я когда-нибудь БДСМ или ролевые игры. Его интересовало прежде всего, есть ли у меня любимая роль и поза. Я ухмыльнулась и сказала, что мы с Натаном экспериментировали с шелковыми лентами и наручниками.

– Ну а ты сам? – спросила я Джеймса после того, как официант расставил перед нами горячие блюда. – Ты сам-то пробовал БДСМ?

– Немного, – Джеймс приподнял бровь, – по сравнению с тобой я неопит.

Он улыбался, говоря это, но в его голосе послышался оттенок осуждения. И это меня задело. Джеймс заметил перемену в моем

настроении.

– О, Сьюзи, – он сжал мою руку, – Сьюзи-Сью, ты сердишься? Я ведь только шучу, и все. Посмотри на меня, пожалуйста.

Я посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы и рассмеялась, увидев, что Джеймс надулся, как ребенок. Он, думаю, старался передразнить мое выражение лица.

– Я очень плохо себя вел, – проговорил Джеймс, проведя пальцами по ребру моей ладони, – я делал ужасные вещи, и вместе с тем... – его глаза вдруг зажглись надеждой, – не столь ужасные, какие собираюсь сделать с тобой...

– Джеймс, это угроза или обещание?

Он выпустил мою руку, отрезал кусочек стейка и улыбнулся.

– И то и другое.

...я не помню, как мы купили номер, как поднялись наверх на лифте, открыли дверь, все еще одетые, но в ту секунду, как дверь закрылась за нами, мы начали рвать вещи друг на друге – рубашку, мое платье, его носки, мое белье... секс был ошеломительный, быстрый и животный, так нами владело желание иметь друг друга. Опустошенные, мы лежали в объятиях друг друга, потные и задохнувшиеся, но это затишье продлилось не дольше десяти минут, – Джеймс перекатил меня на кровати, его возбужденный член снова входил в мое естество, настойчиво, до победного конца.

Чуть позже этой же ночью мы переспали в ванной. Мы всего лишь хотели вместе помыться, но мягкая текучая вода, мыло, наши обнаженные тела... когда мы наконец добрались до кровати, солнце уже робко светило сквозь занавески.

– Я словно во сне, – сказал Джеймс, путешествуя пальцем по моему лбу, спускаясь к носу и замирая где-то в районе верхней губы. – Мне кажется, я еще никогда не был так счастлив.

– Я знаю, – я погладила его руки, сжав одной его бицепс, ощущая мускул в своей ладони, – не могу поверить, что это действительно происходит.

– Но именно это и происходит, – Джеймс прильнул ко мне и нежно поцеловал, раздвинул губы языком и поцеловал уже настойчивее, сжимая мою грудь рукой. А через минуту он уже снова был на мне. Уснули мы не раньше шести утра...

Глава 3

– Кто это? – Я отпрянула прочь от ящика стола и повернулась, чтобы рассмотреть того, кто подкрался ко мне сзади. – Я ничего такого не делала, я просто искала...

– Попалась! – Высокий темно-рыжий мужчина стоял в дверном проеме, указывая на меня рукой и смеясь. – Великолепно! Да ты можешь потягаться с олимпийскими спортсменами, я еще не видел, чтобы кто-нибудь так резво и высоко подпрыгивал!

– Оли! Ты меня до смерти напугал!

Мой приемный сын снова засмеялся, его веснушчатое лицо осветилось радостью.

– Прости, Сьюзан, я не устоял.

Я выдавила из себя улыбку, но руки, которые я благоразумно спрятала за спину, дрожали.

– А ты разве не должен сейчас быть в университете?

– А я и был. Ну... вроде того. – Оливер встряхивает рюкзаком, который висит на его плече, как бы показывая, что слова про университет – чистая правда. – Пеший поход в Саутгемптон. Я подумал, что заскочу и увижу отца. – Он оглядывается в поисках Брайана. – Но, похоже, мы с ним разминулись...

– Минут на двадцать. Он сегодня уехал в Лондон.

– Черт подери, – Оливер еще раз осматривается, видимо, надеется, что Брайан чудесным образом материализуется из воздуха, потом переводит взгляд на меня и хмурится. – Сью, ты в порядке? Смотришь на меня, словно увидела призрака.

– Я в полном порядке, – рукой тихонько задвигаю ящик стола и пересекаю кабинет. – Ну правда.

Оливер рассматривает мое лицо, стараясь прочесть по нему что-то.

– Как Шарлотта?

Я вздыхаю, словно сдуваюсь, когда воздух покидает легкие. Пока я копалась в вещах Брайана, меня будоражил адреналин, но теперь я чувствую себя опустошенной.

– Она... – мне хочется сказать Оливеру правду. О том, что Шарлотта точно так же лежит, как и вчера, или позавчера, без изменений, – но он выглядит таким обеспокоенным, что я, конечно же, вру. У него скоро экзамены, он так к ним готовился, мне нельзя его расстраивать. – Ей лучше.

Вчера на щеках, например, появился румянец.

– Да ты что? Правда? – Оливер загорается. – Это же здорово, хороший знак, не так ли?

– Да... это прогресс.

– Ну а она... подавала какие-нибудь знаки... ну, знаешь, что она скоро проснется?

– Нет, пока нет, – соврать сильнее у меня уже не получится.

Правда в том, что врачи не знают, когда Шарлотта проснется и проснется ли вообще. Они провели ряд тестов – рентген, МРТ, – и результаты показали, что функции ее мозга в норме. Грубо говоря, нет физической причины, по которой она остается в коме. Причина – в ее переживаниях. Вот почему найденное в дневнике упоминание об ужасном секрете кажется мне столь важным. Возможно, однажды я узнаю и пойму, почему моя дочь не хочет просыпаться, и смогу ей помочь.

– Что-то... музыка... – говорит мой приемный сын.

– Что ты сказал, мой хороший?

Оли улыбается невинно, я видела эту улыбку сотню раз с тех пор, как Шарлотта попала в аварию, – она ободряет и поддерживает меня в моем забытии, когда я не слышу окружающее и могу думать только о Шарлотте.

– Ты не пробовала наигрывать Шарлотте ее любимые песни? В голливудских фильмах этот прием срабатывает.

– Музыка...

Шарлотта обожала «Степс» и «Клуб семь» – их дурацкие, но очень милые мелодии и простую танцевальную музыку. Но в ту пору она была подростком, прошло много времени.

– Я уже несколько лет не покупала ей музыку на CD. Теперь вся музыка на MP3, дети ее просто загружают из Интернета, разве нет? Ты сама знаешь, какую музыку она любит?

– Вообще без понятия. – Он пожимает плечами. – Леди Гагу, может? Джесси Джей? Не на Гагу ли молится все поколение шестнадцатилетних?

– Да я не особо в курсе.

– А ты проверила бы ее айпод, посмотрела, что она туда закачала, что слушает...

– А ты сможешь проверить? Я не умею, Оли...

Теперь оставалось найти айпод Шарлотты.

– Может, ее друзей спросить?

– Да, думаю, можно, – сказала я. Но это предложение меня смутило. На ее страничке в Фейсбуке, конечно, висели разные уверения в дружбе – вроде «люблю» и какие-то сердечки и смайлики, – но самыми важными

людьми в ее жизни были ее молодой человек Лиам Хатчинсон и лучшая подруга Элла Портер. Как же я сразу о них не подумала?

– Ты в порядке, Сью? – Оливер кладет мне руку на плечо, на его лице – выражение заботы.

Я натужно улыбаюсь.

– В полном порядке. Слушай, ты ведь заберешь подшивку «Нэшнл джеографик» обратно в университет? Журналы заполонили собой весь стол, и это приводит твоего отца в бешенство.

– Честно говоря, я собирался перелистать их и вырезать несколько статей оттуда, онигодились бы в моих исследованиях... – Оливер смотрит на часы. – Черт побери, я забыл о времени, давай я журналами займусь в другой раз, когда буду у вас, хорошо? И, конечно же, заеду повидать Шарлотту.

По лицу Оливера пробегает едва заметная тень.

– Прости, Сью, я редко захожу к ней. Жизнь такая суматошная пошла...

– Я все понимаю, – кладу руку на его предплечье, – у тебя и так забот полон рот. И лучшее, что ты можешь сейчас сделать, это учиться на «отлично», чтобы мы тобой гордились.

Мы в молчании спускаемся вниз, проходим через холл в кухню, где Милли – наш собачий лохматый Гудини – уже поджидает нас, отбивая хвостом барабанную дробь.

Я тянусь к Оливеру, чтобы обнять его на прощание, и вдруг понимаю, как же быстро летит время. Кажется, еще вчера мы впервые обняли друг друга. Оливер и до плеча-то моего не дотягивался – обнимал за колени.

– Я скажу твоему отцу, что ты заезжал, – говорю я ему.

– Клево, – Оливер целует меня в макушку, а потом наклоняется, чтобы потрепать собаку за ухом. – Будь хорошей девочкой, Милли.

– За рулем аккуратнее! – кричу я вслед Оливеру, пока он ленивой походкой покидает кухню, выходит на крыльцо, машет рукой и исчезает.

Я все еще стою у кухонного окна, разглядывая сад, – долго еще стою: маленький красный «Мини-Купер Оливера уже скрылся из виду. Наша с Оливером короткая беседа в кабинете мужа прочистила мне мозги. Я вдруг почувствовала себя очень глупо оттого, что обыскивала карманы Брайана. Если не брать в расчет эмоциональное равнодушие, которое демонстрирует Брайан, и мои подозрения, то по сути у меня нет причин думать, что муж мне изменяет. Разумеется, произошедшее с Шарлоттой изменит наши отношения, да и как столь ужасное событие могло бы не изменить их? Говорят, что леопард никогда не потеряет свою шкуру, но Брайан – когда я

его встретила – уже был сломленным человеком, потом еще его интрижка... в ответ на мои обвинения он плакал и кричал, что он ничем не хуже по крайней мере того монстра, с которым я жила до него. Клялся, что никогда больше не причинит мне боль. И я ему верила.

Звонит телефон, этот звук постепенно прерывает мои размышления, и прежде чем я понимаю, что делаю, я выставляю Милли за дверь на крыльцо и иду ответить на звонок. По личной линии Брайану звонят редко, только если случается что-то важное.

– Алло? – я слегка задыхаюсь, потому что бежала.

– Миссис Джексон? – я тут же узнаю голос. Это Марк Харрис, личный помощник Брайана.

– Да, это я. Я вас слушаю.

– Простите, что отрываю от дел, миссис Джексон, но можно ли поговорить с вашим супругом? Я бы вас ни за что не побеспокоил, но дело в том, что его мобильный выключен.

– Брайан? – я хмурюсь. – Он едет на работу.

– Вы в этом уверены? – В трубке слышится щелчок и шуршание бумаги, потом еще щелчок. – В его ежедневнике отмечено, что его не будет на работе до полудня.

– Должно быть, это какая-то ошибка... – я тяжело дышу, внезапно пересохло горло. Должно всему этому быть рациональное объяснение, – мне муж сказал одно, а своему помощнику – другое... – Брайан абсолютно точно сказал, что едет на работу, когда я видела его сегодня утром.

– О-о-о... – Марк тактично тянет паузу. – Они для него сегодня открылись пораньше?

– Не поняла вас?

– В больнице. Вчера он сказал, что собирается навестить Шарлотту утром. Вот почему я и подумал, что до полудня он будет там.

Я медленно тону в глубоком кожаном кресле Брайана, телефон становится мокрым в ладони. Когда мы навещали Шарлотту, врач сказал, что они будут проводить новые тесты и что навестить дочку раньше полудня мы не сможем.

– Миссис Джексон? – голос Марка такой тихий, что кажется, будто он далеко-далеко, за сотни километров отсюда. – Миссис Джексон, вы в порядке?

Среда, 6 сентября 1990

Джеймс не появлялся три дня, и я начался беспокоиться. Из комнаты в отеле он ушел раньше меня, утром в воскресенье ему нужно было поехать домой и переодеться перед репетицией, и с тех пор от него – ни звонка.

Я прокручивала – снова и снова – события прошлого вечера и ночи – в голове, но ничего неправильного в их течении не находила. Конечно, большую часть ужина я несла чепуху, но как я была рада, что Мэгги позволила мне заняться дизайном костюмов для команды крикета Abberly Players. Да и работа в баре наконец-то даст возможность заплатить за диплом преподавателя английского для иностранцев, и тогда я смогу шить днем, а не по ночам. Но к Джеймсу у меня все же было много вопросов. И еще я бросила курить. Совсем. Даже после чашки кофе сигарету в рот не беру.

Воскресным утром, прежде чем уйти, Джеймс прильнул ко мне и поцеловал в губы. Сказал, что провел одну из самых незабываемых ночей и что обязательно позвонит вечером.

Но вот только он не позвонил.

И в понедельник не позвонил.

К вечеру вторника я была уже так раздосадована, что сама позвонила Хеллс. Она спустила меня с небес на землю и сказала, что поведению Джеймса есть нормальное объяснение и что он позвонит, как только решит это сделать. Она сказала расслабиться и продолжать жить как жила до того. Легко ей говорить. Не она годами жила в одиночестве. Она даже представить себе не может, как мучительно бывает сидеть одной, пытаясь смотреть фильм, но в это время все время поглядывать на телефон и прислушиваться, не звонит ли он. Боги мои, но телефон... он зазвонил!!! Пожалуйста, пусть это будет Джеймс...

Глава 4

Я лежу, свернувшись калачиком на софе, когда Брайан возвращается домой, – в руке у меня книга, на прикроватном столике – чашка кофе, пятками я упираюсь в собственные ягодицы. Все до боли знакомо: можно подумать, что лежит обыкновенно счастливая Сью, но... но я пью уже третий бокал вина, а страницу в книге перечитала раз семь.

– Привет, родная!

Муж быстро оглядывает гостиную и запросто машет мне рукой, точно так же, как его сын часов двенадцать тому назад.

– Я только на минуту обратно в машину, я кое-что привез, и сразу вернусь!

Я одобрительно кивнула, но тело мое напряглось. И дело даже не в том, что муж может снова изменять, не это мучает меня. А то, что он использовал в качестве прикрытия трагедию с нашей дочерью! Я весь день провела как на иголках, пролистывая свой собственный дневник и копаясь в ящиках мужниного стола в поисках хоть какого-то знака... но в ящике не было ничего стоящего, кроме какой-то порванной записки. И если бы не позвонил Марк, у меня бы последнее подозрение развеялось как дым.

– Здравствуй снова, дорогая!

Брайан опять машет мне рукой, проходя в комнату, а рядом с ним семенит Милли. Когда он приближается к софе и аккуратно целует меня, я отодвигаюсь, и он садится.

– Как прошел день, Сью?

– Нормально.

Подушка за спиной явно мешает Брайану, он ее нащупывает одной рукой и, не глядя, отбрасывает прочь, в кресло. Потом откидывается со вздохом облегчения, смотрит на меня.

– Вот просто «нормально» и все? Я думал, ты выберешься в город, купишь себе новое платье или...

– Я...

Еще секунду, еще одну секунду, и ничего не рухнет, все будет действительно нормально. словно мы с мужем в обыкновенной нашей манере болтаем о прошедшем дне... но я помню. Все совсем не «нормально».

– Я никуда не ездила, была слишком занята.

– Ах так...

Брайан приподнимает бровь и ждет объяснений, но я меняю тему разговора.

– Утром заезжал Оли.

– И мы с ним снова разминулись, да? – Вид у Брайана разочарованный. – Чего он хотел?

– Да ничего особенного. Он заезжал по пути в Саутгемптон, собрался в пеший поход или вроде того. Думаю, он может еще раз заехать к нам по пути обратно.

– Ну и славно, – улыбка снова возвращается на лицо мужа. Отношения с сыном у Брайана не такие, как с Шарлоттой, они более... сложные, запутанные. Пока Оливер был ребенком, их с отцом объединяла горечь утраты. Оба страшно горевали, когда мать Оли умерла. Когда мальчик подрос – отношения достигли пика непонимания, но потом постепенно выровнялись до взаимного уважения. Можно описать эти отношения примерно так: крепкая дружба, сдобренная схожим (родственным) чувством юмора и подогреваемая расходящимися взглядами на политику. Они вместе легко находят общий язык, когда им весело. Но когда они ссорятся, это напоминает настоящую битву титанов. И каждый норовит прикрыться то мной, то Шарлоттой.

Я поворачиваюсь, чтобы положить книгу на столик и туда же поставить недопитый бокал вина. При этом стараюсь прятать лицо от мужа. Должно быть, он все же заметил, что выгляжу я, мягко говоря, не очень. Стараюсь вести себя как обычно, в то время как больше всего на свете мне хочется выместить на Брайане всю свою ярость. Но кричать на него я не могу. Меньше всего сейчас нужно, чтобы со мной повторился один из моих припадков. Нужно успокоиться. Мыслить логически. Ну соврал мне, ну и что. Это же не улика в чистом виде.

– Ты в порядке?

В голосе Брайана я слышу нотки заботы.

– Да, я в норме. – Я поворачиваюсь к нему лицом. – Как дела на работе?

– Фу, – Брайан морщится и проводит пальцами по волосам. Когда-то эти волосы были огненно-рыжими, как сейчас у Оливера, но сейчас Брайан почти весь седой. – Довольно отвратительно.

– Как путешествие на поезде?

Брайан смотрит на меня вопросительно. Обычно я не вдаюсь в подробности, расспрашивая о том, как прошел день.

– Говоря твоими словами – нормально, – отвечает он, перемещаясь по софе, и похлопывает меня по коленке. – Слушай, с тобой точно все ок? Ты

выглядишь какой-то напряженной...

Пальцы мои прочно сцеплены, неужели я ими хрустела, пока Брайан со мной говорил? Надо же, как иногда нас может выдать собственное тело! Я перевожу взгляд с пальцев на мужа, но его тело мне ни о чем не говорит, он расслаблен и вполне доволен собой, как всегда.

– Ну и зачем ты мне соврал, Брайан?

У меня не хватает терпения, чтобы сохранить спокойствие и мыслить трезво. У Брайана почти отвисает челюсть, и он говорит:

– Что, прости?

– Ты вроде как ушел на работу...

– Когда?

– Сегодня утром. Но ты ведь туда не пошел, верно?

– Нет, я пошел туда.

– Тогда почему Марк говорит, что тебя там не было?

– Марк? – Брайан убирает руку с моего колена. – А с какой стати ты звонила в мой офис?

– А я и не звонила, – парировала я. – Позвонил как раз Марк.

– И что ему было нужно?

– Сказал, что должен обсудить с тобой что-то чрезвычайно важное. Интересно, успел ли он это обсудить, если ты, конечно, сегодня был в офисе?

– Я был в офисе. И да, – муж чуть подвинулся, сменил позу, теперь он смотрел прямо на меня, – то, что он хотел со мной обсудить, действительно не терпело отлагательств.

– Ну и круто, – я удерживаю взгляд Брайана, – где же ты был сегодня утром, дорогой?

Пару секунд Брайан ничего не отвечает. Проводит рукой по своему лицу и делает несколько глубоких вдохов. Я гадаю, что это: успокаивает ли он себя, стараясь что-то скрыть, чтобы я не поняла, врет он или говорит правду, – теперь, когда я его спровоцировала.

– Я... – он смотрит на меня, нахмурившись. – Я собирался к Шарлотте.

– Никуда ты не собирался! Мы там были с тобой вдвоем, когда врач сказал, что...

– Сью, – Брайан поднимает руку, прося меня замолчать, и я замолкаю. – Я планировал повидать Шарлотту этим утром. Я это планировал уже несколько дней тому назад. Я ведь знаю, что ты не выносишь, когда она остается одна, поэтому я хотел сделать тебе сюрприз, что ли, чтобы ты могла поехать в город и сходить на маникюр, постричься,

купить новое платье, или что там обычно делают женщины, – а я в это время посидел бы с Шарлоттой. Но прошлым вечером врач сказал, что будут делать новые тесты, и это резко изменило мои планы, я не смог сделать, как задумал, так что...

– И что?

Я говорю так громко и резко, что Милли поднимает голову и внимательно смотрит на меня.

– И я отправился в город. Посетил библиотеку, поплавал в бассейне, прошелся по магазинам и просто провел время, – Брайан поежился, – думаю, ты называешь все это именно так: провести время.

– Провести время?

– Ну да, – муж смотрел мне прямо в глаза.

– Правильно ли я поняла тебя, что ты хотел подарить мне возможность потратить время для себя самой, но когда врач сказал о предстоящих тестах для Шарлотты, ты решил изменить планы?

– Вроде того, – Брайан повел плечом, было видно, что ему не очень комфортно.

– Ну а почему ты об этом не сказал мне?

– Когда я мог это сказать?

– Да хотя бы сейчас, когда пришел. Почему. Ты. Не. Сказал. Мне?

– Да бога ради, Сью, – Брайан качнулся ко мне, обхватывая голову руками, – я не хочу так, правда, не хочу, понимаешь?

– Но... – я не успела закончить предложение. Вся ситуация вдруг высветилась перед мной в каком-то комедийном свете, и я спросила саму себя, почему я продолжаю выяснять отношения с Брайаном? Брайан хотел подарить несколько свободных часов мне, но так получилось, что подарил их себе. И это логично. Да, он не сказал мне об этом прямо с порога, и что в этом такого? Я же не его владелец, он не должен передо мной отчитываться за каждый свой шаг, я же перед ним не отчитываюсь. Я на это не способна – после того, что пережила с Джеймсом.

Я смотрю на противоположный конец софы. Она горбится, но у нее красивая обивка, я фиксирую это, не знаю зачем. Брайан был таким отдохнувшим, таким оптимистичным, когда десять минут назад вошел в дом. А сейчас он выглядит на десять лет старше.

– Прости меня, – я кладу руку на его плечо.

Брайан молчит в ответ.

– Прости, пожалуйста, – повторяю я.

Дедушкины часы в углу комнаты отсчитывают еще десять минут тишины.

– Брайан, – я стараюсь говорить как можно мягче, – пожалуйста, посмотри на меня.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем Брайан убирает руки от лица и смотрит на меня.

– Сью, у меня нет желания спорить, не после того, что случилось.

– И у меня нет.

Я трясую его за плечо, а он своей ладонью накрывает мою. Тепло его руки действует успокаивающе, и я тяжело вздыхаю.

– Идет? – Брайан ищет ответ в моих глазах.

Я уже почти готова его обнять, чтобы затеряться в его теплом, мужском запахе, но мысль пронзает меня.

– А в бассейне, где ты плавал, было много народу?

Брайан выглядит обескураженным, но потом улыбается.

– Полно! Кругом одни дети, ведь сейчас середина семестра, что я ожидал?

«Не знаю, что ты там ожидал, – думаю я про себя, пока Брайан притягивает меня к себе и обнимает все крепче, – но бассейн был, скорее всего, не то что безлюден, в нем даже воды не было. Потому что две недели назад его закрыли на ремонт».

* * *

Мы сидим у кровати Шарлотты очень тихо. Я держу ее за одну руку, Брайан – за другую. В углу палаты ритмично и неумолимо пищит прибор, фиксирующий сердцебиение нашей дочери. По пути мы с мужем не сказали друг другу ни слова. Но мы часто дружно молчим, как бы понимая друг друга, особенно когда в машине работает радио. Пока мы ехали, Брайан спокойно вел, а я молча смотрела на пейзаж за окном. Я пыталась решить, что делать: продолжить выяснять отношения, сказав, что бассейн-то на ремонте, или же прикусить язык и притвориться, что все чудесно. Сейчас, пожалуй, нужно выбрать второе.

– Они все еще не нажали кнопку тревоги, – говорю я, и мой голос звучит страшно громко в маленькой палате.

Брайан разглядывает неряшливую желтого цвета салфетку, прикрывающую красную кнопку в изголовье кровати Шарлотты.

– Нечему удивляться. Думаю, они даже каналы в телевизоре не переключают.

Я дотягиваюсь до пульта и включаю ящик, там показывают «Удачную

покупку» – мы смотрим секунд тридцать, а потом по экрану идут сплошные помехи. Я его выключаю.

– Какова ирония момента, – Брайан действительно поражен, – я ведь работал – и получил бюджет, чтобы улучшить финансирование этой больницы. А тут все так же, как было, и даже хуже. Я пришел сюда с улицы, а меня даже не проверили на наличие стафилококка, вдруг я заражу Шарлотту? А ты обратила внимание на то, какие тут грязные подоконники? Чем тут вообще заняты уборщицы? Распыляют дезинфектант в каждой комнате, словно это духи, а потом идут домой с тяжелой работы?

– Сурово ты говоришь, – я достаю антисептическую салфетку из мешочка, который прикреплен к кровати Шарлотты, протираю подоконник, потом – каретку кровати, на которой лежит моя дочь, следом – дверную ручку. – Думаю, они просто перегружены работой, не успевают ничего толком.

Брайан вздыхает и шуршит газетой, которую взялся читать. У мужа есть привычка зачитывать вслух интересные или вызывающие полемику статьи. Понятно, что Шарлотта никак на них не реагирует, но этот нехитрый ритуал позволяет наполнить визит к дочери смыслом.

Покончив с уборкой, я возвращаюсь к Шарлотте. Расправляю складки на ее ночной рубашке, расчесываю волосы, протираю лицо влажной салфеткой, втираю крем в ее кисти, потом на секунду замираю у края кровати, чувствуя, как едва заметно дрожат мои руки. Волосы Шарлотты не были спутаны, лицо не испачкано, кожа на руках не пересохла, но что же еще делать с ней, как не заботиться? Можно просто держать ее за руку. Словами не передать, как сильно я ее люблю. Я могу только молиться, чтобы она снова очнулась, открыла глаза, вернулась к нам. Могу не молиться, а плакать. Могу дожидаться, пока останусь с ней в палате один на один, прильнуть к кровати, обнять ее всю и спросить: ну почему?! Почему я не заметила, что ей так больно, что она скорее умрет, чем проживет еще хотя бы один день? Доченька моя, как могла я не заметить этого? Не почувствовать? Возможно, я плохая мать. Возможно, в ее детстве я с ней мало проводила времени, мало носила на руках, мало ей пела, мало прижимала к себе. Может быть, как раз те два дня – сразу после ее появления на свет, – когда я не могла взять себя в руки и все время рыдала, – может, именно тогда во мне повредился этот самый ген материнства? Как еще объяснить, что я осталась равнодушной к страданиям собственного ребенка?

Я могу возложить надежды на бога, например. Молить его, чтобы он поменял меня и Шарлотту местами, – чтобы она снова могла улыбаться,

смеяться, ходить по магазинам, навещать друзей, смотреть кино, слишком долго торчать в Интернете.

Чтобы она могла ЖИТЬ вместо меня.

Но я уже проделывала все эти трюки: молилась, плакала и снова молилась. Так много раз проделывала, что потеряла счет времени, и ничто, ничто не налаживалось.

– ...простите, но за один раз больную могут посещать не более трех человек. Боюсь, одному из вас...

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть, кто говорит. Медсестра преграждает путь парочке молодых людей, юноша и девушка стоят как раз на пороге палаты. Я узнаю в высоком худощавом блондине Дэнни Арджента, одного из приятелей Оливера. Рядом с Дэнни стояла не известная мне девушка.

– Но как же... – И тут мы с Дэнни встретились глазами: – Привет, Сью!

– Дэнни! – Я взглядом показываю Брайану, что пришел Дэнни. Брайан хмурится. – Что ты здесь делаешь?

Дэнни заходит в палату. Медсестра громко протестует, но парень не обращает никакого внимания.

– Мы... – Дэнни оборачивается на свою подругу, привлекательную девушку смешанных кровей, – Кейша и я, мы хотели повидать Шарлотту. Можно?

Брайан прокашливается, дело в том, что у них с Дэнни нет особого взаимопонимания с тех пор, как нам пришлось – несколько лет назад – ехать в больницу, чтобы забрать оттуда Оливера, после их с Дэнни пьяной вечеринки. Сначала Брайан стал белее простыни, когда увидел сына, лежащего в полубессознательном состоянии на больничной каталке, – потом покраснел, увидев Дэнни, который тренировался с колесом каталки, пиная его. Дэнни он никогда не простит – за то, что тот позволил его сыну напиться в стельку, но при Оливере он ни разу не позволил себе неуважительно высказаться о лучшем друге сына.

У Дэнни теперь просто нет шанса поступить неправильно. Если он, конечно, благодаря заботам Брайана хочет остаться директором ночного клуба.

– Сью? – Дэнни снова зовет меня. Он кивает в сторону Кейши, которая с надеждой улыбается мне.

Я смотрю на Брайана. Случайному человеку мой муж может показаться образцом нормального человека, но я-то знаю, что творится у него в голове, что скрывается за этим взглядом. Вот прямо сейчас Брайан скорее всего прикидывает, мог ли Дэнни иметь отношение к аварии, в

которую попала Шарлотта. Брайан сжимает кулаки уже из-за одного того, что видит Дэнни в одной палате со своей дочерью. Лично у меня к Дэнни особых претензий нет. Он, разумеется, тщеславный, самовлюбленный и крайне материалистического склада человек; я бы сама вряд ли выбрала в друзья Оливеру именно его. Но он не так уж плох, он не опасен. Например, он всегда относился к Шарлотте как к сестре, и ей это, надо сказать, не всегда нравилось. Но тут я не могу пойти поперек Брайана, даже представить себе не могу, что пойду против мужа. Но это только ради Шарлотты, не ради Брайана.

– Я не знаю, хорошо ли... – я перевожу взгляд с Дэнни на Брайана и обратно на Дэнни. – Можно ли..

Слышно, как скрипнул стул Брайана, и он встал.

– Хочу выпить кофе, – муж многозначительно смотрит на меня. – Я тебя найду, Сью. Оставайся здесь.

И Дэнни, и я удивлены – каждый по-своему, – Брайан делает в сторону Дэнни предупреждающий кивок и только после этого покидает палату. Проходит несколько томительных минут тишины, пока кто-то из нас решается произнести что-то вслух.

– Заходите, заходите же, – в конце концов я приглашаю их войти, дублируя слова жестом. Кейша проскальзывает в палату и сразу же прижимается к Дэнни так тесно, что он едва может сохранять равновесие. Ту же повадку я наблюдала у Милли, когда она прислонялась к Брайану. Она обычно так давила на колени мужу, что он едва мог устоять на ногах. У Милли это знак наивысшей преданности, и, глядя на лицо Кейши, могу с полной уверенностью сказать, что ее поведение значит то же самое.

А Дэнни едва обращает внимание на Кейшу. Если бы он не приобнял ее за плечи и не положил ладонь на основание шеи, я бы усомнилась, что он вообще замечает ее. Он глаз не мог отвести от Шарлотты – по крайней мере, последние пять минут.

– Как она? – спросил Дэнни.

Я пожимаю плечами. Это очень удобный и распространенный ответ. Полуобман-полуправда.

– Врачи говорят, что худшее уже позади.

– Так почему же... – он хмурится, – почему она не просыпается?

– Они этого не знают, – я глажу руку Шарлотты. Она лежит такая тихая и спокойная, кажется, она холодная как лед, но нет, – теплая, живая.

– Правда? А как вы считаете, врачи смогут...

Раздается громкое всхлипывание, и мы оба – я и Дэнни – поворачиваемся к Кейше. Слезы градом бегут по ее щекам.

– Ну вот... давай прекращай, слышишь? Ты меня этим просто бесишь.
Я инстинктивно напрягаюсь от его тона. Джеймс вел себя точно так же – холодно и жестко, – даже если кто-то рядом плакал.

Кейша закрывает лицо руками, но слезы она остановить не может. Они просачиваются сквозь пальцы и каплют с подбородка, оставляя на розовом топе красные мокрые пятна.

Я было протягиваю руку, чтобы утешить ее, но сижу слишком далеко.

– Кейша, ты в порядке?

Она кивает и правой рукой вытирает щеки.левой держится за борт кожаного пиджака Дэнни.

Ей, вероятно, восемнадцать, максимум – двадцать, но ведет себя как пятилетний ребенок.

– Просто... – она слегка захлебывается в рыданиях, – просто... очень грустно...

Я удивлена ее акцентом. Не думала, что она ирландка.

– Да, грустно. – Грудь Шарлотты вздымается и опускается на выдохе. Трубки убрали четыре недели назад, с тех пор она дышит сама. – Мы не теряем надежды, нет причин сомневаться, что она не...

Кейша тихо стонет, словно у нее разрывается сердце, и отпускает Дэнни.

– Кейша, Кейша, прекрати немедленно, – на лице Дэнни нервно играет желвак.

– Не могу, – Кейша обхватывает себя руками и пятится к двери.

– Кейша? – Я встаю со стула и медленно иду к ней. Протягиваю руку ладонью вверх, словно передо мной раненый жеребенок или олень. – Кейша, что с тобой, что такое?

Она видит мою руку и трясет головой.

– Простите меня, – она снова пятится к двери, все ближе и ближе к порогу. С головы до пят она дрожит, это видно. – Мне так жаль...

– Нам всем очень жаль, – я стараюсь сохранять спокойствие, но сердце бьется, как птица в клетке, – не нужно так сильно расстраиваться, Шарлотта действительно попра...

– Я не о том. Я о...

– Кейша! – Дэнни говорит так громко, что мы обе подпрыгиваем. – Заткни к чертям собачьим свою пасть!

– И не подумаю, – Кейша переводит взгляд с лица Шарлотты на лицо своего друга. – Она должна знать.

– Знать что?

О чем она говорит?

– Что я должна знать, Кейша?

Какое-то время они с Дэнни пялятся друг на друга, словно их загнипотизировали. У Дэнни глаза превратились в бойницы. Он уже спокойно и тихо просит ее заткнуться.

– Кейша!

Мне нужно, чтобы она на меня посмотрела. Я должна разрушить заклинание, которое Дэнни на нее наложил.

– Кейша, прошу тебя!

– Сью, ты почему кричишь? – Брайан появляется в дверном проеме за спиной у Кейши, в руке у него чашка дымящегося кофе.

Я смотрю на мужа с изумлением. Как долго он тут, когда успел вернуться?

– Я так и думал, – Брайан косится на Дэнни, – я знал, что, черт подери, будут проблемы, стоит тебя пустить...

Но он не успевает закончить фразу, потому что Кейша тихо вскрикивает и, оттолкнувшись от плеча Дэнни, толкая Брайана, выбегает из палаты. Кофе выплескивается на холодный линолеум.

– Кейша! – Дэнни бросается за ней следом.

Самый ужасный момент – когда Дэнни и Брайан сталкиваются лицом к лицу в дверях, и я почти уверена, что кто-то из них ударит другого, но вот Брайан уступает дорогу Дэнни... я слышу, как Кейша что-то хрипит, когда ее дружок догоняет ее в коридоре, и после этого больница снова погружается в тишину.

Аппарат, фиксирующий сердцебиение Шарлотты, пищит и пищит.

Брайан смотрит на меня со смешанным выражением смущения и шока на лице.

– Что тут вообще произошло?

В его вопросе слышится невысказанное обвинение, он смотрит на Шарлотту, обеспокоенный.

– Я аж с другого конца коридора услышал, как кричит эта девчонка, и удивлен, что не пришла медсестра. Или даже охрана.

Я сажусь на стул возле кровати Шарлотты, мышцы в ногах внезапно ослабевают. Беру дочь за руку. Секунду я и Брайан сидели в тишине, молча, а потом он спросил:

– Что она хотела тебе сказать?

Брайан ставит недопитую чашку кофе на столик и берет Шарлотту за другую руку.

– Кто?

– Та девчушка, что была с Дэнни. Она что-то кричала, пока бежала по

коридору.

– Я ничего не расслышала.

Брайан очень пристально смотрит на меня.

– Сью, она кричала что-то вроде «тупая чертова кукла, она мне доверяла, она думала, что я ее лучшая подруга, и теперь посмотри, что случилось».

* * *

Суббота, 9 сентября 1990

В среду позвонил Джеймс. Он дико извинялся, сказал, что ему помешали чудовищные обстоятельства, поинтересовался, смогу ли я когда-нибудь его простить за то, что он так долго держал меня в подвешенном состоянии. Я очень хотела разозлиться, объяснить, что заслуживаю лучшего отношения и что с его стороны довольно самонадеянно вот так просто ждать, что я прощу его потому, что он позвонил и попросил. Но вместо этого я сказала:

– Купи мне пива, и я подумаю об этом.

Он назвал меня ангелом. Он даже не сомневался, что я поведу себя правильно и все пойму.

Когда мы встретились, чтобы выпить пива, я попыталась разузнать побольше об ужасных обстоятельствах, что помешали ему позвонить, когда он обещал. Но Джеймс быстро свернул разговор, уверив, что все расскажет чуть позже, когда мы будем вместе чуть дольше, чем сейчас (интересно, а это «мы» действительно существует?).

Неизбежно мы оказались в постели.

Мы сидели в клубе «Рука и сердце» в Клэптон Коммон, и, когда сделали последний заказ, я предположила, что мы поедем на метро ко мне в квартиру, потому что у меня дома была пара бутылок вина, их следовало опустошить. Джеймсу идея понравилась. Он сказал, что ему не терпится увидеть, где я живу, и послушать, что ему расскажут мои вещи обо мне. Как выяснилось позже, все, что он смог рассмотреть и запомнить – после того, как мы прошли в квартиру, – это стены цвета магнолии и белый потолок. Насытившись, мы лежали в объятиях друг друга, слушая песенку «Обезьянка отправилась на небеса» группы «Пиксиз». Песенка играла снова и снова, потому что нам было лень подняться с кровати и сменить

кассету. Я спросила Джеймса, когда он пригласит меня к себе. Словно туча омрачила его лицо, и он ответил:

– Надеюсь, что никогда.

Когда я спросила, что значит это «никогда», Джеймс пожал плечами и пошел в туалет. Когда он вернулся, я рассмеялась, потому что мы заговорили уже совсем о другом. И да, я легко переключилась с темы на тему, как обычно. Но в следующий раз я не сдамся без боя...

Глава 5

– Кейша Мэлли?

Оли тянется за бисквитом и кусает его. Только десять минут назад он вернулся домой и почти опустошил коробку с шоколадными пирожными.

– Подтянутая чернокожая девушка? Да, я, кажется, ее знаю, она с Дэнни.

Три дня прошло с того случая в больнице, но я все еще прокручиваю его в мыслях. Что Кейша имела в виду, сказав «она мне доверяла, она думала, что я ее лучшая подруга, и теперь посмотри, что случилось»? Мы с Брайаном разговаривали о произошедшем всю дорогу домой и потом еще часами ночью, но так ни до чего и не докопались. Мне понадобилась вся моя выдержка и твердая рука мужа, не пускавшая к телефону, чтобы не позвонить Оливеру прямо посреди ночи и не узнать номер Дэнни, а потом связаться Дэнни и задать кучу вопросов...

– Шарлотта когда-нибудь упоминала Кейшу? Говорила, что та – ее лучшая подруга?

– Кейша? Ее лучшая подруга? Ты меня разыгрываешь? А как же Элла? Они были не разлей вода. – Оливер приподнимает бровь. – Или они успели разбежаться?

Я трясую головой.

– Не знаю, Шарлотта никогда не говорила, что они с Эллой поссорились, но как же тогда... – я замолкаю. В этот момент только и осознаю по-настоящему, что я далеко не все знаю о жизни дочери.

У Оливера меняется выражение лица.

– Немного необычно, не правда ли? Пятнадцатилетняя Шарлотта и девятнадцатилетняя Кейша – лучшие подруги? Или у девчонок возраст – не преграда?

– Не знаю, не знаю, – я опять пожимаю плечами. – Но зачем, с другой стороны, Кейше врать?

– Не забывай, она – женщина, а все женщины немного чокнутые! – Оливер смеется, но потом у него становится виноватый вид. – Прости, Сью, подцепил манеру от знакомых ребят.

– Оливер Джеймс Джексон, – Брайан рывкает прямо с крыльца. – Ты снова хочешь довести мать до ручки?

Брайан посылает Оливеру железный взгляд, но губы его непроизвольно растягиваются в улыбке, и вот он уже забывает о

недоразумении.

Но Оливер держит удар:

– Старик, зато у тебя выходной по этой части!

– Ага! – Брайан пересекает кухню и слегка бодает Оливера, проходя мимо него. – От старика тебе спасибо!

Я с радостью умиляюсь на то, как муж и сын в шутку разыгрывают роли отца и сына. Ну вот обменялись оскорблениями, померились силами, пошутили шутки, теперь можно и поулыбаться. Обожаю наблюдать за ними, но какая-то темная, ненавистная мне часть меня в эти моменты пылает ревностью. Между ними близость, о которой я могу только мечтать, которой у нас с Шарлоттой нет. Когда она родилась, когда я впервые взяла ее на руки, в голове роилась тысяча фантазий, я мечтала о будущем – как, например, мы вдвоем ходим в магазин за обувью, шепчемся, пока делаем маникюр в салоне, воркуем за просмотром голливудских фильмов или просто сидим за кухонным столом, болтая.

Но так не было никогда за все пятнадцать лет.

До того как Шарлотте исполнилось одиннадцать, я для нее была кумиром, но потом что-то серьезно изменилось. Вместо того чтобы прибегать из школы воодушевленной и рассказывать мне обо всем, случившемся за день, Шарлотта стала замкнутой и молчаливой. Вместо того чтобы вдвоем валяться на софе и смотреть очередную серию «Скуби Ду», Шарлотта предпочитала закрыться у себя в комнате с ноутбуком и сотовым телефоном. Смотрит букой, стоит мне только на секунду просунуть голову в дверь и предложить чашку чаю, например. Брайан пытался уверить, что это совершенно нормально, что Шарлотта просто взрослеет. Он приводил в пример его отношения с Оливером, рассказывал, как сын был точно таким же в переходном возрасте. И, хотя я не сказала бы, что они этот возраст до сих пор преодолели, их сложности все же ограничивались вопросами карманных денег (Оливеру постоянно не хватало средств). У нас с Шарлоттой были сложности иного порядка.

Она отказывалась говорить со мной, и именно поэтому я купила ей ее первый дневник. Я решила, что это даст ей возможность делиться новыми, необычными для нее чувствами, – даже теми, что она испытывала ко мне, – никого не смущая.

– Не правда ли, Сью? – Оливер уже несколько минут что-то говорит, но я отвлеклась. – Ты вообще меня слушаешь?

– Прости, я прослушала, – я смотрю сначала на Оливера, потом на Брайана, потом опять на Оливера. – Что такое?

– Папа только что пошутил. Ну... – Оливер смешно двигает бровями, –

он как бы думает, что пошутил, а я хотел тебя вовлечь в наш разговор, потому что... – он замолкает и смеется, видя, что я побледнела.

– Сю спрашивала тебя о Кейше? – интересуется Брайан, чтобы наконец уже сменить тему разговора.

Оли кивает, он как раз доел последнее пирожное и не может ничего проговорить с набитым ртом.

– Да, – говорю я. – Оли ее знает, она подружка Дэнни, но вот Шарлотта о ней никогда не упоминала.

– М-да, – Брайан тянется к пустой тарелке, относит ее в раковину и возвращается к столу. – А о том, что разбежалась с Эллой, Шарлотта ничего не говорила? Были какие-то подробности или, может, недовольство с ее стороны?

Оли отрицательно качает головой.

– Шарлотта редко писала мне эсэмэс, почти ничего не рассказывала о своей жизни. Обычно она обращалась ко мне, если ей нужен был совет или... – Оливер прервался.

– Или что? – мы с Брайаном спросили синхронно.

Оли заерзал на стуле.

– Или если ей что-то надо было купить по Интернету.

Мы с Брайаном обменялись многозначительными взглядами.

– А что она покупала через Интернет? – спросил Брайан.

– Да ничего особенного, пап! Билеты, подписки на журналы, что-то на Ебай – в общем-то, что нельзя купить без кредитки или счета на PayPal.

Я блуждаю взглядом по комнате, ничего конкретного не ища, просто пытаюсь осмыслить, что сейчас говорит нам Оливер. У Шарлотты был собственный ноутбук и мобильник, но мы не решились открывать на ее имя кредитку, пока ей не исполнится шестнадцать. Мы давали ей деньги раз в месяц. Если то, что говорит Оливер, правда, тогда понятно, почему ей стал приходиться по почте каждые две недели журнал «Хит-мэгэзин». Я снова смотрю на Оливера. Я слишком ошарашена его рассказом, чтобы разозлиться за то, что он помогал сестре совершать покупки через Интернет, не предупредив об этом нас.

– А было что-то странное или необычное, что она попросила тебя купить, перед тем, как случилась авария?

– Да нет, как я и сказал, она покупала билеты и фотографии знаменитостей с их автографами, ну и вроде того. – Оливер хочет что-то взять со стола, но потом вспоминает, что пустую тарелку из-под бисквитов уже убрали. Морщинка пролегает между его бровями.

– Что такое? – спрашивает Брайан.

Оливер смотрит сначала на него, потом на меня. Губы его дрожат, словно он собирается что-то сказать, но не решается.

– Да что такое наконец?

Теперь я тоже начинаю раздражаться.

– Оливер, ты можешь рассказать нам все, мы не будем тебя ругать и сердиться, я обещаю, – я говорю, кажется, убедительно. Но это я не буду сердиться и ругать, а вот Брайан... он сидит на самом крае стула, локтями уперся в стол, смотрит на сына не моргая.

– Я... – Оливер не выдерживает взгляд отца, отводит глаза.

– Ну, прошу тебя, – говорю я, – я могу помочь...

– Ладно, – Оливер садится поудобнее, кладет руки на стол, а на них – подбородок. – Ладно, – он снова на секунду замолкает, чтобы прокашляться, но если он промедлит чуть дольше, я просто взорвусь. – Шарлотта просила меня оплатить номер в отеле для нее и Лиама.

– Она ЧТО?!!

Милли, всегда особенно чувствительная к настроениям Брайана, вбегает в комнату с крыльца и немедленно кладет мужу голову на колени. Смотрит на него преданными глазами и этим напоминает Кейшу, которая точно так же смотрела на Дэнни.

– Шарлотта сказала, что не хочет терять девственность в машине на заднем сиденье или на футбольной площадке, за школой, как почти все делают...

– Номер в отеле?

У Брайана краснеет шея.

– Ей же, черт возьми, всего пятнадцать лет, о чем она вообще думала? Если ты, мать твою...

– Да я ничего не успел сделать, пап! – Оли даже поднимает руки вверх в знак примирения и самозащиты. – Клянусь, я не сделал бы ничего такого!

По тому, как он напуган, я уверена, что он говорит правду.

– А чего ты раньше нам не сказал обо всем этом? – спрашиваю я.

– С чего бы мне вам об этом говорить?

– Да хотя бы потому, что твоя пятнадцатилетняя сестра собиралась заняться сексом с ее семнадцатилетним дружкой в номере какого-то отеля! – Брайан сполз со стула, повис на руках над столом, костяшки пальцев побелели.

– Брайан, прошу тебя, – я хочу успокоить мужа, но он не слышит, приходится еще раз позвать его по имени. – Прекрати кричать, Оливер ни в чем не виноват!

Тут оба они – Оливер и Брайан – оборачиваются, чтобы посмотреть на

меня. Словно они только что заметили, что нас трое.

– Прости, дорогая, – Брайан еще зол, это чувствуется по голосу, но он садится на стул, потирая шею. Закрывает глаза. Потом снова открывает их и пожимает мою руку. – Прости, Сью.

Он смотрит на Оливера. Щека у него дергается, губы сжаты в гримасе раскаяния.

– И ты, сын, прости, просто я так всем этим удивлен...

Оливер ничего не отвечает, только пожимает плечами, – он взрослеет и умнеет.

Я накрываю руку супруга своей:

– Я знаю, Брайан.

Брайан смотрит мне в глаза.

– Сью, кажется, ты не очень удивлена всем этим.

– Не очень, ты прав, – я глажу его руку, – я читала дневник Шарлотты и в курсе их с Лиамом отношений.

Брайан хмурится.

– Она вела дневник? И когда ты об этом узнала?

– Сегодня утром, – соврала я.

Брайан выпрямляется. Если он как-то замешан в том, что произошло с Шарлоттой, то ведет себя странно – совершенно спокоен, не волнуется, что я могла что-то прочесть в дневнике дочери?

– И это как-то... – он подается вперед, – как-то объясняет, почему она хотела себя...

Он не может заставить себя произнести слово «убить», даже боится подумать о том, что наша дочь была столь несчастной, решив покончить с собой и не длить больше муку. И я могу разделить его чувства, совершенно точно могу.

– Нет, – говорю я и вижу, как муж успокаивается.

Разумеется, это снова ложь, но я не могу рассказать ему правду о дневнике, пока не буду на сто процентов уверена, что он никак не замешан в произошедшем, что «секрет» Шарлотты не связан с ним. Именно сейчас я не знаю, кому верить.

– А мне можно взглянуть на этот дневник? – просит Брайан.

Когда я удивленно приподнимаю брови, он поспешно качает головой.

– Нет-нет, конечно, ты права, как всегда права. Шарлотта даже в коме заслуживает того, чтобы мы уважали ее право на личную жизнь. Но... – Брайан замечает Оливера, который изучает его и меня взглядом, потому что мы впервые при нем обсуждаем аварию, в которую попала Шарлотта. Видимо, декорация благополучия совершенно разрушилась, и Оливер

наконец увидел истинное положение дел.

Брайан сутулится, сидя на стуле, мы все погружаемся в молчание, и я таращусь на крошки, разбросанные по скатерти.

Я не удивилась, когда прочла вступление к дневнику Шарлотты. Она писала, что больше всего на свете хочет потерять девственность с Лиамом, но она была и воодушевлена, и напугана одновременно. Я была этим тронута, но особого значения не придавала. И, разумеется, не связала это обстоятельство с ее возможным «секретом», о котором она упоминает в последней записи дневника. Я думала, «секрет» связан с Брайаном, но вот сейчас, когда Оливер рассказал про затею с номером в отеле...

Переводя взгляд с тарелки на Милли, я вижу, как она уже перебралась на мое колено и тихо посапывает на нем. Похоже, нам стоит прогуляться – навестить Лиаму...

Воскресенье, 30 сентября 1990

Вчера вечером Джеймс наконец-то признался мне в любви, спустя четыре недели после того, как мы сходили на первое свидание. Он привел меня в пафосный мексиканский ресторан в Камдене – там все столики светились от расставленных на них мерцающих свечей. Атмосфера была интимной, но углам я не заметила ни одного засохшего кактуса, как это иногда бывает в мексиканских ресторанах. Я старалась есть фахитос так, чтобы не забрызгать все вокруг себя, но чем усерднее я пыталась найти правильный угол наклона этой вкусной лепешки по отношению к рту, тем больше содержимого вываливалось с другого ее конца и тем больше меня это веселило. Но когда я посмотрела на Джеймса, то поняла, что выражение его лица было чрезвычайно серьезным.

Возможно, за моей спиной случилось что-то ужасное – и я обернулась туда, чтобы тоже увидеть это, но нет: по улице за окном точно так же, как всегда, ехали машины и сновали люди.

Тогда я отложила лепешку, я уже не была голодна, доедать ее почему-то расхотелось.

– Джеймс, что с тобой?

Поерзав на стуле, он ответил немногословно:

– Со мной – ты.

– А со мной что-то не так?

– Ты – самая невероятная женщина из всех, кого я встречал в своей жизни!

Он смотрел, не моргая, губы вытянулись в прямую линию, руки прилежно сложились на коленях. Я чувствовала, как он не просто разглядывает мое цветастое красное платье, черные бусы и кудрявые волосы, – а смотрит внутрь, забираясь, кажется, в самые мои мысли.

– Я люблю тебя, Сьюзи, – сказал он. – Никого так не любил, как тебя, и это пугает меня, любить кого-то так – страшно. Не могу спать, есть, думать, – ты занимаешь все мое существо. Едва могу работать и играть. Я почти утратил понимание того, кто я есть, и это пугает меня до чертиков, но и сбежать от тебя я не в состоянии, потому что... я люблю тебя. Я просто не смогу без тебя.

Он внимательно смотрел мне в глаза, ожидая реакции на только что сказанное. Я ни разу до этого не видела его таким обеспокоенным. У меня на лице появилась какая-то отчаянная улыбка, я понимала, что вряд ли даже самая бурная и искренняя радость с моей стороны поможет ему прийти в себя, так сильно он был взволнован. Поэтому я просто взяла его ладони в свои. Он сжал мои пальцы в ответ.

– И я тебя люблю, Джеймс. Но еще ни разу в жизни я не чувствовала себя столь напуганной и уязвимой. Понимаешь, я сняла оборону, и теперь ничто не помешает тебе причинить мне боль, если ты решишь это сделать...

– Я никогда не заставлю тебя страдать, Сьюзи-Сью. – Он отпустил мою руку, чтобы погладить по лицу. – Никогда. Лучше я причиню боль себе, чем позволю тебе испытать ее.

По его лицу потекли слезы, но Джеймс тут же резким движением утер их.

– Давай просто уйдем отсюда, – он эффектно бросил на стол мятые купюры, – поедem к тебе, поставим какую-нибудь музыку, завалимся в постель и забудем на весь мир.

Я не могла и подумать об ином развитии событий.

Глава 6

Я не пошла прошлой ночью домой к Лиаму: как только я под безобидным предлогом (выгулять Милли) собралась покинуть дом, Брайан сорвался с места и исчез где-то в холле. Вернувшись пару минут спустя, он уже был одет в свой всепогодный пиджак и держал в руке поводок Милли, готовый пойти вместо меня. Попрощавшись с сыном самым коротким словом из возможных – сказав «Пока!», – Брайан ушел, хлопнув входной дверью. Оливер и я очень удивились такому поведению. Я предложила ему выпить чашечку чаю, съесть еще несколько бисквитов, но он отрицательно покачал головой, объясняя, что уже и так поздно, а ему еще надо успеть в Лестер. Теперь я смотрю на часы в кухне. Кажется, Брайан уже вечность как ушел на работу, но сейчас только без десяти девять. Если Лиам хоть чем-то похож на Оливера, то он сейчас, должно быть, спит сладким сном. Я ставлю чашку кофе на стол и встаю. Возможно, если я проделаю долгий путь к его дому, то наконец-то проснусь. Успею к половине десятого, если срежу дорогу через парк. Нет, я передумываю, стоит мне только войти в комнату с дедушкиными часами. Надеваю пальто. Сначала надо позвонить. Что-то не так – снимаю пальто. Надо не позвонить, а послать сообщение. Тогда я не разбужу никого, если дома у Лиамы спят. Но вот ведь незадача: у меня нет мобильного номера Лиамы, только городской.

А вот у Шарлотты мобильный Лиамы наверняка есть.

Я бегом взлетаю на второй этаж и вхожу в комнату дочери, но медлю в дверях. Где же ее мобильный? Я не видела его с момента аварии.

Две недели после того, как Шарлотту госпитализировали, я не заходила в ее комнату, не трогала ее вещи – даже испачканные тушью ватные диски так и остались валяться на ее туалетном столике, грязные лифчики и трусы запихнуты под кровать, а по полу разбросаны журналы. Я рассудила, что сильно расстроюсь, если уберусь в этой комнате – словно вымету все следы присутствия моей дочери. А если она никогда не проснется?.. Покажется глупым со стороны, но я была в шоке, – чем еще объяснить, что я не заметила ее телефон в чистой пластиковой сумке, в которой лежали и другие вещи Шарлотты, которые отдала мне медсестра?

Ну да, это был обычный набор вещей: кошелек, косметичка, расческа, но телефона там не было. Почему? Ведь подобно большинству подростков Шарлотта была очень привязана к телефону, буквально не выпускала его из рук.

Недели через три после аварии шоковое состояние наконец слегка прошло, а желание оставить в комнате Шарлотты все, как есть, окрепло. Беспорядок я воспринимала не как просто беспорядок, а как знак того, что Шарлотта не умерла, а просто заболела и с минуты на минуту может сюда вернуться. И именно тогда я нашла дневник.

Я открываю двери стенного шкафа, роюсь в ее вещах. Там есть кое-что, что я никогда раньше не видела: жакет от Вивьен Вествуд и платье (должно быть, очень дорогое) с ярлыком, на котором красуется монограмма VB (Виктория Бекхэм, вероятно?), я перекидываю платье через руку, но тут же вижу еще кое-что: пару джинсов фирмы «Дизель». Надо перекинуться с Оли парой слов, когда в следующий раз его увижу.

Закрываю двери шкафа. Вспоминаю, что водитель автобуса ничего не говорил о мобильном телефоне, да и никто из свидетелей о нем не упоминал, а учитывая то, что полиция тут же оцепила место происшествия, этот телефон могли просто не заметить, валяйся он сломанный рядом.

Или Шарлотта куда-то его спрятала. И если так, то ей было что скрывать, да?

Открываю контейнер для носков и роюсь в нем. И там тоже ничего. Я достаю какие-то папки и тетради, просматриваю их. Телефона нет. Его нет ни в ее обуви, ни на полке за книгами. Снова берусь за контейнер для носков, разворачиваю каждую пару, но ничего не нахожу. Минут пятнадцать-двадцать трачу на то, чтобы осмотреть буквально все в комнате – вывернуть наизнанку каждый ящик и сумку, но в итоге – НИЧЕГО.

Где же ее мобильный?

Забираюсь под подушку Шарлотты – там лежит ее дневник, достаю его, пролистываю. Я читала его, наверное, десять или пятнадцать раз, но «секрет», который хранила Шарлотта, она ему не доверила. Она делилась на страницах дневника другими заботами и ожиданиями – например, писала о весе, беспокоилась о том, как переспит с Лиамом, о результатах экзаменов, мечтала, кем будет работать и какую сделает карьеру, – но ничего сверх этого, ничего глобального. Ничего о том, что могло бы стоить ей жизни.

Закрываю дневник и засовываю его обратно под подушку. В нем ответов на мои вопросы нет, возможно, они есть у Лиамы.

* * *

Уайт-стрит пустынна, только какой-то грязно-рыжий дюжий парень

освистывает нас, когда мы идем. Я была возле дома Лиамы много раз, но едва ли заходила внутрь. Обычно я оставалась в машине, не выключая двигатель, пока Шарлотта бегала обниматься со своим другом, а потом отвозила их в боулинг или в кино. Она никогда не оставалась вечером с ним наедине, а он никогда не оставался у нас, но как-то раз я сказала ей, что если их с Лиамом сердечная привязанность продлится до ее шестнадцатилетия, то я сама схожу с ней к доктору, чтобы тот прописал ей правильные контрацептивы. И когда мы с ее отцом будем уверены, что она в безопасности, мы как-нибудь вечером уйдем, чтобы Шарлотта могла остаться с Лиамом вдвоем. Мне казалось, что я крайне убедительна в своих доводах, – или, как говорит Брайан, до чертиков либеральна, – но Шарлотта в ответ на мое предложение заявила, что это – самая чудовищная вещь, которую она когда-либо слышала. А потом добавила, что если мы хотим узнать, переспала она с Лиамом или нет, то позаботится о том, чтобы заранее дать объявление в одну из местных газет.

Я открываю ворота голубого дома под номером пятьдесят пять. Палисадник выглядит мило: клумбы выкрашены в яркие цвета, не видно ни одного сорняка. Клэр – мама Лиама – должно быть, очень занята. Ах, что бы я дала за то, чтобы и мои пальцы были сейчас зелеными от травы, – мне бы ее заботы!

Вежливо стучу во входную дверь. Занавески в гостиной плотно задернуты, но за ними двигается чья-то тень, кто-то в доме все же есть. Я снова стучу, на сей раз – громче, и слежу за занавесками. Через минуту занавески расходятся, и на меня смотрят два прозрачно-голубых глаза. Они медленно моргают, глядя на меня. Слышу, как скрипит дощатый пол, а потом распахивается дверь. Лиам Хатчинсон, семнадцатилетний друг Шарлотты, стоит прямо напротив меня, и на нем не надето ничего, кроме тельняшки и боксеров. Кажется, он смущен, и я немного улыбаюсь.

– Привет, Лиам.

Он кивает.

– Миссис Джексон, добрый день.

– Можно войти? У тебя есть несколько минут поговорить со мной?

* * *

Странновато себя ощущаю, сидя в гостиной Хатчинсонов. Никогда тут не была, и не могу перестать глазеть вокруг себя, рассматривая и буквально впитывая взглядом необычные литографии на стенах, разбросанные в

определенном цветовом порядке диванные подушки и дорогуций с виду огромный ковер, устилающий пол перед настоящим викторианским камином.

Лиам привалился на диван с другой стороны комнаты, широко развел колени. Вероятно, ситуация кажется ему странной, и он недалек от истины. Когда он впустил меня в дом, то тут же кинулся наверх и через пару минут вернулся уже одетый в джинсы и порванную толстовку черного цвета. И так мы сидели, глядя друг на друга уже несколько минут, и ни один из нас не проронил ни слова. Я сотню раз прокручивала в голове, что скажу ему при встрече, но вот теперь, когда момент настал, во рту вдруг пересохло.

– Ты... – я кое-как начала говорить, – ты, наверное, удивлен, что я пришла.

Он пожимает плечами:

– Вероятно, что-то насчет Шарлотты?

– В общем, да. Ты приезжал ее навестить? Удивлена, что мы ни разу не пересеклись в больнице.

– Не-а, – Лиам берет в руки легкое покрывало золотого со слоновой костью цвета и начинает выдергивать из него нитки, одну за другой бросая их на пол. Мама приберется, когда придет домой. – Я к ней не поехал, не думал, что меня хотят видеть.

– Правда? – я придвигаюсь поближе к Лиаму. – Потому что ты не родственник? Но это не препятствие, друзьям семьи можно туда проходить, и... – я тепло улыбаюсь, – а ты больше, чем просто друг, не так ли?

Лиам ерзает на стуле.

– Ничего такого.

– Прости, я имела в виду, что ты ее бойфренд...

– Говорю же вам, ничего такого.

Я хмурюсь, вероятно, я просто ослышалась.

– Извини, я правильно тебя расслышала? Ты только что сказал, что...

– Правильно. Мы больше не пара. – Лиам отворачивается, кажется, ему тяжело говорить. – Шарлотта бросила меня.

– Не может быть!

Не могу в это поверить. Шарлотта прекратила отношения с Лиамом? Вот так вот просто взяла и прекратила? Я, признаться, думала, что если кто-то из них двоих и устанет от отношений через некоторое время, то это будет Лиам. Шарлотта видела в нем идеал. Высокий, темноволосый, на два года старше ее, симпатичный (чего стоит одна падающая на глаза челка!), носит бандану, – Шарлотта просто «запала» на него год назад, когда один из его друзей пересекся с одним из ее друзей в школьной столовой, чтобы

передать Шарлотте, что Лиам положил на нее глаз.

Но она ведь ни единым намеком не дала понять, что у нее в отношениях с Лиамом кризис. Хотя... я перевожу взгляд с Лиам на каминные часы, их тиканье отвлекало от происходящего, наполняя комнату звуком... и время как будто остановилось.

За три недели до аварии – в субботний полдень – Шарлотта только вернулась из города, ездила за покупками. Я сидела в гостиной, читала и слышала, как дверь на крыльцо открылась. Я позвала дочь, интересуясь, купила ли она что-то симпатичное, но Шарлотта меня проигнорировала. Больше я не спрашивала, но приглядывала за ней через открытую дверь. Секунду спустя Шарлотта взлетает вверх по лестнице, белая как полотно. Я зову ее, пытаюсь понять, все ли в порядке, но вместо ответа слышу, как хлопает дверь спальни. Я приподнимаюсь с софы, не понимая, что мне делать. Шарлотта – не избалованный ребенок, и особенно это видно, когда она расстроена. Обычно она не позволяет мне ее обнять и отдергивает руку, если я ее ненароком коснусь. Она явно в стрессе, так ведут себя все подростки. Стоит пару минут постоять у выхода из школы и понаблюдать за ними, чтобы убедиться в этом. Шарлотте, чтобы закончить школу нормально, приходилось заниматься даже по выходным, ей помогал ее учитель.

Я села обратно на софу и позже ночью спала плохо. Снова снились старые кошмары, и меньше всего мне хотелось выяснять отношения с пятнадцатилетней девочкой. Она знала, где я, – поэтому я взяла книгу и начала читать с того места, где прервалась.

* * *

– Вы порвали в субботу? – спрашиваю я у Лиамы. – Около девяти недель назад, верно?

Он рукой проводит по лицу.

– Нет, это было... – он затрудняется назвать срок, видно, что борется с собственными эмоциями. – Нет, мы порвали как раз накануне аварии.

– Почему? – я вся подаюсь вперед, руками обхватываю колени. Почему я раньше не пришла к Лиаму и не поговорила с ним? Как будто с момента аварии пребываю в каком-то тяжком обмороке и только сейчас начинаю приходить в себя. Вероятно, разрыв с молодым человеком и стал причиной, по которой она бросилась под автобус. Никогда сердечные отношения не причиняют такую боль, как в юности. Тебе кажется, что небо падает на

голову и ты никогда снова не полюбишь. Или тебя не полюбят. Правда, ни о чем таком Шарлотта в дневнике не писала.

Лиам встает, пересекает комнату и берет гитару со стойки, которая расположена рядом с книжным шкафом. Потом садится обратно на диван и берет несколько аккордов.

– Лиам? – Напоминаю ему о себе, потому что он словно забыл, что я в комнате. – Почему Шарлотта порвала с тобой? Как она это объяснила?

Лиам смотрит на меня пустым взглядом.

– Когда она порвала с тобой, то как себя вела?

Лиам вздрагивает и говорит:

– Понятия не имею. Меня там не было.

– Не поняла?

Он смотрит на гитару, наигрывает еще несколько аккордов, потом прижимает струны ладонью, гася звук, и переводит взгляд прямо на меня.

– Она бросила меня, написав эсэмэску.

Я чувствую, что Лиам не хочет обо всем этом говорить. Желает, чтобы я поскорее ушла. Но я не могу.

– Что она написала? В той эсэмэске? Если ты, конечно, не возражаешь, что я спрашиваю.

– Она была немногословна. – Лиам лезет в карман брюк и бросает мне что-то маленькое, черное, пластиковое. Оно падает на диван рядом со мной, а Милли делает стойку, заметив этот бросок. Телефон Лиамы. Я смотрю на Лиаму, и он кивком дает понять, что все о'кей, что я могу залезть в его телефон и посмотреть своими глазами. После этого возвращается к своей гитаре.

Открывается сообщение от Шарлотты. Я читаю и удивленно поднимаю взгляд на Лиаму.

– И все?

Он кивает.

Я перечитываю эсэмэску.

«Все кончено между нами, Лиам. Если ты меня любишь, то больше не беспокоишь».

– Лиам, а ты спрашивал ее о причине?

Но Лиам не отвечает. Он рассматривает ковер, притоптывая по нему. Топ, топ, топ.

– Лиам? Ты меня слышишь?

– Что? – Он даже не поднимает на меня глаз.

– Ты с ней после этого общался?

– Конечно, – Лиам делает движение, как будто собирается поставить

гитару на пол, потом передумывает. Снова прижимает к груди, щекой прижимается к грифу. – Вы же не получали эсэмэску, в которой вас бросают, и потом не названивали, чтобы узнать, что черт подери произошло, так ведь? Так не делают, если все еще любят.

Милли утыкается мне в ногу и сопит.

– Что сказала Шарлотта?

– Ничего не сказала, – Лиам смотрит прозрачным взглядом, как будто выбыл из этого раунда. – Она бы не ответила на звонок, а я ей писал, писал километры эсэмэсок, но она все молчала. – Он трясет головой, осознавая, что я хочу его спросить. – Понимаю, миссис Джексон, что она ваша дочь, но я не заслужил такого обращения. Не заслужил, чтобы меня бросили эсэмэской без всяких объяснений, а потом игнорировали, словно я, мать вашу, вообще не существую...

У меня сердце рвется на части. Часть меня тянется навстречу Лиаму, чтобы обнять его и хотя бы частично разделить с ним боль. Другая часть хочет спросить, спорили ли они, сделал ли он что-то, что могло бы заставить Шарлотту бросить его, вот так вот резко бросить. В итоге я решаю не делать ничего – не обнимать, не спрашивать. Кажется, Лиам сейчас заплачет, не хочу расстраивать его еще больше, не должна этого делать, если хочу еще хотя бы раз с ним поговорить. Поэтому встаю и дергаю Милли за поводок, чтобы и она поднялась.

– Прости нас, Лиам, – говорю ему, – я и понятия не имела, Шарлотта вообще ни словом не обмолвилась.

Парень тяжело вздыхает, скрещивает руки на груди и отворачивается, давая понять, что разговор окончен.

И только на полпути домой я понимаю, что не выяснила одно обстоятельство, которое хотела, когда шла к Лиаму. Я не спросила, был у них секс или нет. И теперь уже никак не вернешься и не постучишь вот так запросто в дверь, – Лиам точно не в том состоянии, когда согласился бы об этом говорить. Не знаю, что побудило Шарлотту сделать то, что она сделала, но даже для подростка поступок жестокий. А что, если Лиам сделал что-то и заслужил такое обращение? Иной раз требуется разорвать отношения так тихо и аккуратно, как только можешь.

– Ну вот, Милли, мы и дома! – говорю я собаке и вставляю ключ в замок, поворачиваю его, распахиваю дверь. – Дом, милый дом.

Голос застревает в горле. На коврике у двери лежит открытка, картинкой вверх. Я начинаю дрожать и все же наклоняюсь, чтобы поднять ее.

– Остановись, Сью, – говорю себе, – перестань так сильно дрожать,

это просто открытка.

Но как только я беру ее в руки и читаю, у меня в ушах звенит. Зрение затуманивается, я хватаюсь за дверной косяк, с трудом моргаю, чтобы прогнать белые снежинки, которые появились в глазах. Но понимаю, что слишком поздно. Сейчас я упаду в обморок.

* * *

Пятница, 13 октября 1990 года

Спустя примерно две недели с тех пор, как Джеймс сказал, что любит меня (и в подтверждение этого мы провели почти весь уик-энд, не вылезая из постели), я так еще и не попала к нему домой. Все, что я знала о его доме, это то, что там три спальни и терраса, что расположен он возле Вуд Грин. Хеллс уже беспокоилась. Она говорила, что, если парень за шесть недель, пока ты с ним встречаешься, не позвал тебя к себе домой, шел бы он лесом. Значит, ему есть что скрывать. А я отвечала ей, что мне как-то нет до этого дела, что ночевать в отелях было для нас приключением, а оставаться у меня спокойно и естественно, но она-то все равно чувствовала, что я несущу чушь. Просто если ты с кем-то дружишь с десяти лет, ты ему так легко мозги не запудришь.

– А тебе в голову не приходило, что он может быть женатым? – как-то спросила Хеллс за завтраком.

Я призналась, что, да, приходила эта мысль, но кольца на пальце он не носил, никогда не юлил и ни разу – вообще ни разу! – не обмолвился ни о жене, ни о детях. Даже о том, что у него до меня была подружка, ничего не говорил. А я ему все рассказала о Натане, даже о Руперте и о том, что мы с Рупертом по пьянке переспали, пока еще были студентами, и это все было задолго до того, очень задолго, когда я познакомила Руперта с Хеллс и они начали встречаться. Но вот Джеймс ни разу даже не упоминал женского имени. Хелен считала, что это странно, что его скрытность означает лишь одно: ему есть что прятать. Я же настаивала на том, что некоторые люди особенно пекутся о своей личной жизни и никого туда не пускают, а прошлое вообще предпочитают не вытаскивать на свет.

– И что теперь? – спросила Хеллс. – Он что, сбежал из тюрьмы? Или как?

Мы обе засмеялись.

– А может, – она просияла, – он все еще живет с родителями?

Тут я смеяться перестала. Предположение Хеллс не было таким уж неправдоподобным. Джеймс продолжал сбегать из моей квартиры в самое детское время, объясняя это тем, что ему нужно переделать кучу вещей, и как бы я его ни допрашивала, он не выдавал никаких подробностей, продолжая говорить, что должен заниматься скучными делами и что мне все это вряд ли будет интересно.

– Ну сто пудов женатый, – Хеллс вынесла вердикт. – Почему бы еще он срывался с места и не говорил тебе, куда именно идет и что будет делать?

Перед тем как Хеллс пошла обратно на работу, она взяла с меня слово, что я перестану ходить вокруг да около и потребую у Джеймса, чтобы он отвел меня к нему домой, или пообещаю расстаться с ним. Я вообще-то говоря не была настроена ставить ультиматумы, но пообещала Хеллс, что поговорю с Джеймсом завтра во время обеда. Уверена, что причиной всему какая-нибудь мелкая ерунда. Но почему мне тогда так плохо?

Глава 7

Сажусь на ступеньку крыльца. Одна щека прижимается к холодной плитке стены, вторая – какая-то слишком... влажная. Поднимаю взгляд и вижу, что надо мной склонилась Милли, большими карими глазами она смотрит на пустую миску в углу крыльца, высунула язык, и с него капает слюна. Она замечает, что я ее разглядываю, и словно улыбается мне, собираясь облизать щеку.

– Привет, Милли, – я сижу тихо, стараясь не шевелиться и проверить, все ли в порядке, не поранилась ли я. Кажется, ничего не сломала, но левый висок болит, думаю, у меня там синяк. Соображаю, что, скорее всего, потеряла сознание и упала, но тут же замечаю на полу рядом с собой открытку и вспоминаю, что случилось. На открытке изображена сцена из фильма «Харви»: Джеймс Стюарт сидит на ступеньке, а за его спиной видна тень огромного кролика, его невидимого Друга. Открытка сама по себе, конечно, может ничего и не значить, на ней даже нет адреса. Только почтовый штамп: Брайтон. И указан адрес получателя. Мой адрес.

Не то чтобы кто-то забыл написать адрес, спеша запихнуть ее в почтовый ящик, по ошибке. Так все объяснил бы Брайан, расскажи я ему об открытке. И муж обязательно при этом посмотрел бы на меня особенным взглядом, как бы говоря: ну что, скоро будет очередной приступ? Потом выбросил бы эту открытку в помойку, сказал, что все отлично и что я в безопасности. Только вот я не в безопасности. «Харви» – это любимый фильм Джеймса. Он говорил, что понимает характер героя. Вроде того, что «понимает, почему тот выбрал придуманный мир вместо реального, в реальном столько разочарований».

Мы смотрели этот фильм вместе бесчисленное множество раз.

Милли вздрагивает, когда я порывисто мну открытку, чтобы запихнуть ее под стойку для обуви. Если я не буду ее видеть, возможно, я не стану о ней думать. Может, мне даже удастся игнорировать тот факт, что спустя двадцать с лишним лет после нашего с Джеймсом расставания он захотел со мной связаться.

* * *

Изо всех сил пытаюсь выкинуть из головы открытку. Но это все равно

что стараться забыть о том, как дышать. Стоит мне только на минуту отвлечься от привычных мыслей о Шарлотте, Брайане, о том, что приготовить на обед, как я сразу вижу крыльцо, мысленно заглядываю под стойку для обуви и достаю оттуда открытку. И вообще не имеет значения, где я в этот момент нахожусь. Мой разум загоняет меня в этот дальний темный уголок...

К двум часам дня я дохожу до ручки. Вытаскиваю измятую открытку из импровизированного пыльного тайника, сжигаю ее в камине, в гостиной. Сажу на софе, поглядывая на огонь, смотрю, как язычки пламени лижут края открытки, резвятся на улыбке Джеймса Стюарта, а потом быстро сжигают ее и его лицо заодно. Когда он и его странный кролик превращаются в пыль, я выметаю их из камина и выбрасываю в урну. Завтра приедут забирать мусор, и мне уже сейчас приятно думать, что этот пепел уедет от меня далеко-далеко.

Следующие пару часов я не нахожу себе места. Подскакиваю, если звонит телефон, вздрагиваю, если шумит ветер в почтовом ящике, и чуть не умираю от страха, когда в дверь стучит электрик, он хочет снять показания счетчика. Чую, как уютное одеяльце, которым я прикрывалась последние шестнадцать лет, сползает с меня. Злюсь. Я уже никакая не Сьюзи-Сью, я ею не была уже о-о-очень давно. Мне сорок три, и у себя дома я дрожать от испуга не собираюсь! Ни секунды больше! Положим, из-за открытки я перенервничала, но это все потому, что она пришла, когда я не была к этому готова. Дочь в коме, ради всего святого! Но ведь открытка не обязательно должна быть закодированным посланием от Джеймса. Даже не знаю, о чем я думала, когда нервничала из-за нее. С нашего расставания прошло двадцать лет, возможно, открытка вообще была адресована Оливеру, а друзья, которые ее послали, просто не озаботились тем, чтобы написать его имя. Смешно было, конечно, жечь открытку и прятать ее пепел в урну. Мне надо взять себя в руки. Сконцентрироваться на поиске ответа на вопрос, почему Шарлотта сделала то, что сделала. И мне срочно нужно встретиться с Эллой.

* * *

Второй раз за день цепляю поводок к ошейнику Милли, веду ее прочь из дома. Она улыбается, рада снова прогуляться на свежем воздухе. Мы привыкли выгуливать ее только рано по утрам, поэтому весенняя прогулка в солнечный полдень для нее – сюрприз. В отличие от дома Лиам дом

Эллы мне известен от и до. Точнее, был известен, пока Джуди, мать Эллы, дружила со мной – до тех пор, пока Джуди не отвезла наших дочерей проколоть уши, на тринадцатый день рождения Шарлотты, не посоветовавшись со мной. Возможно, я тогда погорячилась, сказала кое-что нелцеприятное, но сейчас по-любому поздно сводить счеты.

* * *

Джуди открывает дверь и хмурится.

– Сью?

Выдавливаю из себя улыбку.

– Привет, Джуди, как ты?

– В полном порядке.

Жду, когда она спросит, чего мне надо. Но вместо этого получаю долгий внимательный взгляд, которым Джуди меня ощупывает с головы (корни не покрашены и видны), задерживается на синяках под моими ненакрашенными глазами, скользит по моему выходному жакету от «Маркс и Спенсер» (особого впечатления он на Джуди явно не производит), останавливается на моих удобных коричневых слипперах от «Кларкс».

– Здорово, – говорю я настолько эмоционально, насколько вообще способна в ситуации, когда больше всего на свете хочется щелкнуть ее по ее же надушенному «Шанелью» носу. – А Элла дома, нет?

– Ты пришла к Элле? – Джуди, кажется, удивлена.

– Да, я хотела с ней поговорить о Шарлотте. Если ты, конечно, не против.

Лицо Джуди вытягивается, глаза сужаются в прищуре, на секунду (лишь на секунду!) некое подобие гримасы сострадания показывается на ее лице, но тут же исчезает. Думаю, она тоже слышала про то, что случилось с Шарлоттой.

– Хорошо, – говорит Джуди, выдержав паузу, – но прошу тебя покороче, Элле нужно готовиться к экзаменам.

Когда я согласно киваю головой, она разворачивается ко мне спиной и идет по направлению к холлу. При этом входную дверь она оставляет приоткрытой лишь на пару дюймов. Зовет дочь спуститься. В ответ Элла что-то кричит, дверь захлопывается прямо перед моим лицом. Через минуту или чуть дольше она снова приоткрывается, на порог выходит Элла.

– Привет, – говорит она и смотрит на меня с подозрением, прямо как

ее мама только что.

– Привет, Элла, – улыбаюсь ей в ответ, но лицо сводит от столь неискренней гримасы, – можем недолго поговорить о Шарлотте?

Выражение на ее лице сменяется пугающе быстро. От подозрительности к гневу. Элла скрещивает тонкие обтянутые джинсами-скинни ноги и спокойно спрашивает:

– А с чего бы мне с вами об этом говорить?

Ну вот. Сначала Лиам, теперь Элла. Стоит мне только произнести имя дочери, как на всех вокруг словно грозовая туча спускается. Но мне плевать. Когда у них в классе готовили выпускной альбом, как раз перед экзаменами, в нем каждый писал о том, где будет через пять лет, и казалось, что Шарлотта – девочка, с которой будут дружить буквально все. Многие ей пророчили успех.

– С того, что вроде как друзья, – говорю я, подхватывая ее интонацию. – Хотя... – анализирую выражение лица Эллы, – ...хотя вы, может, и не друзья уже вовсе.

Элла изгибает идеально подведенную карандашом бровь.

– В точку, миссис Джексон.

– Ясно, – тяну с ответом, пытаюсь понять, как лучше всего завершить разговор. Элла ведет себя со мной почти так же, как Лиам, – немногословно и отстраненно. И все же...

– Шарлотта все еще в коме, – говорю я.

– Знаю. – Элла снова изгибает бровь, но в ее глазах проскакивает искорка, и это ее выдает. Элле интересно узнать подробности. Она хочет знать больше о своей бывшей подруге.

– Шарлотта дышит сама, без аппарата. Легкие приходят в норму, а это очень хороший знак.

Элла ничего не говорит.

– Мы перепробовали, кажется, все способы вернуть Шарлотту к жизни, вытянуть из затяжного сна, – продолжаю я, – говорим с ней о семье, о том, что делаем день ото дня. Брайан читает ей статьи из газет...

– Ну и скучно же ей, наверное, если она все это слышит...

– Согласна с тобой, – я вижу, как сквозь гримасу отвращения на лице Эллы проступает улыбка. – Лучше бы Брайан читал ей «Хит-мэгэзин» вместо газет, но мы до этого не додумались. Не уверена, что Брайан такой же поклонник сплетен о звездах, как Шарлотта.

У Эллы вытягивается лицо, словно она воочию видит, как мой муж читает «Хит-мэгэзин».

– В любом случае, – продолжаю я, – Оливер поддержал нашу идею,

мы хотим поставить Шарлотте ее любимую песню. Он сказал, что видел, как в кино это помогает вернуть людей к жизни и что под любимую музыку герои выходят из комы.

Все черты лица Эллы сияют при упоминании имени моего приемного сына. До недавнего времени она и Шарлотта как тени следовали за Оливером и Дэнни. У меня есть догадка, что эти мальчики были первыми объектами влюбленности двух девочек.

– Правда? – Элла вскидывается.

– Ага, – говорю я, – просто хотела спросить, не поможешь ли ты. С песней. Я не очень в теме относительно того, что любила слушать Шарлотта.

– Понятно, что не в теме.

Что-то в тоне, каким это было сказано, натолкнуло на мысль, что я «не в теме» относительно гораздо большего количества обстоятельств, нежели только коллекции любимых записей MP3 Шарлотты. Какие еще секреты хранит она? Чего я не знаю о ее жизни? Мне начинает казаться, что я едва ли знаю собственную дочь.

– Итак... – я достаю блокнот из сумки. – Можешь назвать хотя бы...

– «Кто-то вроде тебя» Адель.

– Отлично! – я вообще-то говоря слышала об этой песне. По «Радио-2» постоянно крутят ее. – А еще какая-нибудь?

Элла пожимает плечами в сомнении.

– Это ее любимая, но ей еще очень нравится «Люблю, как ты врешь» Рианны и Эминема. «Деньги» Джесси Джей, «Рождена такой» Леди Гага. Мы под эти песни танцевали в моей комнате, перед тем как поехать в «Бриз» на вечеринку для тех, кому еще не исполнилось восемнадцать.

Последние слова она проговорила бегло, как бы невзначай.

Элла вдруг преобразилась: передо мной больше не стояла самоуверенная молодая женщина, подпирающая дверь ногой и скрестившая руки на груди с дерзким выражением на лице. Теперь она выглядела маленькой пятилетней блондинкой, такой, какой я ее помню, когда они с Шарлоттой играли во дворе после уроков в детстве.

– Если хочешь, можешь прийти повидать Шарлотту, – говорю я, – только если сама решишь. Я могу сделать тебе пропуск в больницу. Думаю, Шарлотте было бы приятно.

– Нет, не было бы.

Лицо Эллы снова стало хмурым, словно упала какая-то штора, все следы прежней искренности исчезли.

– Почему ты так говоришь?

– Просто ей не было бы приятно, и все.

– Это имеет какое-то отношение к Кейше? – я импровизирую, в надежде нащупать правильный путь. Элла удивляется, когда я произношу имя Кейши. – Вот почему ты так злишься?

– Не мое дело, с кем зависает Шарлотта. Пусть делает, что хочет.

– Но ты была ее лучшей подругой. Я уверена, что...

– Да не была я...

– Ты не?.. – теперь удивлена я. – Да что такое случилось?

Элла плотно смыкает челюсти, кажется, я услышу хруст зубов.

– Ничего такого.

– Нет, так не бывает. Должно было что-то произойти, чтобы...

– Я сказала, ничего такого, ясно? Просто уйдите и перестаньте меня спрашивать об этом!

– У вас тут все в порядке?

В дверях появляется Джуди, привлеченная голосом дочери.

– Элла, дорогая, с тобой все хорошо?

– Нет, – Элла корчит болезненную рожу, – Сьюзан давит на меня, а я ничего плохого не делала, мам. Я только...

– Ты давила на мою дочь? – Джуди пробует грозно нахмуриться, но недавняя инъекция ботокса полностью обездвигила ее лоб, поэтому выглядит она довольно комично при всей серьезности ситуации.

– Да нет же, – я едва сдерживаюсь от улыбки, – нет-нет, я просто интересовалась, правда ли они с Шарлоттой больше не лучшие друзья.

– И что?

– Со слов Эллы можно подумать, что ничего не произошло.

Джуди смотрит на дочь, а та как бы в подтверждение моих слов пожимает плечами.

– Если Элла сказала, что ничего не произошло, – Джуди теперь смотрит снова на меня, – значит, так и есть.

– Но так не может быть, по логике вещей, Джуди. Они с Эллой дружили, сколько я их помню...

– Ничего не произошло, Сью!!! – Элла кричит на меня. – Ты поняла? Просто мы перестали дружить, и все. – Элла бросает взгляд в сторону матери. – Не хочу больше об этом говорить.

– Ладно, дорогая, – Джуди кладет на плечо дочери идеально наманикюренную свинцово-тяжелую руку. – Иди к себе в комнату и...

– Прошу вас... – в моем голосе проскальзывают умоляющие нотки. – Прошу, Джуди, я должна понять, что там произошло, тогда у меня есть шанс помочь Шарлотте. Скажи, ты знала, что они с Лиамом расстались,

или...

– Ну, мам! – Элла смотрит на мать с мольбой. – Мам, мне правда пора заниматься...

– Конечно, милая, иди.

– Прошу тебя, Элла... – я успеваю схватить ее за запястье. – Помоги мне...

– Руки убрала, быстро!

Чувствую, как мне в предплечье впивается что-то очень острое, на коже появляются четыре белые полосы, это Джуди оцарапала меня своими накладными ногтями.

– Быстро, я сказала! – Джуди явно не намерена шутить.

Я в шоке и отпускаю руку Эллы.

– Мам, спасибо! – Тончайшая ухмылка пробегает по лицу Эллы, когда она исчезает в дверном проеме и спешит вверх, перескакивая через две ступеньки за раз. Джуди между тем пристально смотрит на меня.

– Прошу тебя немедленно уйти, Сью. – Джуди говорит сдержанно.

– Джуди, прости, если я перешла черту, но...

– Уходи, – она отступает в холл и начинает закрывать дверь.

Я упираюсь в дверь и не пускаю, чувствую, что этой дверью меня могут ненароком прихлопнуть.

– Джуди, нет! Подожди, послушай!

– Нет, это ты послушай! – Джуди снова распахивает дверь. – Мне очень жаль Шарлотту, правда жаль, но в том нет моей вины и вины Эллы тоже нет. Возможно, тебе стоит лучше присмотреться к своим домашним. Найти бревно в своем глазу, так сказать.

Я так и замираю на пороге с открытым ртом. И не только потому, что Джуди чуть не ударила меня дверью по лицу.

* * *

Воскресенье, 15 октября 1990

Сегодня мы с Джеймсом впервые поссорились. Он с труппой театральных актеров отправился к нам в бар, так они делают каждое воскресенье после репетиции. Джеймс занял свое излюбленное место в конце стойки. Я поздоровалась, принесла ему пинту пива, поцеловала его и пошла дальше выполнять заказы, как обычно, перешучиваясь с Мэгги и

Джейком, моими коллегами-официантами, сплетничая о Кэйт (актрисе из труппы Джеймса) и злясь на Стива. Но при всем при этом я четко понимала: что-то идет не так, как всегда. Как только я взглядывала на Джеймса, он – вместо того чтобы читать сценарий – смотрел на меня, и выражение на его лице было кислым-кислым. Я ему улыбнулась и немного погримасничала. Но когда даже это не возымело никакого эффекта и Джеймс продолжил хмуриться, я подошла к нему во время небольшого перерыва между заказами, чтобы спросить, что с ним такое.

– Что со мной? Да ты в курсе.

– В курсе чего, Джеймс?

– Думаю, мне не нужно тебе объяснять, ты и так все понимаешь.

– Если бы я все понимала, наверное, не подошла бы и не спросила тебя, нет?

Джеймс пожал плечами, давая понять, что я веду себя как идиотка, – и я, вконец разозлившись, пошла обслуживать очередного клиента. Когда я обернулась посмотреть, как там Джеймс, то увидела, что он ушел. Спросила у ребят, был ли он в плохом настроении во время репетиции, но они сказали, что ничуть нет. Он был в отличной форме, практически летал по сцене!

– По-моему, тут кто-то влюбился, – хитро подмигнула мне Мэгги.

По мне, так я хотела бы, чтобы влюбилась не только я одна. Сегодня утром он был очень возбужден и настоял на том, чтобы мы переспали не один, а два раза подряд, прежде чем я встану и пойду в душ. Он даже снизошел до того, чтобы ответить на мой вопрос, когда мы проведем время не у меня, а у него дома – для разнообразия. Ответил он коротко, но оптимистично: «Скоро».

Так что же успело измениться за несколько часов?

Я с трудом дожидалась окончания смены, мыла стаканы, вытирала столики и потом сломя голову бежала домой, чтобы позвонить Джеймсу. Восемь гудков я прослушала прежде, чем он ответил.

– Привет, – сказал он голосом, лишенным эмоций.

– Джеймс, это Сьюзи.

– Здравствуй, Сьюзан.

Он никогда меня не называл полным именем.

– Ты чего сегодня был такой ужасный в баре?

– Сама догадайся.

– О чем догадаться? – Я изо всех сил старалась не выдать голосом, что вести этот разговор очень больно. – Я не могу догадаться, поэтому и звоню тебе, помоги мне.

– Если не можешь, тогда нет смысла обсуждать это.

– Да ради бога, Джеймс! Ты не мог бы изъясняться чуть более понятно? Пожалуйста, Джеймс, скажи, почему ты был в таком плохом настроении сегодня, или я просто повешу трубку, и все.

– Вешай, давай.

– Хорошо.

Я действительно повесила трубку и потом долго на нее таращилась. Прошло пять, десять, пятнадцать минут. Когда пошла двадцать первая минута, я начала закипать и снова набрала его номер.

– Алло.

Тот же знакомый, лишенный эмоций голос на другом конце провода.

– В чем дело-то? Я что-то не так сказала? Сделала не так? С кем-то поговорила, с кем не нужно было?

Джеймс театрально вздохнул, я поняла, что попала в точку с последним предположением.

– И с кем же именно я поговорила? Если сейчас опять скажешь «сама догадайся», никогда больше с тобой не заговорю, так и знай!

– Со Стивом.

– Со Стивом?.. Стивом Маккензи?

– Верно.

– И ты расстроился потому, что я говорила со Стивом Маккензи? Это смешно! Ты что, ревнуешь?

– А кто сказал, что я ревную, Сьюзан?

– Тогда с какой стати...

– Ты с ним флиртowała! Я видел, ты специально так наклонилась, чтобы он мог получше рассмотреть твою грудь!

– Что?!

– Даже не пробуй отрицать! Все видели, и я не позволю женщине, которую люблю, делать из меня дурака, тем более – перед моими коллегами!

– Не позволишь? То есть мы с тобой в тридцатых годах прошлого века, что ли? И вообще я с ним не флиртowała, мы просто болтали. Как обычно болтаем.

– Тогда почему он сунул нос в твоё декольте?

– Это... – я выдохнула, – это просто смешно, Джеймс. Смешно. Утром мы с тобой переспали, лежали в объятиях друг друга, у нас был волшебный секс, и я тебе говорила, как я тебя люблю, а теперь ты меня обвиняешь... – я встряхнула головой. – Забудь. Если ты думаешь, что я подвергну опасности все, что мы имеем, чтобы всего лишь пофлиртовать

с актером вторых ролей, тогда ты дурак, ты... – я почти заплакала. – Забудь обо всем, Джеймс.

Я бросила трубку на рычаг.

Через секунду телефон зазвонил. На девятом (на один больше, чем ждала я) гудке я ответила. Когда я не проронила ни звука, Джеймс вздохнул.

– Прости меня, Сьюзи-Сью. Я так виноват. Не знаю, что на меня нашло. Просто я устал в последнее время. У меня... трудности личного порядка... я сейчас переживаю моменты... которые с тобой не обсуждал...

– Это не причина срываться на мне.

– Знаю и прошу прощения. Ты такого отношения не заслуживаешь. Ты так прекрасно выглядела сегодня в баре! Я не могу оторвать взгляда от тебя, от твоего красного топа, – в нем твое декольте смотрелось потрясающе, – но меня разозлило, когда я увидел, что и другие люди смотрят на тебя во все глаза. Они не имеют права пялиться на тебя, словно ты дешевый кусок мяса...

– Так мне что, не носить топы с глубоким декольте? Ты это хочешь сказать?

– Да. Точнее, нет. Нет. Не это. Я стараюсь (но не очень получается) сказать, что мне в тот момент было очевидно, вы со Стивом флиртуете, – ты выглядела сногшибательно, твое декольте – тоже, и я разозлился, что Стив может видеть, как ты прекрасна. Я люблю не только твой вид, но и твой внутренний мир, Сьюзи.

На это я ничего не сказала. Я все еще пыталась осмыслить его предыдущие слова. Мне показалось, что он попытался переложить вину на Стива, так почему же мне было так не по себе? Словно я сделала что-то ужасное, специально надела этот топ и тем самым поощрила Стива так себя вести?!

– Сьюзи?

Снова ничего ему не ответила.

– Сьюзи, прошу тебя, не сердись, не надо меня ненавидеть.

– Я тебя не ненавижу, Джеймс. Просто я тебя иногда не понимаю.

– Дай я заглажу свою вину.

– Как?

– Разреши привести тебя домой. Показать, как я живу.

Глава 8

– Они же подростки, Сью, чего ты ожидала?

– Знаю-знаю.

Погружаю небольшую тряпку в миску с теплой водой, она стоит рядом с койкой, выжимаю и протираю предплечье Шарлотты. С тех пор, как я ходила к Лиаму и Элле, прошло три дня. И я все еще размышляю над финальной фразой Джуди.

– Покажи мне подростка, который по душам говорит со взрослыми, и я познакомлю тебя с самим Сатаной, – завершает свою мысль Брайан. – Вот только честно, Сью, ты бы стала раскрывать свои секреты кому-то средних лет, например, женщине, когда тебе было лет пятнадцать? Знаю, что не стала бы.

В его словах есть смысл, но я морщусь от определения «женщины средних лет». Эти слова подходят ко мне, и мне мерещится, что от них я еще больше старею. Самой себе я до сих пор кажусь эффектной двадцатиоднолетней женщиной, в волосах у меня – красные пряди, я хожу на невероятно высоких каблуках, а юбки ношу такие короткие, что стараюсь шагать не очень широко при ходьбе. В голове много тараканов, но все они – на втором плане по сравнению с моим отражением в зеркале. Глядя на себя, я трезво понимаю, что никакая чудо-сыворотка не спасет меня от старения. Процесс идет.

– Не-е-ет, – я вижу, что Брайан смотрит на меня особым очень внимательным взглядом. Трясу головой. – Конечно, я бы никому не доверилась, хотя эти ребята могут открыться мне, потому что Шарлотта... – я замолкаю. По-честному, ни один из ее якобы друзей не проявил живого интереса к ней и не пожелал помочь.

Брайан пожимает плечами.

– Не пойму, почему ты так удивляешься. Дети влюбляются, потом снова влюбляются, друзей они меняют, как шмотки – стараюсь следовать моде. Подростки непостоянны в своих привязанностях, дорогая. Ты ведь в курсе?

– В курсе, но все же... – кладу тряпку в миску с водой, достаю расческу, чтобы причесать Шарлотту. – Они с Эллой дружили с начальной школы, разумеется, за это время много раз ссорились, но всегда мирились. То же самое и с Лиамом. – Веду щеткой по волосам Шарлотты, длинным темным волосам. – Она для него сделала бы все, что угодно. Она им

восхищалась. И я должна сейчас поверить в то, что Шарлотта бросила Лиаму только потому, что она непостоянна в пристрастиях, как ты говоришь? Бессмыслица какая-то.

Брайан переворачивает страницу (он читает газету), смотрит несколько секунд и откладывает ее в сторону. Теперь газета лежит у него на колене.

– Сью...

Я продолжаю расчесывать волосы Шарлотты, разглаживая их волны руками, чтобы они лежали красиво на плечах.

– Сью, посмотри на меня.

– Что? – я не поднимаю на мужа взгляд.

– Тебе не кажется, что ты стала немного... – он запинается, – одержимой, что ли?

– Одержимой?!

– Ну да. Одержимой тем, что случилось с Шарлоттой. Ты видишь за этим несчастным случаем какой-то заговор, а правда в том, что... – он снова запинается, – в том, что произошел несчастный СЛУЧАЙ. Ужасный, неожиданный, но это был случай. Понимаю, какой беспомощной ты себя чувствуешь. Я, между прочим, испытываю то же самое. Но если ты допросишь всех ее друзей, Шарлотту это все равно не пробудит, она просто так не выйдет из комы...

– Ты не понимаешь... – Я было начинаю говорить, но замолкаю. Я все еще не сказала ему, что она написала в дневнике. Я чуть было не сделала это пару дней назад, но он встал очень рано – часов в шесть утра. Сначала я решила, что муж пошел в туалет, но через полчаса он не вернулся, и я пошла его искать. Дома его не было, Милли – тоже. Не припомню, когда они в последний раз вместе ходили гулять, для этого мужу надо было встать на час раньше обычного...

Что-то происходит, и на свете есть только один человек, с кем я могу об этом поговорить.

* * *

Мама сидит на ее любимом месте, у окна, в кресле с жесткой спинкой. Я сама декорировала это кресло – сделала милые принты в духе Лоры Эшли несколько лет тому назад. Но мама не смотрит на меня, когда я вхожу.

– Привет, мам! – Складываю стопку полотенец на пол и присаживаюсь на краешек ее одноместной кровати. Больше сесть некуда.

Мама не узнает меня, поэтому я каждый раз пробую новую тактику в отношении нее.

– Привет, Элси, как ты сегодня?

На это имя она откликается. Лоб покрывается сетью морщин.

– Кто ты?

Сердце обрывается в груди. Она меня не узнает. У нее, правда, бывают и плохие, и хорошие дни. Сегодня, похоже, день плохой.

– Я – Сью, – говорю я. – Твоя дочь. Я купила тебе подарочек.

Протягиваю ей коробку турецких сладостей, она их очень любит. Мама берет ее заинтересованно, но молча, в глазах даже проскальзывает какое-то узнавание, когда она смотрит на упаковку и видит на ней знакомую фигурку Принцессы Востока.

– Как ты? – спрашиваю я. Хочу положить руку на ее колено, аккуратно коснуться, но боюсь напугать.

– Скука тут, – наконец говорит мама, при этом ведет пальцем по контуру фигурки Принцессы. Потом взглядывает на меня, в глазах зажигаются игривые огоньки, – но, ты знаешь, я хотя бы живая.

Единственное, чему я радуюсь, это тому, что болезнь не убила ее чувство юмора. По крайней мере, не совсем убила. В какой-то момент мне казалось, что мама пошла на поправку, тогда она жила в Йорке, а я – в Лондоне, и ей пришлось пережить сложный период в одиночку. Она с трудом понимала, где и в каком времени находится, но иногда могла будто бы ожить и вдруг понять, что с ней происходит. Я все еще помню, какой ужас звучал в ее голосе, когда она говорила по телефону. Настоящее пугало непредсказуемостью событий, в прошлом было вроде бы комфортно, но и в прошлое она поначалу не хотела полностью погружаться, потому что это было бы падением в пропасть болезни. И возврата из этой пропасти не приходилось ждать.

Сейчас – в том состоянии, в каком она находится, – маме проще. Она крепко обеими ногами стоит на земле прошлого, а в настоящее возвращается на короткие мгновения, так что едва-едва об этом помнит. Она редко меня узнает, но когда это случается – лучшей награды мне и не нужно.

– Кто ты и что только что мне сказала? – Мама смотрит на меня сквозь очки, коробку со сладостями предусмотрительно прижимает к груди.

– Я – Сью, – улыбаюсь, очень боюсь спугнуть ее, вижу страх в ее глазах. – Я твоя дочь.

– Нет, ты не она, – вспышка ярости освещает мамино лицо. – Зачем ты так себя называешь? Зачем ты так жестока со мной?

– Простите, – тут надо говорить очень быстро, пока она не успела совсем разъяриться, есть шанс ее успокоить, – я перепутала вас с моей мамой, вы очень похожи.

Тем временем мама внимательно изучает мое лицо. Ее затуманенный взгляд путешествует по траектории от непрокрашенных на затылке волос до моего подбородка, особенно долго она разглядывает нос, щеки и голубые глаза. Пытается вычислить, обманываю я ее или нет. И это пугает меня до чертиков, словно я сама еще ребенок, словно мы с ней играем в прятки и она вот-вот меня поймает... задерживаю дыхание.

– Умна твоя мама? – спрашивает она наконец. – И хороша собой, скорее всего?

И вот опять в ее глазах светится озорство. Она играет со мной.

– Моя мама умнее всех на свете, – говорю я. – Не всякий сравнится с ней. А что до ее красоты, то мама в 1952 году была Мисс Богнор Бутлинс^[3], она была великолепна.

Я думала польстить ей, но эффект был обратным.

– Мисс Богнор Бутлинс в 1952 году была я, – строго сказала мама.

– И вы правы, – я быстро исправляюсь. Не учла, что прошлое она помнит гораздо лучше настоящего. – А моя мама победила в 1951-м.

Она молчит. Мнет руками обертку от сладостей.

– Помочь? – Жду, когда кивнет мне, забираю целлофановую обертку и открываю коробку. Мама берет конфету и кладет в рот. От удовольствия закрывает глаза.

– Я купила тебе подарочек, – говорю я, роясь в сумке и доставая CD. – Тут кое-какая музыка. Подумала, что она напомним тебе о том, как ты ходила в гости на чай и там танцевала, когда была молодой.

По маминому выражению лица не поймешь, довольна она или раздражена. Глаза у нее прикрыты. Пересекаю комнату и вставляю диск в проигрыватель, этот небольшой проигрыватель я подарила ей на прошлое Рождество. Нажимаю кнопку пуска, дожидаясь, когда пойдут басы в сопровождении банджо, когда зазвучит одинокий мужской голос и мелодия заполнит собой все вокруг. Потом сажусь обратно на кровать. Короткая улыбка ложится на мамины губы, ногой она потихоньку притоптывает по бежевому ковру. Топ-топ-топ.

– У меня малышка на миллион, – подпевает она своим тоненьким, дрожащим голосом. – В пятицентовом магазине...

Тихо сижу рядом с ней, задержав дыхание, пока ее глаза не открылись и не уставились в угол комнаты. Она качает головой из стороны в сторону. Волшебный момент, когда вижу ее такой счастливой, охваченной приятным

воспоминанием.

Интересно, в этот момент она чувствует, как папа обнимает ее, а она кладет ему руку на плечо, и вдвоем они кружатся по танцплощадке? Тридцать лет прошло с тех пор, как папа умер, но я совершенно точно знаю, что она по нему очень скучает, до сих пор скучает. Для мамы брак и семья были главным смыслом жизни. И она посвятила нам с папой всю себя. Как-то раз она даже призналась мне, что мечтала о собственной семье с тех пор, как была совсем маленькой девочкой.

Я в этом отношении пошла в нее и, когда забеременела Шарлоттой, была на седьмом небе от счастья. Мы с Брайаном только начали жить вместе, как я сразу забеременела: однажды я ощутила покалывание в области лобковой кости и меня посетила догадка, которую тест подтвердил. Брайан был счастлив. Ему всегда хотелось подарить Оливеру маленькую сестричку. Моя беременность усилила в нем чувство ответственности, и он мне буквально не позволял пальцем пошевелить все девять месяцев. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой ценной и любимой. Мне было двадцать восемь, когда родилась Шарлотта, и нам с Брайаном так понравилось быть родителями, что мы снова попробовали зачать ребенка, но месяцы попыток превратились в годы ожидания, и ничего не происходило. Хотя врачи говорили, что все в порядке. Может, только мы уже не очень молоды. И как-то ночью мы с Брайном серьезно поговорили насчет семьи, придя к общему решению, что раз нам суждено быть семьей из четырех – только четырех – человек, то пусть так и будет. Разумеется, я хотела снова забеременеть и почувствовать, как в моем животе толкается ребенок, но этого не произошло. Три выкидыша за два года были более чем веским подтверждением неудачи.

Слишком больно каждому из нас было переживать очередную беременность, поэтому в тот день, когда Шарлотте исполнилось пять, мы взяли в дом щенка золотистого ретривера, – из массы шевелящихся желтых солнечных меховых комочков мы выбрали именно Милли. И теперь нас было пятеро.

– Здравствуй, Сьюзан.

Мама произносит мое имя так мягко, что мне кажется, будто я вижу сон, но нет. Вот она сидит рядом, бледно-голубые глаза смотрят на меня, на столике у кровати – коробка турецких сладостей, руки мама сложила на коленях. Мне хочется подпрыгнуть на месте от радости и кинуться к ней на шею. Хочу с ней долго-долго говорить, рассказать обо всем, что у нас происходит, попросить у нее совета, послушать ее, почувствовать себя маленькой и защищенной... но остаюсь, где сидела, сдерживаю порыв, все,

что позволяю себе, – взять ее руку в свою. Неправильным было бы вываливать на нее все мои ожидания и страхи. И это не мне, а маме в пору чувствовать себя защищенной.

– Привет, мам, – я легонько пожимаю ее руку. Рука обтянута пергаментно-тонкой кожей, покрыта старческой пигментацией. – Как ты себя сегодня чувствуешь?

– Сегодня я чувствую себя очень старой, – отвечает она, ерзая в кресле и меняя положение тела, словно проверяет, что у нее болит и что беспокоит. – Как там Шарлотта и тот рыжий бородач, с которым ты сошлась?

У мамы всегда был зуб на Брайана. Отчасти именно из-за маминого отношения я и простила ему измену.

– Брайан в порядке, – сказала я бодро, закусив турецкими сладостями, хотя и не любила сладкое. – Занят, как обычно. А Шарлотта...

Правду я сказать, как ни крути, не могу. Не хочу ее расстраивать, если мама расстроится, она снова нырнет в прошлое и поминай как звали. А что, если она вообще из прошлого потом не выйдет никогда? И последним моментом из настоящего ей запомнится именно этот эпизод – когда я расскажу ей о несчастном случае с Шарлоттой? Я себе этого никогда не прощу.

– Шарлотта много занимается, готовится к экзаменам.

– Хорошая девочка, – видно, что мама гордится внучкой. – Вот увидишь, она далеко пойдет. Кем хочет стать, а? Психологом?

– Психотерапевтом. Хочет работать с футболистами. Говорит, что восхищается их атлетическими данными, приверженностью к спорту, но иногда мне кажется, что ей просто хочется пощупать их мышцы. – Я смеюсь. – Не удивлюсь, если завтра она захочет стать стюардессой и морским биологом через день после этого. Шарлотта так часто меняет свое мнение относительно будущей профессии, что я не всегда успеваю уследить.

Мама хихикает.

– Ты, Сьюзан, была точно такой же. Я, например, всегда думала, что ты станешь медсестрой, но папа был уверен, что твое призвание – стать швеей.

– И вы оба были правы, – говорю я, – в итоге оказались.

Я хотела стать учителем английского для иностранцев, так проще всего было начать путешествовать, но сердце у меня по-настоящему никогда не лежало к этой профессии. Я окончила текстильный и действительно хотела работать костюмером в театре, но места были одно

хуже другого – платили ужасно мало. Можно было устроиться только по знакомству, так я и ушла из театра Эбберли.

– И в обеих профессиях ты, считай, состоялась, – продолжала мама, возвращая меня обратно в ее маленькую, с магнолиями на стенах комнатку в доме престарелых. – Ты должна работать, выкладываясь на все сто, люди готовы хорошо платить за искусные вещицы...

Улыбаюсь. Я отказалась от мечты стать костюмером лет двадцать тому назад. Иголку и нитку в руки не брала до того момента, пока Шарлотта, на которой все и всегда рвалось, однажды не вернулась домой из школы и не спросила со всей возможной прямоотой, почему только у нее нет костюма для школьной театральной постановки?

– Возможно, и следует выкладываться... – поддерживаю я мамину игру. Мне хочется сказать ей миллион разных вещей, пока она еще не переключилась на прошлое, пока еще меня узнает, но я банально не знаю, с чего начать. Не начинать же с того, что я подозреваю Брайана в очередном обмане, и не говорить же о том, что, по моим расчетам, бывший молодой человек Шарлотты и ее бывшая лучшая подруга имеют прямое отношение к несчастному случаю с моей дочерью? Особенно сильно мне хочется сказать маме о том, что она очень много значит для меня и как много я дала бы за то, чтобы изгнать ужасную болезнь, которая уносит ее от меня каждый день все дальше.

– Я тебя люблю, мам, – так спешу сказать самое важное, что язык заплетается. – Я, пожалуй, говорю это реже, чем должна, но мы все слишком редко говорим эти слова. Я безумно ценю все, что ты для меня сделала, и мне ужасно жаль, что я оказалась не такой дочерью, на какую ты рассчитывала...

– Сьюзан! – Улыбка сходит с маминого лица. Мама поджимает губы. – Даже не смей говорить такие жуткие вещи! Я и мечтать не смела о такой дочери, как ты.

– Но я ведь убежала, – начинаю плакать, пытаюсь дышать глубоко, чтобы немного успокоиться. – Я была в Греции, когда ты нуждалась во мне...

– Сьюзан! – Мама зажимает сухими жесткими ладонями мою руку. Я поражаюсь ее силе. – Не смей, слышишь? Не смей извиняться, потому что тот... тот монстр, который... те вещи, которые он с тобой сделал... я жалею, что твоего отца не было рядом, чтобы остановить это чудовище...

Я смотрю на нее в ужасе. Она никак не должна была знать о Джеймсе. Не должна была помнить. Я позвонила ей из аэропорта, когда ждала вылета в Грецию, и рассказала все. Мне нужно, просто необходимо было с кем-

нибудь поговорить, рассказать о трех годах ада, которые я добровольно пережила, но я ни на секунду не думала, что она запомнит. Я даже в тот момент не была до конца уверена, что мама поняла, кто ей звонит. А она, выходит, поняла. Как, как я могла быть такой эгоисткой?!

– Шарлотта шлет тебе привет, – я отчаянно пытаюсь сменить тему разговора. – Она приедет, как только сможет.

– О, это будет очень мило с ее стороны, – мамино лицо сияет от удовольствия, и я в очередной раз про себя молюсь, чтобы моей дочери стало немного легче, чтобы они с бабушкой могли хотя бы немного времени провести вместе. – Мне бы хотелось, чтобы она приехала, – говорит мама, копаясь в небольшом ящике стола и доставая оттуда брошь, чтобы вложить мне в руку. Брошь – стеклянная, в виде букета цветов, перехваченного лентой. Ужасно старомодная, но очень симпатичная. – Отдай ее Шарлотте, передай, что я ее люблю. Скажи, что эта вещица принесет ей удачу на экзаменах. – Мама уверенно подмигивает мне, как бы подкрепляя сказанное мимикой. – Я носила эту брошь, когда встретила твоего отца, ты знаешь.

Я открываю рот, чтобы поблагодарить ее и от себя, и от Шарлотты, но не могу произнести ни слова.

– Сью, у меня для тебя тоже кое-что есть, – продолжает мама, поворачиваясь снова к своему ящичку. Я пытаюсь возражать, сказать, что совсем не стоит... но тут симфония Моцарта номер 40 звучит оглушительно громко, и это звонит мой мобильный...

– Брайан? – спрашиваю я, ступая по комнате мамы, голос мой дрожит от волнения. – Сейчас не очень подходящий момент, я у мамы.

В трубке молчат.

– Шарлотта... – наконец говорит муж. – Ты должна приехать в больницу и увидеть все сама.

* * *

Вторник, 18 октября 1990

Сегодня вечером я наконец-то увидела, где живет Джеймс. И теперь мне понятно, почему он так тянул. Мы собирались прийти к нему в районе часа дня, к тому времени миссис Эванс (да-да, Джеймс действительно жил с мамой) пригласила нас на ланч. Но мы слишком рано ушли из кабака,

и Джеймс, который до смешного нервничал (но ни за что не признался бы в этом) предложил пропустить еще по стаканчику – на удачу. Мама не возражала, чтобы мы опоздали, – так он сказал мне. Возможно, она отвлечется, пока будет смотреть детективный сериал «Она написала убийство».

Через пару часов мы все же добрались до дома Джеймса, он жил в Вуд Грин. Джеймс едва попадал ключом в замочную скважину, а я все никак не могла перестать смеяться.

– Надо переобуться, – сказал Джеймс, слегка подталкивая меня в холл.

– И ходить в носках? – попробовала отшутиться я, тоже толкая его под ребро.

– Ну нет, – он покосился на красивые красные каблуки моих туфель. – Снимай туфли. Мама не разрешает в обуви по коврам ходить.

Тут Джеймс наклонился и снял с меня одну туфлю. Мне пришлось уцепиться за стену, чтобы не упасть.

– Я-то думала, ты шутишь...

– А с чего мне шутить, Сью? – Джеймс строго на меня посмотрел. – Я не пацан, Сьюзан.

Я пожала плечами и стала снимать вторую туфлю, не находя слов для продолжения разговора.

– Ну в каком-то смысле я все же шутил! – сказал Джеймс и на этом подтолкнул меня снова, да так, что я не удержалась и рухнула на пол.

Я рассмеялась, он помог мне встать, но атмосфера осталась слегка натянутой. Шутки больше не веселили.

– Возьми тапочки, – проговорил он.

Я предположила, что он снова шутит, и проигнорировала его предложение, вместо этого стала рассматривать холл. Места было много, но фактурные ярко-красные обои и мебель красного дерева, расположенная вдоль стены, визуальнo сужали пространство, заставляя холл казаться маленьким и темным. Единственный светильник под тяжелым вельветовым абажуром свисал с потолка, фотографии в рамках украшали одну из стен, некоторые из них черно-белые, некоторые цветные. На многих был изображен маленький светловолосый мальчик с широкой улыбкой и сияющими голубыми глазами. Я шагнула по направлению к этим фото, чтобы убедиться, мой ли Джеймс на них или нет.

– Тапочки надень, – Джеймс схватил меня за запястье и притянул к себе.

Я высвободила руку и потерла кожу, она саднила.

– Прекрати ломаться и надевай.

Я посмотрела на бежевые тапочки на собственных ногах и покачала головой. Выглядели они так, словно их носила моя бабушка.

– Ты должна надеть тапочки, Сьюзан. – Он распахнул дверь шкафчика и достал оттуда такие же, как у меня, тапки, только размером больше, и надел их. Я посмотрела ему в лицо, ожидая, что вот-вот он прыснет со смеху, но этого не произошло.

Снова посмотрела на тапочки. Мне жутко не понравилось, как он об этом сказал, и вообще, что он сказал, но меньше всего мне хотелось ссориться с Джеймсом перед тем, как мы познакомимся с его мамой.

Хорошо, я надела тапочки, стараясь не думать о том, кто и когда носил их до меня. Джеймс посмотрел на мои ноги в них, наконец рассмеялся и сказал, что они мне идут. Взял меня за запястье, притянул к себе и губами нашел мои. Я расслабилась в его объятиях и дала себя поцеловать.

– Да брось, – сказал он, беря меня за руку, – пошли найдем маму. Мне кажется, ты ей понравишься.

Он повел меня по коридору к белой двери.

– Мам! – позвал он, не отпуская руку. – Это Сьюзи. Сьюзи, это моя мама.

Я улыбнулась и протянула вперед свободную руку, в то время как невысокая темноволосая женщина встала с софы и пошла мне навстречу через комнату. Я так и осталась с протянутой рукой, пока мать Джеймса прошла комнату, подошла ко мне и вышла прочь.

– Джеймс, – позвала она из холла. – Выйди на пару слов.

Я удивилась ее сильному уэльскому акценту. Я-то думала, она будет говорить на таком же роскошном английском, как и ее сын. Джеймс покорно вышел к ней, даже не посмотрел на меня, прикрыл за собой дверь, оставляя меня одну в гостиной. Я стояла, как дура, глядя на закрытую дверь. Потом я наконец вышла из ступора и присела на край кожаной софы, которая – вместе с витриной из красного дерева – занимала всю стену. Стену напротив украшал телевизор, старого типа магнитофон и самый жуткий ковер из всех, какие я только видела в своей жизни. Огромный, а посередине – черная языческая маска, изображенная в голубом, белом и красном тонах. Рот у маски был открыт, а черные пустые глазницы, казалось, следили за мной через комнату. Я отвернулась, чтобы рассмотреть содержимое книжной полки, она была уставлена изданиями в твердом переплете с зелеными корешками, о таких названиях

я даже не слышала никогда, а потом мой взгляд скользнул по столу, укрытому белой кружевной скатертью, стол был уставлен различными яствами. Живот подвело от вида тарелок, наполненных сэндвичами с огурцами, яйцами и лососем, тут же были красивые пирожные в изящных серебряных вазочках и чаши с оливками, орехами и чипсами. Но я удержалась от того, чтобы взять хоть крошку.

Вместо этого я взяла с книжной полки одну из книг в зеленых переплетах и открыла наугад. Через десять минут звук отвлек меня. Я отложила книгу и подошла к двери, приоткрыв ее.

– Джеймс? – позвала я, беспокоясь, словно мой голос мог пересечь весь дом. Свет падал из дверного проема на ковер, образуя на нем замысловатый треугольник и окрашивая его в розовые тона. Я расслышала шепот, как только придвинулась ближе к двери.

– Джеймс?

– Как ты мог? – Мать Джеймса говорила на повышенных тонах, срываясь в истерику. – Как ты мог меня так не уважать, после того что я весь вечер провела, готовя тебе ланч?

– Мам... прошу тебя... успокойся...

Я перестала держаться за дверную ручку. Джеймс говорил сейчас с точно таким же сильным уэльским акцентом, как и его мать.

– Мам, мы опоздали всего на пару часов...

– На пару часов на семейный ланч! У тебя вовсе стыда нет? Или ты последний стыд утратил в тот день, когда твой папа покончил с собой?

Покончил с собой?! Я прислонилась к стене. Джеймс рассказывал, что отец погиб из-за рака легких.

– Ну я же здесь, чего еще тебе нужно?

– Ты опоздал. И опоздал вместе с этой. С этой девкой, которую ты знаешь минут десять, не больше.

– Она не девка, мам. Она особенная.

– А мне какое до того дело?

– Конечно, тебе нет дела, ты...

– Я сегодня встала в шесть утра, чтобы вымыть дом, Джеймс. В шесть утра! Я мыла, готовила и снова мыла весь день. Для тебя, Джейми, для тебя и для той женщины. Ты мог хотя бы проявить уважение и прийти вовремя, Джейми. Я думала, я воспитала тебя гораздо лучше, но, оказывается, я ошибалась.

– Да срань господня, мам!..

Раздался странный звук, словно что-то треснуло, и Джеймс глубоко вздохнул. Я отошла от двери. Темно-бордовые стены стали еще темнее, а

мебель словно выросла волшебным образом. Даже фотографии теперь таращились на меня.

Я попробовала глубоко вздохнуть, но воздух вдруг стал тяжелым и очень плотным, я почувствовала, как у меня перехватывает горло, и посмотрела на дверь.

– Джеймс! Джеймс! Прости меня! – Миссис Эванс перешла почти на писк, голос ее был полон отчаяния. – Джеймс, прошу тебя, не уходи! Я не хотела...

Тут дверь в гостиную распахнулась, Джеймс рывком схватил меня за запястье (который уже раз!) и поволок за собой к выходу.

– Мы уходим. – Он буквально вытолкнул меня наружу, прямо в тапочках. Я было потянулась за своими красивыми туфлями на каблуках, но мы уже мчались через сад по направлению к улице.

– Гребаные семейные ланчи! Гребаная мама! Да пошло оно все! – продолжал он. – Теперь ты видишь? Видишь? – Он тряс меня, заставляя смотреть ему в лицо. – Теперь понимаешь, почему я не хотел, чтобы ты ко мне приходила?!

Следующие полтора часа он не проронил ни слова.

Глава 9

– Не пойму, почему ты такая расстроенная, – Брайан моргает левым поворотником и съезжает, – ведь новости-то хорошие.

– Правда? – я смотрю на него во все глаза.

– Еще бы. Слышала, что сказал мистер Рашид? Кора головного мозга Шарлотты нормализуется.

– Точнее, он сказал, что снимки показали, мол, повреждения постепенно излечиваются.

– Да, Шарлотта идет на поправку.

– Не на поправку. Всего лишь повреждения излечиваются.

Брайан вздыхает медленно и осторожно.

– Сью, мы оба слышали, как доктор сказал, что наша дочь в коме не по медицинским причинам, не из-за физической травмы.

– Но ведь она так и не выходит из нее, не так ли? Все эти слова не имеют никакого смысла, если Шарлотта не открывает глаза и не...

– Да ради бога, Сью!

– Брайан! – я смотрю на него во все глаза. – Можно мне договорить без того, чтобы ты на меня срывался?

Брайан посылает особенный взгляд и приподнимает брови.

– Причина, по которой я все еще расстроена, Брайан, это то, что мистер Рашид сказал, чем дольше Шарлотта остается в коме, тем вернее у нее разовьются осложнения. Возможно, разовьются, он сказал.

– Там ключевое слово было «возможно», Сью. Тебе стоит больше надеяться на лучшее, мыслить позитивнее.

Я откидываюсь на подголовник и рассматриваю серый унылый салон автомобиля. Хочу мыслить позитивно, очень хочу. Изо всех сил стараюсь, но никак не могу отделаться от мысли, что проиграла свои позиции как мать. Если бы мы с Шарлоттой были ближе друг к другу, больше друг другу доверяли, я бы вызвала ее на разговор, я бы кинулась за ней вверх по лестнице вместо того, чтобы вернуться к чтению. И моя дочь, возможно, никогда не шагнула бы под автобус, у нее не развился бы риск заболеть пневмонией – как это происходит сейчас.

– Я должна была защитить ее, Брайан, – говорю я тихо.

– Не надо так, Сью. Это не твоя вина.

Я смотрю на него.

– Тогда я не защитила ее, но теперь могу.

– Ты вообще о чем?

– Если у меня получится выяснить, почему она сделала то, что сделала, и сказать ей, что я все понимаю, что я с ней, чтобы поддержать, возможно, она проснется.

– Только не снова... – Брайан тяжело вздыхает. – В сотый раз тебе говорю, Сью, это был несчастный случай.

– Нет, не был. Шарлотта пыталась убить себя, Брайан. Она написала об этом в дневнике.

Визг тормозов, ремень душит меня, врезается в горло, когда мы внезапно сворачиваем с гудронированного шоссе. Я стараюсь закричать на Брайана и велеть ему остановиться, но не могу даже заговорить, не то что закричать. Все, что могу, это пытаться отодрать ремень от горла, чтобы он не так душил, пока навстречу нам летит джип. Какофония сигналов разрывает мой слух, потом Брайан выворачивает ведущее колесо влево, нас кидает в сторону, мы идем по краю дороги, по траве, потом нас кидает вправо, и мы оказываемся посередине дороги. Верхняя губа моего мужа покрыта потом, лицо бледнее полотна, глаза смотрят куда-то в пустоту, совершенно стеклянный взгляд.

– Ты нас чуть не убил, – говорю я.

Брайан ничего не отвечает. Он молчит всю дорогу по пути домой, останавливает машину, открывает дверь и идет прочь, не оглядываясь. Я остаюсь в машине, слишком потрясенная, чтобы пошевелиться, а Брайан заходит в дом, пересекает кухню и исчезает в холле. Даже не знаю, что напугало меня сильнее: то, что мы едва не разбились лоб в лоб с идущей на нас машиной, или тот взгляд, которым Брайан смотрел на дорогу.

Руки дрожат, пока я нащупываю ручку и открываю дверь машины со своей стороны, замираю, чтобы прийти в себя. Вела себя глупо. Брайан никогда не рискнул бы нашими жизнями, потому что мы оба так нужны Шарлотте. Да, он злился, – рассуждаю я с самой собой, пока пересекаю гравийную подъездную дорожку к дому. Вчера он спрашивал, было ли что-то в дневнике Шарлотты, о чем ему следовало бы знать, и я сказала, что ничего такого там не было. Соврала ему в лицо, теперь мы оба знаем это наверняка.

– Брайан? – робко приоткрываю входную дверь, ожидая, что Милли выскочит навстречу, но ее нет на крыльце. Вероятно, она проследовала за Брайаном в гостиную. Только я собираюсь войти в кухню, как что-то красное и изрядно пожеванное привлекает мое внимание на коврике Милли. Это кусок упаковки, в которой возит корреспонденцию королевская почта. Как он оказался на ее коврике? Оглядываюсь и вижу упаковку

посылки на полу. Третий раз Милли утаскивает почту к себе в гнездо. Чем старше она становится, тем более охотно таскает вещи. Я приседаю и подбираю остатки посылки, улыбаюсь, когда могу разобрать, что написал почтальон в записке – «Ищите в мусорном ведре». Брайан считает, что почтальон нарушает правила, отправляя неполученную нами почту в мусорное ведро, но мне идея кажется хорошей. Это избавляет его от необходимости везти посылку обратно в офис, а мне не надо потом ехать в город, чтобы получить ее. Я выхожу и сдвигаю крышку с мусорного ведра. Достāju зеленый сверток с маркировкой «Маркс и Спенсер» – он по форме напоминает коробку из-под обуви, там что-то твердое, не одежда. Но это не могут быть туфли. Туфли я никогда не покупаю по почте, только в магазинах – после примерки. У меня широкая ступня, и покупка обуви по Интернету может оказаться плохой затеей.

– Брайан? – несу сверток в дом, ищу мужа. – О, приветик, Милли!

Милли оживляется, смотрит на меня от холодного камина, где лежит, но потом вздыхает, понимая, что я не Брайан. Вероятно, он у себя в кабинете. А Милли нельзя наверх, она это прекрасно знает.

– Ну и что у нас тут? – рву остатки упаковки и действительно вижу коробку из-под обуви. – Храбрый папочка заказал туфли мамочке...

...тут коробка падает из моих ослабевших рук на пол, а следом за ней на ковре оказывается пара бежевых тапочек.

Да, они для меня, но их заказал не мой муж.

* * *

– Брайан? – открываю дверь в кабинет. – Брайан, нам нужно поговорить.

Муж сидит на стуле, держит голову руками, упираясь локтями в стол. На мой голос он никак не реагирует.

– Брайан? – Стараюсь говорить так, чтобы голос не дрожал. – Брайан, пожалуйста, мне нужна твоя помощь.

Он поднимает голову и медленно поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Лицо ничего не выражает, глаза такие же стеклянные и темные, как в тот момент, когда я сказала ему о дневнике.

– Чего тебе, Сьюзан?

– Я... – держу в руках тапочки, пришедшие почтой, но не могу ничего объяснить. Не могу сказать, что это Джеймс послал их мне. Нет ни записки, ни каких-то деталей доставки, ни даже карточки от отправителя, – вообще

ничего, что могло бы доказать, что послал их именно Джеймс. И вдобавок ко всему Брайан выглядит так, словно кто-то забрал у него душу.

Присаживаюсь на краешек деревянного стула возле двери.

– Прости меня, Брайан.

Муж ничего не говорит, но он, похоже, слушает меня и хочет, чтобы я продолжала.

– Прости, что только сейчас сказала тебе о дневнике. И о том, что там ничего страшного не написано. Написано.

– И что же? – Брайан как-то сразу подбирается на стуле. Выпрямляет спину, пальцами касается стола, смотрит глаза в глаза. – Что она там написала? Скажи мне.

– Она... – не могу сказать. Не могу отделаться от ощущения, что не должна ничего говорить мужу. Только не ценой безопасности Шарлотты. – Брайан, а почему ты соврал про посещение бассейна?

– Ты о чем?

– На прошлой неделе, когда ты утром уехал, то сказал, что пошел плавать и по магазинам.

– И-и-и?..

Всего лишь звук, но сколько в нем раздражения!

– Бассейн, куда ты якобы пошел плавать, уже две недели как закрыт на ремонт...

Брайан как-то странно моргает.

– А я ходил не в тот бассейн.

– А куда тогда?

– В Акварену.

– Ты ехал так далеко, чтобы поплавать?

– А что, нельзя?

– Брайан, да ты не вспоминал о плавании уже несколько месяцев!

– Вот почему я и отважился окунуться.

– Прекрати врать. – Я встаю. – Прошу, просто прекрати врать мне.

Муж продолжает сидеть на стуле.

– Врать? Кажется, мы оба знаем теперь, кто тут из нас двоих врет. Или ты хочешь забрать свои извинения обратно? Те, что принесла мне пять минут назад?

Я ничего не отвечаю, и улыбка начинает играть на его губах.

– Сью, что Шарлотта написала у себя в дневнике?

– Куда ты уходил на закате каждый день?

Брайан ничего не говорит, я тоже ничего не говорю, – мы оба молчим.

Смотрим друг другу в глаза, играем в игру, кто кого пересмотрит. Брак

рушится буквально у меня на глазах, я это прямо вижу.

Динь-динь, динь-динь, динь-динь.

От звука дверного звонка я подпрыгиваю. Через минуту я уже вне кабинета мужа, вышла, пользуясь предлогом открыть дверь. Кажется, Брайан зовет меня по имени, пока я бегу вниз по лестнице. Но я не оборачиваюсь на этот зов.

– Иду-иду! – кричу я звонящему. Пересекаю холл, прохожу кухню, и вот я уже на крыльце. За мной трусит Милли, толкая перед собой пустую миску из-под еды. Я открываю входную дверь. Дверь у нас из матового стекла, ничего не видно, так что приходится открыть ее и выглянуть наружу, – я все еще надеюсь, что увижу кого-то убегающим прочь по улице, но нет. Никого нет. Тот, кто звонил, вероятно, ушел или убежал сразу же.

– Милли, скажи, ну и что это такое? – обращаюсь к собаке за поддержкой. Вижу, что она играет чем-то на своей подстилке, подхожу ближе. Присаживаюсь на корточки. Обнаруживаю коричневый конверт.

– Где ты это раздобыла, Милли? – Отвлекая собаку хорошо пожеванным теннисным мячиком, забираю конверт и сажусь с ним за кухонный стол. Мое имя написано на конверте на самом видном месте – синей ручкой, но нет ни адреса, ни марки. Переворачиваю другой стороной. И там тоже ничего нет, только полоска клейкой ленты. Видимо, тот, кто звонил в дверь, сначала просунул конверт в прорезь для почты.

Отрываю ленту, вскрываю конверт. Едва могу дышать, когда его содержимое вываливается на стол.

Это нечто розовое и блестящее. Это сотовый телефон Шарлотты.

* * *

Суббота, 21 октября 1990

От Джеймса не было вестей дня три – с тех пор, как мы побывали у него дома и случился скандал с его мамой.

В конце концов я набралась смелости и сама позвонила ему. Думала, что он станет извиняться, но нет, вел себя, словно ничего особенного не случилось. Спросил, какие у меня планы на уик-энд. Сказала ему, что меня пригласили пообедать с друзьями и что он может присоединиться, если захочет. Голос его наполнился разочарованием, Джеймс сказал, что надеялся провести со мной время наедине. Тут уже я рассмеялась. Не

считая тех вечеров и ночей, что я работаю в баре, мы вообще все время проводим наедине. Только вдвоем. Я так ему и сказала, а еще добавила, что очень хочу, чтобы он познакомился с моими приятелями. Этот разговор у нас произошел месяца через два после нашей первой встречи, а Джеймс еще не был знаком ни с одним из моих друзей.

– Хелена и Руперт? – повторил он за мной имена, как только я ему сказала, к кому в гости мы собираемся. – Тот самый Руперт, с которым ты спала в универе?

Мне ужасно не понравилось то, как Джеймс произнес слово «спала» – словно это было что-то грязное, чего стоило стыдиться.

– Нет, это Руперт, который мой лучший друг, с которым у меня очень давно случился секс. Но это не имеет значения.

– Для меня имеет.

– А не должно. Тогда это ничего не значило, и, разумеется, сейчас ничего не значит. Даже Хелена не напрягается из-за этого, почему тебе или мне тогда напрягаться?

– Хелена тебя не любит.

– Да ради бога, не начинай...

– Ну да, и чтобы ты осталась рядом с парнем, который уже однажды тебя трахал и, вероятно, не откажется трахнуть снова? Нет уж.

– Джеймс!

– Что Джеймс?

– Не говори так, это ужасно.

– А чего такого ужасного? Он мужик, разве нет?

– Да, но он безумно влюблен в Хелену, это во-первых, а во-вторых, мы друг другу не подходим.

– Ну так он, возможно, говорит Хелене, да.

– Я сейчас точно положу трубку, если ты не прекратишь.

– Не надо, Сьюзи, прости, я не хотел. Разговор пошел не в то русло. Я все еще переживаю из-за того, что случилось во вторник. Прости меня, родная, прости. Буду себя очень прилежно вести у твоих друзей, обещаю.

– Дашь слово?

– Еще бы!

Джеймс был пьян, когда мы встретились на станции Вильсден. Так пьян, что мог едва стоять, а уж о том, чтобы разговаривать, и речи не шло. Мне одного взгляда на него хватило, чтобы велеть ему идти домой. Отказался. Зашипел в ухо, обнимая за шею, мол, раз мне так важно было, чтобы он познакомился с моими друзьями, то он, черт возьми,

познакомится.

– Вот развлекауха-то будет! – сказал он. – Я могу реально неплохо шутить. Вот, например, что коричневое и воняет?

Я рассмеялась, Брайан даже в таком состоянии был очень привлекательным. Может, так вечеринка пройдет веселее, подумалось мне. В конце концов, он встретится с Рупертом без прежней агрессии.

Но уже через полминуты после того, как мы зашли в квартиру Хелены и Руперта, я поняла, что вечер превратится в кошмар. Джеймс пальцем указал на эмблему Формулы-1, вывешенную в рамке на стене, и сказал:

– Только ублюдки любят Формулу-1! Каким дебилом надо быть, чтобы наслаждаться зрелищем, как машинки ездят по кругу одна за другой?

– А ты вникни, – повернулся к нему Руперт, – что количество кругов зависит от трека и что в Формуле-1 ограниченное число кругов, иначе трудно определить победителя.

– Бла-бла-бла, какие мы умные! – Джеймс махнул на Руперта рукой. Руперт удалился в гостиную. – Говорю же, спорт для роскошных ублюдков.

Я втиснула Джеймса в ванную и закрыла за нами дверь. Джеймс отшатнулся от меня, опустил крышку унитаза и сел.

– Продолжишь в том же духе, и мы быстро уйдем отсюда, ты меня понял?

Он улыбнулся в ответ.

– Так что, мы не будем обедать с ублюдочной Звездой и ее ублюдочным Звездунот? Прекрасно! Просто великолепно! – Он попытался встать. – Пошли!

– Только без меня. – Я заставила Джеймса снова сесть. – Уйдешь один.

– Так не пойдет, Сьюзи, – Джеймс изменился в лице, – позволь мне, пожалуйста, провести вечер в компании Толстожопой и Скучнорылого.

– Все, с меня довольно, – я со всей силы дернула его за руку, Джеймс инстинктивно встал. – Ты сейчас же едешь домой, я вызову тебе такси.

– Нее-а! – Джеймс снова меня обнял, пользуясь своим преимуществом в весе, прижал к стене ванной. Впился губами в шею. – Не оставляй меня, пожалуйста, не гони, обещаю быть хорошим мальчиком, Сьюзи, хочу проснуться с тобой в одной постели завтра утром. Только не отправляй меня домой к моей сволочной матери...

Я как могла старалась не выдать своего удивления. Джеймс впервые упомянул маму в беседе. И таким пьяным я его раньше не видела. Возможно, то, что произошло у него дома во вторник, расстроило его еще

больше, чем я предполагала. И чем он сам осознавал.

– Пожалуйста, – Джеймс выпрямился и посмотрел на меня пронзительно. – Я веду себя глупо лишь потому, что это тебя бесит. Я же прекрасно знаю, как ты любишь своих драгоценных друзей – эту, которой подошла бы кличка Рыжий Бобер, и ее дружка, которого я бы с удовольствием называл Толстой Задницей.

– Джеймс!

– Ну вот видишь, ты уже завелась! – Джеймс изображает, как будто нажал невидимую кнопку. – Так просто. Прощу тебя, Сьюзи. Я обещаю вести себя хорошо. Буду вежливо разговаривать во время обеда и вообще. Мне бы не помешало поест, кстати. Я сегодня только миску мюсли съел, и все.

– Джеймс, так не пойдет.

– Послушай, – он уткнулся в ямочку у моей шеи, – я знаю, что все равно ты меня любишь. И тебе не все равно, что я голодный до смерти.

– Ну разумеется, я тебя люблю, хотя ты и ведешь себя как идиот. – Я откинула его голову, чувствуя пальцами волосы. – Даже когда ты ведешь себя вот так – все равно тебя люблю.

Джеймс сдержал слово и вел себя неплохо, хотя его речь за обеденным столом была исполнена саркастических намеков. А вот по пути домой он вообще не проронил ни слова. Да и я была ему благодарна за тишину, – Джеймсу не нужно было произносить вслух, но я поняла это по его поведению: ему не понравились мои друзья, и не только потому, что с одним из этих друзей я когда-то давно спала. Мои друзья не были безумными экстравертами, как его театральные коллеги, – они не подкалывали друг друга, не лезли целоваться там, где можно было ограничиться объятием. Мои друзья были хорошими и добрыми людьми, и со мной такими они были всегда. И мне хотелось, чтобы Джеймсу они понравились точно так же, как нравились мне, но он не особенно старался скрыть свое истинное отношение к ним. Хелена у него выходила напыщенной, Эмма – психичкой, Питер вызывал зевоту, таким казался скучным, а Руперт... тут отношение Джеймса было совершенно однозначным.

Я переживала, что моему любовнику не нравятся мои друзья, особенно потому, что он вроде бы меня уважал. Все время повторял, что я его котенок, принцесса, ангел, посланный, чтобы спасти его от идиотов, которыми кишит этот мир. И как тогда он мог любить меня, но не любить их, которых любила я? Мы же с ними одного поля ягоды.

К тому моменту, когда мы наконец пришли к Джеймсу, молчание

начало меня угнетать, и я рискнула спросить, в порядке ли Джеймс.

Он проигнорировал меня и пересек комнату, чтобы задернуть наглухо тяжелые гардины, медленно расправил складки, чтобы они лежали на ткани симметрично. Джеймс был доволен гардинами и сел у камина, поигрывая латунной кочергой. На лице – ноль эмоций, рот вытянут в нитку, даже серые глаза, кажется, побледнели. Только желвак, ходивший туда-сюда по его челюсти, выдавал настроение Джеймса. Я стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу. Воздух был наэлектризован, словно в комнате повисла грозовая туча и вот-вот прогремит гром.

– Джеймс? – снова позвала я.

– А не заткнуться ли тебе? – он повернулся, чтобы видеть меня. – Мама спит уже наверху, ты что, забыла?

– Прости, – я перешла на шепот. – Просто хочу убедиться, что ты в порядке. Ты мне показался... – я очень тщательно подбирала слова, – несколько расстроенным, что ли, когда мы покидали дом Хеллс.

– Расстроенным? – Джеймс встал, приблизился и навис надо мной. – С чего бы мне быть расстроенным, Сьюзи-Сью?

Я вся измучилась, вспоминая, о чем особенном мы беседовали за обедом. Говорили о музыке, ценах на дома, общих друзьях (на это Джеймс уже откровенно зевал), о праздниках, последних кинопремьерах (и это подстегнуло Джеймса пуститься в рассуждения о том, что современное кино – это мусор и ничто никогда не сравнится с фильмом «Харви», потому что это его любимый фильм). Говорили и о том, будут ли новые забастовки и митинги из-за повышения налогов, – тут Джеймс не преминул похвастаться, что он-то точно выберется из тюрьмы практически сразу, если его посадят, потому что он, дескать, в друзьях с половиной лондонских полицейских, включая в том числе начальника городской полиции, который был женат на лучшей подруге его матери. Ничего сверхъестественного, ничего – ни слова! – о моих бывших парнях (Хеллс уже была предупреждена не говорить о них при Джеймсе) и никаких разговоров о моем прошлом, которые могли меня как-то скомпрометировать.

– Ничего такого, да? – Джеймс подошел еще на шаг и упер мне в лоб свой указательный палец. – Ты серьезно не припоминаешь ничего, что могло бы меня расстроить?

Я отрицательно покачала головой.

– Нет, не припоминаю. Мне казалось, вечер прошел мило.

– Врешь!

Лицо Джеймса было очень близко от моего, дышал он горячо и пах

какими-то специями, которые Хеллс добавила в курицу, кажется, карри.

– Я не...

– Ты лживая сучка!

– Я не такая, Джеймс, я не говорила, что...

– Хочешь сигарету, Сьюзи? – Джеймс говорил каким-то высоким кукольным голосом, но я уже поняла, к чему это он: он имитировал Хелену, когда та после обеда протянулась через стол и предложила мне «Мальборо Лайт», а потом и сама взяла одну. Кровь внезапно прилила к моим щекам, я вся стала огненной.

– Хеллс! – Джеймс продолжал говорить не своим голосом, его лицо раскачивалось перед моим взглядом туда-сюда, слишком близкое, чтобы уловить его выражение. – Хеллс, ты же знаешь, я больше не курю-ю-ю! Я бросила две недели назад, помнишь?

– Она же просто забыла, Джеймс. Мы привыкли делиться сигаретами на работе, это просто привычка. Она забыла, что я...

– Гребаная ваша привычка!

Я отшатнулась от Джеймса и вытерла слезы – Джеймс случайно плюнул мне в глаз.

– У меня отец умер от курения, Сьюзи. Умер, понимаешь ты? Умирал долго и мучительно. Я его держал в руках, когда он отходил в мир иной, пытался дышать, но не мог сделать ни вдоха.

Странно, его мать – я слышала сама – сказала, что отец покончил жизнь самоубийством. Так почему же Джеймс...

– Мне что, придется и с тобой через все эти муки ада пройти, да? – Джеймс толкнул меня в грудь. – Придется, Сью? Да?

– Нет! Я не начинала снова курить, Джеймс. Я же дала слово...

– Врешь!

Он был прав. Я действительно врала. Я не начинала снова курить регулярно, но быстро затянулась сигаретой Хеллс недели две тому назад. Мы пошли поесть, и я не смогла отказаться от сигаретки. Это была всего лишь одна сигаретка, но Джеймс не понял бы. А я его люблю достаточно для того, чтобы сдержать обещание и завязать.

– Если ты наврала о своей грязной привычке курить, – Джеймс снова шагнул ко мне, придавливая своей грудью, так что я вынуждена была отступить на шаг назад, – о чем же ты еще мне наврала, Сьюзи?

Я закрыла рот руками и сквозь пальцы проговорила:

– Ни о чем не врала...

– Правда? Прямо вот не врала? Ты не... – он отбросил мои руки от рта и сжал в своих, – ты случайно тайно не трахаешься с Рупертом?

– Нет же, – я пыталась высвободить пальцы из его железной хватки, – конечно же нет...

– Ходите, наверное, в наши любимые отели и там, как кролики, а?..

– Нет! – я смогла высвободиться наконец. – Боже, Джеймс, ты должен отпустить ситуацию с Рупертом, переключиться. Ты словно одержимый.

– Одержимый? А как насчет того, что ты ходишь с ним попить кофе по несколько раз на неделе? И я должен верить в то, что вы правда кофе пьете? Что два человека, когда-то трахавшие друг друга, наедине, без родителей, сидят пьют кофе и совсем не хотят снова завалиться в постельку? Ты, верно, решила, что я полный идиот.

– Да, господи, Джеймс, – я и правда не могла поверить в то, что мы снова вернулись к этой теме, – сколько раз мне еще говорить об этом? Руперт просто друг, ничего больше. Я к нему привязана, как привязана к Хеллс, которая – прежде, чем ты что-то скажешь сейчас – не вызывает никаких желаний, кроме дружеских. С ней я тоже могу пойти выпить кофе.

Джеймс покачал головой.

– Ты ведь и правда не понимаешь, Сьюзи? Я же тоже мог остаться в дружеских отношениях с моими бывшими, но не остался. А все почему? Потому что ценю наши отношения. Ценю тебя больше всего остального в моей жизни. Я тебя люблю, Сьюзи, ты же знаешь об этом?

– Да, – сердце дрогнуло от его смягчившегося голоса, никто меня еще никогда так страстно не любил, так отчаянно. Раньше меня даже никто не ревновал. Просто всем было все равно. Натан, например, спокойно в течение часа наблюдал, как я флиртую с незнакомцем на новогодней вечеринке. Джеймс, конечно, слишком далеко зашел с ревностью к Руперту, но, глядя ему в глаза, я точно могла сказать, что он так вел себя, потому что боялся. Боялся потерять, уступить другому мужчине.

– Я тебя тоже люблю, Джеймс.

– Нет, – он взял меня за подбородок пальцами правой руки, так, чтобы я не могла отвернуться и смотрела ему прямо в глаза. – Я тебя по-настоящему люблю, Сьюзи. Ты для меня все. Все.

Его левая рука легла мне на талию, и он уже прижимал меня к себе, грубо, жадно, так же жадно впивался губами. Целовал взасос, и вместо того, чтобы разозлиться – все же меня обозвали лживой сучкой, – я ответила ему...

Глава 10

Схватив мобильник Шарлотты, я стала его вертеть туда-сюда и, наконец, заглянула в конверт, в котором он лежал. Ничего – ни записки, ни открытки, ни стикера. Просто сотовый телефон, и все.

Я выскочила из дома и помчалась по усыпанной гравием дорожке, с сотовым телефоном Шарлотты в одной руке и вскрытым конвертом в другой. Добежав до улицы, притормозила. Куда, куда мог скрыться тот, кто принес мне это? Повернувшись лицом по направлению к городу, побежала дальше. Миновала женщину с детской коляской, пожилую леди, толкавшую перед собой тележку из супермаркета, парочку подростков, державшихся за руки. Обогнала 19-й автобус, позади остался ларек с газетами и три или четыре пивных. А я все бежала и бежала. Непонятно, кого я искала и куда спешила, но притормозить смогла только когда увидела, что Милли бежит рядом со мной, ее язык свесился изо рта набок. Я не драматизирую, но ей все же тринадцать лет, сердце сбоит и глаза уже плохо видят. Ей вообще не стоит бегать, тем более по улице, на которой полно машин и повсюду таится опасность.

– Пошли, девочка моя, – я протягиваю руку и треплю ее по голове, – пошли домой.

* * *

Стоит только подойти ко входной двери, как вижу, что она открыта настежь, я выбежала, даже не потрудившись захлопнуть ее за собой. И теперь я ощущаю, как глупо, как по-идиотски только что повела себя. Кроме того, что элементарно не закрыла за собой дверь – так что, пожалуйста, заходи, кто хочешь: любой Том, Дик или Гарри, – бери, что хочешь. А потом еще, что, если этот человек, приславший мне мобильник, наблюдал за мной и только и ждал, когда я кинусь прочь из дома?

Первым порывом было, как только я вернулась, найти Брайана и рассказать ему все без утайки, но я ничего не сказала. Вместо этого наливаю Милли миску чистой воды и ставлю на крыльцо, потом иду в туалет, который у нас на первом этаже, запираюсь там, опускаю сиденье унитаза и сижу так. Включаю мобильник Шарлотты кнопкой на верхней панели.

По экрану пробегает анимация – по мере того, как мобильник оживает в моих руках. Очень долго не могу разобраться, как зайти в раздел «Сообщения», но вот, наконец, получается, вижу список имен. Узнаю некоторые из них – Лиам, Элла, Оливер, Нэнси и Миша (две девочки из класса Шарлотты), а потом еще пара имен, которые мне совсем не знакомы.

Нервы мои на пределе, но пока я читаю сообщения, внутри поднимается волна странного возбуждения. Словно я вот-вот раскрою причину, по которой Шарлотта пыталась убить себя, но чем дальше я читаю, тем больше разочаровываюсь, и скоро мое возбуждение сменяется ощущением неловкости – я изучаю сообщения, которыми обменивались моя дочь и ее молодой человек. Некоторые из них носят эротический характер, но в большинстве своем они полны юмора и любви. Сообщение, в котором Шарлотта рвет отношения с Лиамом, выглядит совершенно дико, словно писала не она. В предшествующем ему сообщении Шарлотта пишет Лиаму, что провела с ним восхитительный вечер, а потом – сразу – рвет отношения, не хочет иметь с ним ничего общего. Неудивительно, что Лиам был так зол и раздосадован. Дальше – много сообщений от Лиамы: сначала он просит дать хоть какие-то объяснения, видно, что ему больно, а потом письма наполняются злостью. Шарлотта не ответила ни на одно из них.

Открываю сообщения к Элле. Короткая беседа на тему школьного проекта, над которым они вместе работали, и все. Больше ни слова. Ни о Лиаме, ни о Кейше или о том, почему они все разбежались.

Продолжаю просматривать историю сообщений в телефоне дочери: какие-то относятся к ее отцу (Шарлотта обычно просит денег), есть сообщения к Оливеру (его версия про то, что сестра просила снять ей комнату в отеле, подтвердилась), а потом начинается переписка с людьми, чьих имен я не знаю. Сообщения, которыми Шарлотта обменивалась с девочками из школы, не приоткрывают завесу тайны, – там только сплетни о том, кто кому нравится. И все. Но в телефоне Шарлотты есть еще одно интересное имя – Кей Дог. Сердце у меня уходит в пятки, как только я натыкаюсь на него. Я действительно думала, что телефон Шарлотты даст мне какие-то ответы на вопросы. Чувствовала, что тайна раскроется, если я...

Кожа покрывается мурашками и становится холодно.

«Мой папа – больной на всю голову извращенец, не знаю, с кем об этом поговорить. Позвони мне, как можно скорее, Шарлотта».

Читаю еще раз. Не может быть!

Он никогда-никогда не смог бы причинить ей вред! Воспоминания наполняют меня. Вот Брайан берет Шарлотту в бассейн, вот учит ее

кататься на велосипеде, вот помогает ей принять ванну. Она бы мне непременно сказала, если бы он начал вести себя ненадлежащим образом или же сделал что-то странное. Ведь сказала бы?

Не может быть. Встряхиваюсь. Прекрати, Сью. Первое твоё предположение было верным. Брайан никогда ничего не сделал бы с дочкой. Он её любит. Он совершенно раздавлен тем, что с ней случилось. Он всё ещё не может справиться. Но...

Тут перед моими глазами встает эпизод на шоссе, когда в нас чуть не врезалось несколько машин. С чего бы ему так бурно реагировать на то, что я нашла дневник дочери и сказала ему об этом? С чего бы переводить стрелки на меня, когда я его спросила про бассейн и отлучки по утрам?

Мне необходимо выяснить, что значит сообщение Шарлотты. Нахожу в телефонной книге имя Кей Дог и нажимаю кнопку позвонить.

Сначала раздаётся щелчок, потом играет музыка, и я мысленно готовлюсь к разговору, и тут шум на лестнице заставляет меня подпрыгнуть.

Пришел Брайан.

Ходит по кабинету.

«Ответь, ну ответь же! – умоляю я телефон, музыка всё играет и играет в трубке, а шаги становятся всё громче и ближе. – Ответь!».

Давай, давай, давай.

Вот кто-то снял трубку.

– Алло? – я еле дышу, – Алло? Меня зовут Сью...

– Вас приветствует голосовая почта «Водафона», номер 07972 711271.

Пожалуйста, оставьте ваше сообщение после гудка.

Слышно, как скрипят ступени под шагами Брайана.

– Алло? – Я говорю после гудка. – Вы не знаете меня, но я...

– Сью?

В дверь туалета грубо стучат.

– Сью, с кем ты там разговариваешь?

– Ни с кем! – я тут же нажимаю отбой и запихиваю трубку в лифчик. –

Выйду через минуту!

Упираюсь ладонями в стену туалета, словно меня только что озарило, пытаюсь сама себя успокоить.

– Сью?

Снова стучат в дверь. Только уже громче и сильнее.

– Что ты там делаешь?

– Да ничего я не делаю! Выйду через минуту, сказала же.

– Хорошо.

Слышу, как Брайан глубоко вздохнул.

– Сью, нам надо поговорить. Буду ждать тебя в гостиной.

Включаю холодную воду и ополаскиваю лицо, потом смотрюсь в зеркало. Уставшая, сорока с чем-то лет, с темными кругами под глазами и выражением загнанной лошади. Вытираю лицо полотенцем досуха. Едва сама узнаю себя. А что же с Брайаном? Хорошо ли я его знаю или он незаметно для меня превратился в чудовище? Лживое, предающее и опасное чудовище? Есть только один способ это выяснить.

Вешаю полотенце обратно на крючок, отпираю дверь туалета.

* * *

Вторник 24 октября. 1990

– Сьюзи, прости меня.

Джеймс положил мне на плечо руку, прижал к своей груди. Я закрыла глаза, все еще в полусне. Джеймс пах приятно и вкусно, мускусный аромат. Он пах домом.

– За что простить?

Пару секунд Джеймс медлил с ответом. Потом убрал волосы с моих глаз и притянул к себе мое лицо. Я открыла глаза.

– За то, как вел себя последнее время. Как относился к тебе. Я... – он медлил, – был не прав.

Я ничего не ответила, но огромная волна спокойствия и освобождения омыла меня изнутри. Его поведение в последние два дня действительно беспокоило. Казалось, он не похож на себя, а когда он кричал на меня, обзывая лживой сукой, было просто ужасно.

– Внутри меня много гнева, Сьюзи. Я злюсь на то, что произошло в прошлом, и борюсь, чтобы подавить этот гнев. Иногда я проигрываю... – Он провел пальцем по моей скуле. – Я сорвался не на том человеке, на том, кто ни за что на свете не причинил бы вреда мне, и мне от этого по-настоящему плохо. Я не хочу быть монстром, Сьюзи. Не хочу быть как он.

Он отвернулся, словно встретиться со мной взглядом для него было слишком болезненным, и посмотрел в окно, на глазах у него были слезы.

– А кто еще был монстром? – я положила руку ему на грудь. – Что такое случилось, Джеймс?

Он покачал головой, и одна-единственная слезинка скатилась по его

щеке.

– Скажи, скажи мне, чем я могу помочь?

Он провел рукой по лицу, грубо стирая слезы, и посмотрел на меня.

– Видишь, почему я тебя люблю. Ты невероятно заботлива. – Он положил ладонь мне на грудь. – У тебя такое огромное сердце...

– В чем дело? Скажи мне, чтобы я могла понять...

Он глубоко вздохнул, я приготовилась к тому, что могу услышать. Но не услышала ничего. Мы легли в постель все в той же малоприятной тишине через несколько минут. И в конце концов Джеймс заговорил.

– Вчера была годовщина смерти моего дяди.

Я было хотела сказать, что мне жаль, но он прервал меня, покачивая головой.

– Он умер, когда мне было двенадцать, внезапно, от сердечного приступа. Никто не понял, что смерть приближается. Люди вроде дяди Малькольма просто так не падают замертво, когда им стучит пятьдесят, – только не такие люди с большими сильными руками, с головой, на которой нет и намека на лысину. – Он помолчал, его подбородок слегка дрогнул, потом продолжил. – Моя мама была разбита, заперлась в комнате и плакала, плакала, плакала. Я не мог ее успокоить. Убежал из дома в лес, который начинался рядом с наших двором, нашел самую здоровую ветку, которую вообще мог найти, еле смог поднять ее, такой тяжелой она была, и стал бить ей одно из первых попавшихся деревьев, пока она не сломалась, а ладони не начали кровоточить. Я воззвал к Господу. Я ненавидел его за то, что он забрал у меня дядю Малькольма, когда я еще не вырос и не мог убить его сам, своими руками.

Озноб пробежал по моей спине. Мне не надо было спрашивать, что сделал с ним дядя Малькольм, я уже догадалась.

– Он украл мое детство, украл доверие. Украл мою, черт ее подери, невинность, Сьюзи. – Он, кажется, перешел на визг, сграбастав меня в объятия и уже буквально трясся за плечи. Дышал учащенно, ноздри раздувались, как у коня, глаза остекленели.

– Джеймс, – я пробовала отодрать его руки от себя, но он слишком крепко вцепился, словно хотел пустить в меня корни. – Джеймс, все хорошо, все уже закончилось, правда.

– Это не закончится никогда.

– Нет же, уже закончилось, Джеймс, всему этому пришел конец. Прощу тебя,пусти. Джеймс, ты делаешь мне больно. Остановись. Джеймс, твой дядя давно умер!

Но Джеймс продолжал тараторить на меня, словно ненавидел в эту

минуту не дядю, а меня. Словно желал смерти мне, и как только злость достигла пика, взгляд его потеплел, смягчился. Он обнял меня очень бережно, прижал к себе и целовал, и целовал, и целовал, снова и снова.

Глава 11

Брайан сидит на софе, Милли вытянулась у его ног, положила голову ему на колено. Он согласно кивает, когда я сажусь в кресло напротив него. Я киваю тоже. Дедушкины часы в углу комнаты отсчитывают секунды.

Тик-тик-тик.

Стараюсь расслабиться, чтобы знакомый звук успокоил меня. Но не срабатывает. Чувствую себя напряженной, переполненной страхами и очень нервной.

– Сью...

Кажется, мое имя эхом отскакивает от стен.

– Сью, по-моему, тебя следует показать доктору. Ты не в порядке. Тебе нужна помощь.

Требуется несколько секунд, чтобы смысл сказанного дошел до меня, чтобы я поняла, что мой муж сказал.

– Я уже позвонил доктору Тернеру. Она сможет принять тебя завтра утром.

– Что ты сказал?

Брайан наклоняется вперед ко мне, подпирает щеку рукой, между его бровями пролегает глубокая морщина.

– Я сказал, что записал тебя к врачу.

– Я знаю, что ты сделал, я поняла. Чего я не понимаю, так это – почему.

– Потому что я о тебе волнуюсь!

Брайан кричит так громко, что мы с Милли обе как по команде подпрыгиваем на месте.

– Ты не в себе с тех пор, как с Шарлоттой произошел несчастный случай, и тебе становится все хуже, Сью.

– Конечно, я не в себе. Наша с тобой дочь в коме. Она может умереть.

– Да, да, может. Но может и не умереть. Она может полностью выздороветь. А врачи и медсестры делают все возможное, но и тебе нужно делать все возможное, Сью. Я изо всех сил стараюсь поддержать тебя, но я уже не понимаю, как с тобой разговаривать.

– Со мной всегда можно поговорить, Брайан.

– Физически рты пооткрывать, – может быть, и да. Но вот эмоционально... ты так замкнулась, Сью, я не могу вынуть тебя из скорлупы. Сколько ни стараюсь, ты смотришь на меня волком, – вот-вот,

как сейчас. Словно... словно... я не знаю даже, с чем сравнить... – он трясет головой, – словно я могу причинить тебе вред или что-то вроде этого. Иногда ты смотришь так, будто вообще не знаешь, кто я.

Сердце у меня разрывается, когда смотрю на то, как болезненно искажаются черты лица мужа. Но не могу сказать ему ничего ободряющего. Все верно: я больше не знаю, кто он такой.

– Сью? – Брайан хмурится на меня с другого конца комнаты. – Ты хотя бы слышала, о чем я сейчас тебе говорил?

Я смотрю на Брайана. Он хочет, чтобы я пошла к доктору потому, что хитрит со мной? Если там решат, что я ненормальная, то меня запрут. А он останется наедине с Шарлоттой. И тогда сможет... мысль моя замирает, уродливая и гнусная, как весь воздух вокруг меня.

– Я слышала, что ты сказал, Брайан.

– И что? – Его взгляд изучает мое лицо. – Что ты думаешь?

– С ума я не схожу. И не собираюсь посещать доктора. – Говорю медленно, спокойно и осторожно. Если он и правда думает, что я не в себе, надо ему доказать, что он ошибается.

– Я никогда не говорил, что ты сумасшедшая, Сьюзи. Я просто думал, что ты оценишь возможность выговориться перед кем-то, кто выслушает тебя профессионально. Не передо мной... – он помедлил, – перед тем, кто реально сможет тебе помочь.

– Мне не нужна ничья помощь, – получается чуть громче, чем я собиралась сказать. – Просто волнуюсь за Шарлотту.

– Я тоже волнуюсь за нее.

– Ну тогда... – я пожимаю плечами. – Тогда ты меня понимаешь.

– Почему ты не показываешь мне дневник, Сью?

– Потому что... – теперь медлю я, – я защищаю ее.

– От чего защищаешь? – он смотрит на меня, не притворяясь, потом бледнеет. – Не от меня же? Ради бога, Сью, только не говори мне, будто ты думаешь, что я имею отношение к этому несчастному случаю.

– А ты имеешь?

– Имею? – Брайан откидывается назад и производит звук, который я от него никогда раньше не слышала. Полукрик, полурев, – потом он срывается с софы. Пересекает гостиную и нависает надо мной. – Скажи мне, что это шутка, тупая шутка, Сью!

Он в ярости, от него сыплются искры, как от вулкана, и я даже закрываю голову руками, чтобы защититься, пытаюсь представить себя шариком, который ничто не может повредить.

– А-а-а-а! – звук его голоса раздается где-то в самой глубине меня,

Брайан трясет головой, глаза его полны ужаса. Он отступает на шаг назад, руки широко разведены, пальцы растопырены, ладони беззащитно раскрыты. – Я не собирался вредить тебе, я бы никогда тебя не тронул, Сью. Ты же это знаешь. – Он снова садится на софу и подается вперед, голову подпирает руками. – Боже правый!

Мы оба молчим. Дедушкины часы тикают в углу комнаты, а Милли разевает пасть, зевая.

– Скажи, что сама не веришь в это, – говорит Брайан. Но я слышу его голос как отдаленное бормотание. Голову он все еще подпирает руками. – Скажи, что ты не веришь, будто я на самом деле имею отношение к несчастному случаю Шарлотты.

Сердце словно разрывают пополам. Одна половина хочет к Брайану – кинуться к нему на шею, обнять его, сказать, как люблю, как верю ему, и убедить, что, конечно, даже мысли не допускаю, будто он что-то мог сделать с нашей дочерью. Но другая половина говорит держаться на расстоянии, чтобы быть в безопасности. Никому не верить.

– Сью? – Боль читается на его лице. – С какой стати ты так подумала обо мне? Как ты могла?

– Это ты?

– Что я?

– Ты это сделал с Шарлоттой?

– Боже ты мой! – Брайан снова вскочил с софы, широко развел руки. – Как ты спрашивать-то можешь о таком вообще?! Беру свои слова обратно. Ты действительно сумасшедшая. Ты слетела с катушек. Ты сама слышишь, что говоришь, нет? Понимаешь себя? В чем ты меня обвиняешь? Тебе нужна помощь, срочная психиатрическая помощь.

– Сумасшедшая? – Теперь я тоже встала на ноги. – Правильно, еще бы. Вот только почему Шарлотта одному из друзей послала сообщение, в котором называет тебя извращенцем?

Кажется, у Брайана отвисла челюсть, он замер в странной позе. Облизывает губы, глубоко дышит, снова облизывает губы.

– Что ты только что сказала, Сью?

– Я сказала... – меня трясет, мне нужно глубоко вздохнуть, чтобы и голос не дрожал тоже, – я сказала, что есть эсэмэска Шарлотты, она послала ее другу, и в ней она называет тебя извращенцем.

– Шарлотта называет меня извращенцем?

– Точно.

Брайан смотрит на меня безо всякого выражения на лице, потом моргает так, словно только что проснулся.

– Покажи мне эту эсэмэску.

Бросаю ему мобильник, а он ловит его одним ловким движением.

– Она адресована какому-то Кей Догу.

Брайан смотрит в телефон, нажимает несколько кнопок. Кажется, прошла вечность, и вот он снова смотрит на меня, на лице у него странное выражение.

– Ничего не нахожу.

– Что? – Я придвигаюсь к нему, тянусь за телефоном. – Конечно же, там есть эта эсэмэска! Тебе надо нажать на картинку с конвертом, и тогда... – Беру трубку, прокручиваю эсэмэски, возвращаюсь на главный экран и снова нажимаю на конвертик. – Не может быть, эсэмэска пропала...

– Неужели? – Брайан изгибает бровь. – Или, может, ее там никогда и не было?

– Была! И я... – холод пробегает по моему позвоночнику, я делаю шаг назад.

– Ты что? – Брайан выжидающе смотрит на меня.

– Ты ее удалил.

– Да господи, Сью!

– Брайан, она была там пять минут назад, я нашла ее, когда была в туалете. Могу вспомнить каждое слово. Там было... – я вдруг замолкаю. В голове всплывает сцена: я в туалете жму на отбой, пытаюсь прекратить еще не начатый разговор с Кей Догом, а в дверь ломится муж. Возможно, я сама удалила эту эсэмэску, случайно? А что, если так я удалила единственную улику, единственное свидетельство того, что мой муж несет ответственность за несчастный случай с Шарлоттой?

– Но она была там, была... – я возвращаюсь на домашний экран мобильного и снова открываю папку с сообщениями. Но вот сообщение от Кей Дога исчезло. – Мне надо взять телефон и отвезти его в мастерскую, в город. Они там знают, как восстановить текст, а если у них не получится, я найду кого-нибудь по Интернету, кто сможет помочь.

– Сью, – Брайан говорит очень спокойно. Напоминает, как говорят с умалишенными, стараясь их не напугать. – Сью, пожалуйста, сядь.

Я позволяю ему посадить меня в кресло и согласно киваю, когда он нам обоим предлагает сделать по чашке чая. На минуту Брайан замолкает и у самой двери оборачивается ко мне. Выражение его лица ошеломляет меня. Не потому, что муж смотрит с упреком, негодованием и даже злобой. Нет, ничего этого нет на его лице. Брайан смотрит на меня с жалостью. Он уверен, что я все выдумала насчет эсэмэски.

– А вот и чай, – пять минут спустя Брайан заходит обратно в гостиную

и ставит рядом со мной чашку. А еще – тарелку с тремя шоколадными пирожными, потом уже пересекает комнату и садится. Отпивает чай и вздыхает. Слишком горячий.

– Сью...

Лицо у него серое, а глаза ужасно грустные.

– Мне надо кое в чем тебе признаться, и ты должна меня выслушать. Пожалуйста, не злись. Просто позволь сказать то, что я должен сказать.

Я жестом прошу его продолжить.

– Говорю только потому, что люблю тебя и волнуюсь за тебя, но... – он слегка задохнулся от волнения, – но я и правда думаю, что тебе надо к доктору. Или хотя бы к тому терапевту, у которого ты была последний раз. Твое поведение становится нестабильным. Ты должна это осознавать.

Хочу его обнять, сказать, что я в порядке, что ему не стоит беспокоиться, но тут же вспоминаю о той эсэмэске, которую прочла в мобильнике Шарлотты. И качаю головой.

– Со мной все отлично, Брайан. А если что-то и было, то твои честные ответы мгновенно вернут все на свои места.

Плечи Брайана вздрагивают, он вздыхает.

– О чем ты хочешь спросить меня, Сью?

– Как раз о твоём поведении...

– Что ты имеешь в виду?

– Почему ты обманывал меня, когда говорил, что идешь плавать в бассейн?

– Я же сказал тебе, я...

– И почему ты вдруг стал брать Милли на прогулку и днем, и ночью?

Брайан хмурится и закрывает глаза. Когда снова открывает их, глубоко вздыхает.

– Я ездил навестить Тришу.

– Тришу, то есть твою мертвую жену Тришу?

Он смотрит на меня через всю комнату.

– Да, Сью, мою мертвую жену Тришу.

– На кладбище?

– А где, по-твоему, я еще могу ее навестить?

– Дай-ка подумать... – я встаю с места. – Ты мне врал, что едешь плавать, чтобы прикрыть тот факт, что едешь на могилу к мертвой жене?

Брайан кивает.

– А в тех случаях, когда ты брал Милли на важные прогулки... тогда ты тоже туда ходил?

Снова кивает.

– И это ты мне говоришь, что я должна пойти к доктору? – сначала смеюсь, потом резко замолкаю. – И как долго уже все это продолжается, Брайан?

– Продолжается что? – Брайан резко выпрямляется на своем стуле, кладет руки на колени. – Из твоих уст звучит так, словно я завел роман на стороне. – Поднимает руку, заранее останавливая меня, перед тем, как я что-то скажу. – Неделю, две, может, три.

– Но почему?

Он тянется, чтобы почесать Милли за ухом, потрепать по загривку.

– Когда я хожу к могиле Триши, у меня проясняются мысли в голове.

Я смотрю на него во все глаза, пытаюсь понять, что он говорит.

– А со мной, твоей живой женой, ты не мог поговорить?

– Не мог. Потому что говорить пришлось бы о тебе самой.

Я от удивления даже открываю рот, но все, что могу произнести, это нечленораздельное «фуф».

– Иногда с тобой очень трудно, Сьюзан, и я очень устаю.

– Устаешь от того, что ты со мной?

– Ну да. У тебя настроение меняется так часто... – Он трет рукой лоб и массирует виски. – Я боюсь, что у тебя будет очередной припадок, Сью. Все признаки налицо – паранойя, одержимость, галлюцинации, мания по поводу несчастного случая, произошедшего с Шарлоттой. Я и правда очень хочу, чтобы ты посетила доктора. И чем скорее, тем лучше.

Я кручу в руках мобильник Шарлотты, провожу пальцем по сияющим кристаллам его корпуса. А ведь мой муж почти убедил меня: эти его брови, мягкий тон, нежный взгляд. Почти убедил, что действительно заботится обо мне.

– Ты домогался Шарлотты? Приставал к ней?

Брайан резко вздыхает.

– Ты ведь не сказала, что только что сказала, нет?

Я пожимаю плечами.

– Ты ведь только что не обвинила меня в сексуальных домогательствах по отношению к нашей дочери?

Ни единый мускул не дрогнул на моем лице.

– Не может быть, – Брайан качает головой, – Нет! Нет, нет, нет, нет, нет, нет. Ты все, все окончательно испортила. Я не стану сидеть в гостиной в моем собственном доме и слушать, как моя жена обвиняет меня в инцестуальных намерениях. Не будет этого. И мне наплевать, насколько ты там на самом деле больна, ты просто не имеешь права говорить такие вещи – вот так вот, как здравствуйте. Просто не смеешь...

Брайан вскакивает на ноги, но не делает ни шагу в мою сторону.

– Хочу, чтобы ты пошла к врачу.

Я молчу. Ощущение, словно я попала в ночной кошмар, в котором хочется закричать, убежать, но голос исчез, а ноги приросли к полу.

– Я очень серьезно, Сью. Соглашайся на визит к доктору или я подам на развод, нашему браку конец.

Мне следовало хоть как-то отреагировать на это. Следовало бы сказать Брайану, что я ему верю, что должно же существовать какое-то логическое объяснение тому, написанному в дневнике Шарлотты, и тому, что она с собой сделала, но мы можем пережить все это вместе... и в то же время я чувствовала себя эмоциональным зомби, снаружи все еще – женщина, а внутри уже нет.

– Просто кивни, Сью. Кивни, что ты согласна посетить доктора и... и... – он запинается, когда я начинаю отрицательно качать головой. – Тогда я просто возьму и уйду, так? Я не смогу справиться, Сью. Никто не сможет.

Говорит Брайан тише, чем обычно, делает паузы между предложениями и как бы придает вес некоторым словам. Ждет, что я что-то скажу. Дает возможность прервать его.

Закрываю глаза.

– Ладно, – его голос стал еще мягче, – ладно, я уйду.

Заскрипела половая доска под ковром, муж идет через комнату, и латунные заклепки на ошейнике Милли звякают друг о друга, когда она встает, чтобы проследовать за Брайаном. Через секунду я слышу, как за ними обоими закрывается дверь гостиной.

Дедушкины часы тикают в углу комнаты.

* * *

Суббота, 18 ноября 1990

Сегодня я отправилась в Саутбенк с Рупертом на выставку неизвестных фотографий времен Второй мировой войны. Мы месяц назад приобрели билеты. Руперт был единственным известным мне человеком, столь же заинтересованным во Второй мировой, как и я. И, конечно, я ожидала, что он придет в восхищение от выставки. Но, обманывая мои ожидания, Руперт имел отсутствующий вид, смотрел на меня странно, когда я вместо того, чтобы обнять его, всего лишь дружески поцеловала в

щеку. Он едва ли сказал пару слов, пока мы перемещались от одной фотографии к другой, в то время как я рассуждала о содержании и форме почти каждого снимка. Когда мы пошли пить кофе, я прямо спросила: что не так?

– Вы с Хеллс поссорились, да? – спросила я.

– Да вроде нет, а почему ты спрашиваешь?

– А что тогда? Ты весь день какой-то странный.

– Странный? – Руперт приподнял темную бровь.

– Как мне понимать тебя, Руперт?

Он взял чашку с кофе, сделал глоток и посмотрел на меня поверх этой чашки, не убирая ее от лица.

– Когда ты последний раз звонила Хеллс?

Я пожала плечами. Мы с Хеллс, конечно, подруги, но не звоним друг другу каждый божий день, чтобы засвидетельствовать друг перед другом свою привязанность. И никогда так не было. Не того рода у нас отношения все же. Мы просто умеем подхватить беседу на том же месте, на каком она прервалась, например, месяцы назад.

– Ты, Сью, не звонила ей месяц.

– И что?

– Твой парень капитально испортил ей обед, а ты даже ни разу не позвонила подруге, чтобы спросить, как она?

– Джеймс не портил ее обед! Он всего лишь отпустил парочку не самых приятных замечаний, возможно, так оно и было, но все же смеялись. И эти замечания не были лишены смысла.

– Да ты что? – Руперт приподнимает бровь от удивления. – Вот, оказывается, почему Хеллс разрыдалась после того, как вы оба нас покинули. На полпути к десерту, так сказать.

– Джеймсу стало нехорошо. Ему нужно было домой.

– Ничего удивительного, если вспомнить, какой он был бешеный.

– Ну да, мы рано ушли, и что? Что, есть такой закон, согласно которому гости должны оставаться в гостях до тех пор, пока не выпьют кофе, не съедят все бисквиты, или что там еще бывает вместо кофе и бисквитов? Не могу поверить, что ты устраиваешь выволочку из-за всего этого!

Руперт покачал головой.

– Я не делаю тебе выволочку, Сью. Я обеспокоен. Мы с Хеллс оба обеспокоены.

– Что до меня, то со мной все в порядке. И вообще, я раньше никогда не была так счастлива.

– Серьезно? Ты и правда счастлива с человеком, который вот так вот относится к твоим друзьям? – Руперт отвел взгляд, словно подбирал точное сравнение. – Который называет Хелс Толстой Задницей, а меня – Скучномордым?

Щеки мои пылали.

– Ублюдочной Звездой и ее Ублюдочным Звездуном? Рыжим Бобром и Жирным Медведем?

– Я... – я закрыла лицо руками, – я не знаю, что...

– Сью, мы слышали весь ваш разговор. Квартира у нас небольшая, а стены – тонкие, как бумага. Хелене было очень больно.

– Мне жаль.

Мне и правда было очень, очень жаль. Я извинялась снова и снова, повторяя, что Джеймс, скорее всего, вошел в роль, он же актер, а еще к тому же перенес тяжелую утрату и до сих пор не знает, как с ней справиться.

– Я уверена, что он не вел бы себя так грубо, если бы у него был шанс узнать вас получше.

Руперт сел на стул и провел рукой по лицу.

– А ты-то сама как с этим справляешься?

– Как я справляюсь? А что я?

– Джеймс и в твой адрес отпустил несколько весьма сомнительных комплиментов. Несколько раз назвал тебя своей хорошей девочкой на денек, а когда ты пошла в туалет, он отвесил замечание о размере твоей задницы.

Откровения Руперта привели меня в легкое замешательство, но я рассмеялась, сказав, что Джеймс просто так шутил, и все.

– Ну да, а зачем тогда ему спрашивать нас, пока ты была в туалете, были мы такими же распутными, как ты, когда нам было по двадцать лет?

– Зачем спросил? Ну, может, ему было скучно, и он хотел хоть как-то вас расшевелить.

Манера Руперта мягко-мягко говорить и заботливо вести себя по отношению ко мне начинала бесить. Он что, ничего не понимает?

– Руперт, возможно, у него зуб на тебя, потому что мы когда-то давно с тобой переспали.

– Но кофе он с нами может спокойно выпить, нет?

Я отвела взгляд.

– На этих выходных его нет в Лондоне. Он повез мать в Кардифф, чтобы она повидалась с семьей. А ты, Руперт, ты бы встретился со мной,

если бы Джеймс не улетел на эти выходные?

– Конечно.

Это была ложь, и мы оба знали это. Я знала, как отреагировал бы Джеймс, если бы увидел меня сидящей меньше, чем за метр от человека, с которым у меня когда-то был секс (пять раз за двенадцать часов), с которым (но об этом не знал не то что Джеймс, даже Руперт не знал!) я испытала первый в жизни пронзительный оргазм. Я снова посмотрела на Руперта. Так почему же я сейчас чувствую, что предаю Джеймса?

– Сью, – Руперт потянулся за моей рукой, но я ее убрала. – Прощу тебя, позвони Хеллс. Она о тебе беспокоится.

– Пусть не беспокоится, не стоит, – я встала и надела пальто. Как они смеют так ханжески себя вести? Изображать из себя каких-то святош безгрешных, только потому, что мой парень чуть перебрал и не был слишком вежлив в их компании? Вероятно, у них там идеальные отношения, но это не дает моим друзьям права совать нос в мои дела. Они прекрасно знают, как одинока я была с тех пор, как Натан оставил меня. Разве так сложно было поддержать меня, вместо того чтобы критиковать? Это было несправедливо. – Я в полном порядке. И даже больше. Я счастливее себя, счастливее той женщины, которой была много лет тому назад.

– Ты знаешь, как нас найти, – Руперт бросил мне вслед, как только я вышла из Центра Саутбенка. – Если, конечно, мы тебе понадобятся.

Глава 12

– Шарлотта, – держу прекрасную руку моей дочери в своей ладони. Бледно-розовый лак на ее ногтях, нанесенный мной пару недель тому назад, все еще держится, а сами ногти отросли и теперь похожи на лепестки какого-то экзотического растения. Я вспоминаю, что в следующий раз нужно принести маникюрный набор. – Шарлотта, я твоя мама, я пришла к тебе.

За окном стоит великолепный день. Светит солнце, небо – голубое, без облаков, а воздух чистый и звенящий, весь наполненный запахом цветущей жимолости. Но когда я проснулась сегодня утром, я даже не заметила солнца, светящего сквозь занавески. Первым делом я заметила холодную клеенку больничной кровати.

– Шарлотта, милая моя, – я провожу пальцем по тыльной стороне ее ладони. У нее невероятно мягкая кожа. – Мне надо поговорить с тобой о твоём папе.

Монитор, фиксирующий сердцебиение, в углу комнаты отсчитывает совершенно ровный ритм.

– Шарлотта, та тайна, о которой ты написала в дневнике, – я склоняюсь вправо, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает из коридора, но коридор пуст, на всякий случай я все же говорю полупшепотом. – Там речь шла про твоего папу. Не так ли? Он причинил тебе какой-то вред, а меня не было рядом, чтобы защитить. Не смогла остановить его, предотвратить это, я просто не могла подумать, что...

Протягиваю руку к стакану с водой, чтобы сделать глоток, у меня внезапно пересохло во рту.

– Что же случилось?

Я поворачиваюсь, высокая, худенькая девушка смешанных кровей стоит в дверном проеме, в руке у нее букет нарциссов, завернутый в целлофан.

– Простите, миссис Джексон. – Кейша полуулыбается. – Не хотела вас прерывать. Я думала, так, заскочу, чтобы можно было... – выражение ее лица сменяется на грустное, как только она смотрит на Шарлотту. Трясет головой. – Да, не важно.

Она проходит в комнату и садится напротив меня. Не могу скрыть, что ее смелость меня удивляет. Вошла без приглашения. Неужели это та же самая девушка, которая висела на рукаве Дэнни, словно не могла без его

помощи стоять на ногах? Она открывает рот, чтобы заговорить, потом, видимо, решает еще раз обдумать то, что собирается сказать, и встает. Снимает целлофан с букета и запихивает нарциссы – как есть – в вазу, в которой уже стоят тюльпаны, я купила их на прошлой неделе. Потом снова садится и ерзает на стуле, словно ей неудобно сидеть.

– Не то чтобы я тут подслушивать пришла, – Кейша смотрит на меня темными глазами, – но что вы говорили про ее отца?

Я отворачиваюсь.

– Ничего такого не говорила.

– Нет, правда! – в ее голосе слышатся насмешливые нотки. – Потому что я поклясться могу, вы говорили что-то об отце и интимае.

– Что, прости?

– Интимае, – Кейша улыбается, когда произносит это слово. – О всякой порнографии, которую Шарлотта увидела в компьютере отца, да?

Кейша пожимает плечами.

– Ну, Шарлотта мне сказала, что у нее сдох компьютер, когда она переписывалась с другом, и она пошла воспользоваться компьютером отца. Ну и там было порно разное...

– На компьютере Брайана?

– Ага. – Кейша старается скрыть улыбку в ладони.

– Кейша.

– Что?

Я изо всех сил стараюсь подавить тошноту, подкатывающую к горлу.

– Кейша, Шарлотта что-нибудь говорила про Кей Дога?

Кейша заправляет за ухо завиток волос.

– Да все о нем говорят.

– Шарлотта писала тебе с мобильного. – Я говорю медленно и стараюсь не потерять взгляд Кейши, сохранить с ней контакт, с этой молодой женщиной, которая сидит напротив меня. Не может быть, не может быть! Не может быть, чтобы эта беседа происходила на самом деле. – Это она тебе послала эсэмэску о том, что ее отец извращенец?

Кейша кивает.

– Ну да.

– Потому что нашла у отца порно на компьютере, да?

– Да, она совсем повернулась на этой теме, – Кейша смеется, а у меня холодеет в жилах кровь. – Сказала мне, что хочет сбежать из дома, и вообще. Но на компе было совсем обыкновенное порно, не то чтобы там...

– И она никогда с тобой не обсуждала, что ее отец, ну, скажем так, приставал бы к ней или вел себя как-то неподобающим образом,

сексуально ее домогался?

– Да боже, нет! – Кейша смотрит на меня испуганно. – Конечно, нет. Шарлотта обожает отца. Всегда твердила про то, как он собирается спасти мир от глобального потепления или чего-то такого. Она бы мне точно сказала, если бы он ее хоть пальцем тронул.

Я смотрю на нее, слишком пораженная, чтобы сказать хоть слово. С одной стороны, я успокоилась, с другой – напугана. Успокоилась потому, что есть очень логическое и простое объяснение эсэмэске Шарлотты, а напугана из-за тех обвинений, которые я адресовала мужу. Страдающий облик Брайана возник перед моими глазами, и я откинулась в кресле, в котором сидела. О чем я только думала? Что я наделала?

– Миссис Джексон? Миссис Джексон? С вами все в порядке? Может, вызвать вам медсестру?

Кейша говорит со мной, а я не могу ответить ни слова.

– Дать вам воды?

Слышу, как скрипнул ее стул, как она открывает кран и пускает воду, как вода льется в стакан.

– Простите меня, – говорит она, как только дает мне в руки стакан. – Я не должна была рассказывать вам про порно. Вы в шоке, мне не следовало вообще ничего рассказывать.

– Да нет, – я делаю глоток, – я рада, что ты мне рассказала. Правда. Кое-что прояснилось, но... – я смотрю в ее темные глаза, – но это же не ты подбросила нам мобильник Шарлотты в ящик для почты?

– Мобильник Шарлотты? – Кейша трясет головой. – Да нет, это не я. Я даже не знаю, где вы живете. Вы уверены, что вы в порядке, миссис Джексон? Мне совсем несложно будет пойти и привести медсестру, если у вас недомогание или что-то в этом роде.

– Нет, спасибо, – отдаю ей стакан с водой и выдавливаю из себя улыбку, – я в порядке, честное слово, я просто поняла, что ошиблась. Ужасно, ужасно ошиблась.

* * *

Плачу всю дорогу домой. Плачу, когда выхожу на улицу из больницы и когда звоню Брайану по мобильному. Плачу, когда мобильник Брайана предлагает мне оставить голосовое сообщение, плачу, когда звоню Марку, а тот говорит, что муж на совещании. Когда сажусь за руль, слезы льются уже неостановимым потоком, льются и льются, пока еду по Эдвард-стрит,

проезжаю Павильон и дальше по Норд-роуд, Вестерн-роуд и наконец добираюсь до дома. Все еще всхлипываю, когда отпираю входную дверь. Потом замечаю маленькую фарфоровую фигурку лепрекона на пороге и перестаю плакать.

Я кричу.

* * *

Суббота, 17 декабря 1990

Последний месяц (или около того) с Джеймсом был просто отвратительным. Мы то ссорились, то мирились, наши отношения напоминали езду на американских горках, и я серьезно подумывала о том, чтобы уйти от Джеймса, причем думала об этом часто. Я начала чувствовать, что он просто не выносит состояния счастья, и, когда между нами все хорошо, он непременно все портит, делая или говоря что-то по-настоящему ранящее.

Например, после того как мы посмотрели Шекспира в Парке (я почти визжала от радости, когда он принес билеты, всегда хотела сходить туда) и шли, прогуливаясь, через Реджент-парк рука в руке, смеялись, вспоминая сцену с Бенволио, а потом Джеймс заметил, как я мимолетно посмотрела на мужчину, который шел за нами. Я-то просто посмотрела, без всякой задней мысли, но тот мне улыбнулся, а потом скрылся из виду.

– Ты с ним трахалась, да?

Прямо вот так и спросил. Откуда он это взял... я сказала Джеймсу, что он выглядит смешно, а Джеймс аргументировал свой ужасный вопрос тем, что я, дескать, флиртвала, смотрела эдаким щеночком на актера, который играл Меркуцио, в финале. Я обозвала Джеймса дураком, он очень разозлился, ответил, что это все очень в моем стиле – перевести все стрелки на него, конечно, у меня ведь университетское образование, а у него-то нет, и вообще, что если я так высоко себя ценю, то, может, оно лучше просто взять и расстаться, чтобы я могла гулять с кем-то более, так сказать, образованным. Я, разумеется, начала его переубеждать, что он – один из самых образованных людей, кого я знаю, образование, кстати, ничего общего не имеет с настоящей интеллигентностью, и вообще хватит превращать милую беседу в черт знает что, а ему хорошо бы взять и извиниться передо мной за то, что обвинил меня во флирте. Он на

это ответил, что извиняться не собирается, уже устал передо мной извиняться и что у него ощущение, что куда бы он ни попал, постоянно что-то меня ранит, и он должен постоянно думать о каждом сказанном слове, и лучше нам расстаться. Ну и я расплакалась, не могла поверить, что от смеха и приятного ощущения его руки в моей руке мы вот так вот быстро дошли до мысли расстаться буквально из-за ничего.

Я села на первую попавшуюся скамейку и плакала, плакала, плакала, пока Джеймс просто не сел рядом. Какое-то время он молчал, потом, когда я уже думала, что мое сердце вот-вот разорвется, он меня обнял и сказал, что устал от наших сражений и что любит меня больше собственной жизни и видеть не может, как я плачу. Мы в итоге не расстались, он сказал, что просто не сможет меня отпустить. Никогда.

Этот сценарий мы проходили уже несколько раз за последний месяц – пара светлых дней, потом ни с того ни с сего он срывается, я плачу, Джеймс успокаивает меня, наступает период спокойного житья, а потом... все повторяется сначала. Меня все это совершенно измотало, и я уже начала подумывать о том, что мысль расстаться – не такая уж плохая, в конце концов, – но Джеймс преподнес мне сюрприз.

Он позвонил в четверг, сказал, чтобы я отменила все планы и собрала чемодан, взяла паспорт и ждала его в аэропорте Гейтвик. Я была очень удивлена. Такие дела приключаются только в фильмах с Мэг Райан, а не в настоящей жизни. Я старалась убедить его, что лететь куда-то на выходные – дорого, что мы не можем себе этого позволить, но он ответил, что сам знает, может он что-то позволить или нет, а мне стоит просто заткнуться и паковать вещи, как хорошая девочка, или я сама испорчу сюрприз.

Меня не нужно было просить дважды, и когда я прибыла в аэропорт, Джеймс раскачивался на каблуках ботинок вперед-назад, так он был взволнован.

– Давай, давай, – он забрал у меня чемодан, взял меня за руку, и мы понеслись к регистрационной стойке «Бритиш Эйрвейз». Я вздохнула, когда увидела место назначения.

– Прага? – я смотрела на Джеймса с восхищением. – Мы летим в Прагу?

– Ага, – Джеймс легко меня приобнял, – я подумал, что мы можем отпраздновать Рождество в одном из самых романтических городов мира.

Я бросилась ему на шею и тоже его обняла. Прага! Как он догадался? Я всегда хотела туда слетать, но не обмолвилась ни словом. Как будто он

уже знал меня лучше, чем я сама.

Стыдно признаться, но, прилетев в Прагу, всю первую ночь мы носы не казали в город: все время провели в постели, поедая заказанные в номера яства, занимаясь любовью и смотря ужасно дублированные фильмы по местному ТВ. Но на следующий день, надев лучшую обувь для прогулки, захватив камеры и карту (я даже поинтересовалась, не был ли Джеймс военным, столь тщательно он спланировал нашу поездку), мы отправились гулять по королевскому маршруту. Начали с Градчан, потом пересекли мост Чарльза (статуи на нем потрясающие). После прогулки мы утомились и вернулись в отель отдохнуть (заняться сексом) и принять душ. Когда я спросила, что Джеймс запланировал на вечер, он ответил, что это будет сюрприз. Но к вечеру я должна накраситься, нарядно одеться и сделать прическу.

Меня приятно удивило, что Джеймс позвонил на ресепшен и попросил прислать за нами такси (у меня были слишком высокие каблуки, чтобы вести самой или идти пешком), но сюрприз я так и не разгадала. Куда мы собирались, я не знала. Вероятно, в какой-нибудь джаз-клуб, потому что Джеймс – большой фанат джаза, но в ответ на такое мое предположение он покачал головой и сказал мне, чтобы я перестала гадать. Когда мы проехали мимо джаз-клуба, я заметила баржу на реке, и мое сердце дрогнуло. Я ни разу не была в речном круизе, и вот мы, похоже, сейчас отправимся на прогулку по ночной Праге, над водой будут играть прелестные цветные огоньки, а небо будет переливаться королевской синевой.

Несмотря на то что судно было обставлено великолепно, вечер не задался с самого начала. Джеймса разочаровали холодные и горячие закуски (туроператор, у которого Джеймс заказал эту поездку, уверял, что это было трехзвездочное обслуживание). На палубе было всего два шумных столика. Когда бармен принес шампанское, оно оказалось теплым (какая-то проблема с холодильником). Джеймс врезал кулаком по барной стойке, но я постаралась уладить ситуацию, предложив выпить пива, потому что Прага славится им. Когда мы проплывали под мостом Чарльза и миновали Национальный театр, Джеймс начал расслабляться. После получаса катания он взял меня за руку и предложил пойти посидеть на верхней палубе. Я беспокоилась, что на нее пойдет кто-нибудь из дебоширов, но, к нашему счастью, вся она целиком принадлежала лишь нам двоим.

– Вот так будет лучше, – Джеймс снял с себя и надел на меня свой пиджак. – Вся это красота лишь для нас двоих.

Я уткнулась ему в плечо. Вид и правда открывался потрясающий. Словно мы попали в великолепный сон, даже Лондон проигрывал Праге, честное слово. Я достала камеру и стала снимать королевский дворец, он весь светился, когда мы проплывали мимо, и я почувствовала, что Джеймс куда-то отошел. Предположила, что он решил тоже поснимать своей камерой, и забыла. Но пару минут спустя, довольная снимками, я хотела подойти к нему, а оказалось, что его нет. Его не было рядом со мной. Он стоял на коленях на палубе, на лице у него было крайне нервное выражение, а в руке он держал маленькую бархатную коробочку.

Я едва могла дышать.

– Сьюзан Энн Маслин, ты самая красивая и самая добросердечная, заботливая и милая женщина из всех, кого я в своей жизни встречал. Ты мой дорогой ангел, и я тебя не заслуживаю, но... – тут он открыл коробочку. Прекрасное кольцо с алмазом и сапфиром подмигнуло мне. – Ты выйдешь за меня и сделаешь самым счастливым мужчиной на свете?

Я руками закрыла рот и расплакалась.

Джеймс, кажется, был шокирован такой реакцией.

– Это же не отказ?

– Не отказ, нет! Да! Да! Да! Конечно же я выйду за тебя!

Не помню, что было дальше. То ли мы обнялись, то ли поцеловались, или Джеймс надел мне кольцо на палец, но четко помню, что он сказал, что это кольцо его бабушки и что он думал: никогда не найти женщину, которую смог бы полюбить так сильно, чтобы это кольцо ей отдать. А теперь он не может ждать ни минуты, чтобы провести со мной всю оставшуюся жизнь.

Оставшийся уик-энд прошел как в тумане. Один волшебный момент сменял другой волшебный момент, рука об руку мы гуляли по Праге, смеялись, разглядывая астрономические часы, подталкивая друг дружку по ступеням ратуши Старого города, – но больше всего я запомнила, как лежу в кровати в объятиях Джеймса в три часа утра, он гладит меня по щеке, низким голосом рассказывает, какие нас ожидают чудеса в будущем, в нашей совместной жизни, а потом мы оба засыпаем, и я чувствую себя самой счастливой женщиной на земле.

Глава 13

Я отбрасываю маленького зеленого лепрекона от двери. Он разлетается на тысячу осколков, разбиваясь о стену гаража.

– Ну же, девочка моя, быстрее! – держу рукой Милли за поводок, бегу к машине и открываю дверь водителя. – Ну же, быстрее залазь внутрь!

Милли топчется в машине и наконец устраивается на пассажирском сиденье, я залезаю следом за ней, запираю все двери и завожу машину. Радио взрывается песней «Обезьянка отправилась на небеса», музыка несется из динамиков, я оглядываюсь на дом, убежденная, что кто-то наблюдает за мной из окна.

– Давай же, – я борюсь с рычагом переключения передач, пытаюсь поставить на первую передачу. – Давай...

Милли восторженно подвывает у меня за спиной.

– Да! – Машина заводится, и я смотрю в зеркало заднего вида. Тень движется в окне кухни. Милли пытается вскарабкаться мне на колени и облять тревожное окно, в котором она тоже чувствует кого-то. Я дергаю за поводок и отправляю ее обратно на пассажирское сиденье.

– Успокойся ты, это всего лишь кошка, это Джесс, соседская Джесс...

Трогаюсь, выезжаю на Вестерн-роуд под какофонию автомобильных гудков и двигаюсь по направлению к Кингс-роуд, несусь по набережной, проезжаю мимо мэрии и дальше – по направлению к Роттингдин. Я еду не разбирая дороги, и мне, признаться, все равно.

Еду до тех пор, пока не оказываюсь на парковке отеля «Даунс» в Вудингдин, выключаю мотор, меня трясет, так я перенервничала. Милли тоже начинает нервничать, когда я стучу зубами, но я ничего не могу с собой поделать, просто таращусь стеклянными глазами на море и жду, когда дрожь и волнение пройдут сами собой.

После пяти минут пытки, возможно – десяти минут, жуткие конвульсии стихают до тихой дрожи, потом совсем исчезают. Я откидываюсь в кресле.

Джеймс знает, где я живу.

Открытка, тапочки, их еще можно было объяснить как простые ошибки, кто-то доставил не по назначению, и все, забыл написать имя на почтовой упаковке, при отправке опечатался в одной букве, и эта оплошность привела к тому, что посылку доставили не по адресу. Но как объяснить появление лепрекона? Это уже была не ошибка. Он хочет, чтобы

я знала: он меня нашел. И если он за мной следил, то знает, что Брайана нет дома, что я совсем одна.

Снова начинают дрожать руки, пока я лезу в сумку за мобильником. Палец плохо слушается, я вожу им по экрану, наконец, нахожу нужную иконку и печатаю

9...9...

Перестая трогать экран. Если позвоню в полицию, они решат, что у меня очередной приступ, и позвонят доктору. Так было в последний раз. Мне не стоило им тогда звонить. Я ведь действительно была больна. Почему бы еще я тогда решила, что Джеймс живет в тени сада и посылает мне зашифрованные послания в виде мокрого белья на веревках и мертвых птиц?

Два раза нажав девятку, я стерла набранный номер.

Вместо полиции решила позвонить Брайану. Дозвонилась.

– Привет, – говорит отрывисто, словно спешит.

– Брайан, это я. Послушай...

– Нет, это ты послушай, Сью. Я вчера говорил серьезно. Ты или пойдешь к врачу, или нашему браку конец.

– Но Брайан, случилось нечто ужас...

– Ты пойдешь к доктору, Сью?

– Нет, ты послушай...

– Тогда нам не о чем говорить.

Брайан положил трубку.

Я снова набрала номер мужа. На этот раз сразу включилась голосовая почта.

– Брайан, это снова Сью. – Делаю паузу, чтобы справиться с дыханием. – Знаю, что ты злишься, но это важно. Действительно важно. Прошу тебя, приезжай домой как можно быстрее. Когда я вернулась из больницы этим утром, я... нет, погоди... мне сначала нужно тебе кое о чем сказать. Прости меня, пожалуйста. Мне так жаль, так жаль тех слов, которые я тебе сказала вчера вечером. Кейша объяснила, почему Шарлотта послала ей эсэмэску, в которой написала, что ты извращенец. И... слушай, как-то неправильно начинать извиняться с этого...

– Чтобы сохранить это сообщение, нажмите 1. Чтобы оставить новое сообщение, нажмите 2. Завершить звонок, нажмите 3.

2... 2... 2... Я набираю номер. Что случилось? Почему не могу сохранить сообщение?

– Привет, Брайан, это снова Сью. Пыталась оставить тебе сообщение, но оно сорвалось, и я не уверена, что ты его получил, поэтому на сей раз

буду краткой. Мне стыдно за вчерашнее, прости меня. То, что я сказала тебе, было ужасным. Даже хуже, чем ужасным. Меня нельзя простить, и я не виню тебя за то, что ты ушел. Я плохо соображала, потому что Джеймс...

– Чтобы сохранить это сообщение, нажмите 1. Чтобы оставить новое сообщение, нажмите 2. Завершить звонок, нажмите 3.

Я нажала тройку. Робот замолчал в ту же секунду. Как-то нехорошо. Придется ждать, пока Брайан вернется домой. Пялюсь на телефон. Кому еще могу позвонить? Понятно, что не маме. Не могу просить Оливера вернуться со мной домой, потому что он уже в Лейстере, и, кроме всего прочего, я бы никогда не рискнула безопасностью Оливера. Не могу никем рисковать.

Ложусь головой на руль и закрываю глаза. Не знаю, как долго я так лежу, но когда Милли начинает тыкаться носом мне в руку и подвывать, я открываю глаза и выпрямляюсь.

– Все хорошо, девочка моя. – Треплю ее по лохматой голове. – Знаю, чем мы займемся...

* * *

Среда, 20 декабря 1990

Чуяло мое сердце, что так хорошо, как нам было в Праге, не может продолжаться долго. Мы с Джеймсом оказались как бы в блаженном пузыре, защищенные ото всех и вся. И я знала, что Джеймс обязательно должен будет все испортить.

Мы поехали в Клэпхам, чтобы обсудить новую пьесу из репертуара труппы, и после обсуждения произошел страстный спор в пивной. Джеймс отстаивал сторону тех, кто хотел ставить «В ожидании Годо», в то время как Стив ратовал за «Вид с моста» Артура Миллера (я была на стороне Стива, но, разумеется, промолчала, чтобы не усугублять ситуацию). Все закончилось тем, что Джеймс обозвал Стива «упрямым маленьким елдаком» и выбежал прочь из зала. Я пошла за ним, но о том, чтобы он вернулся обратно, и речи не было, поэтому мы поехали ко мне.

Он был в ужасном настроении всю дорогу домой. Он обособленно лежал на софе, пока мы смотрели «Мыс страха» по видео, он даже не предпринимал попыток притянуть меня к себе или обнять, а когда легли в

постель – уже за полночь – он коротко сказал «спокойной ночи» и повернулся ко мне боком. А я осталась лежать с широко раскрытыми глазами в темноте, гадая, что же я сделала не так, – и тут Джеймс неожиданно подскочил на кровати и сел очень прямо, посмотрев на меня.

– Со сколькими мужиками ты тут спала, а?

– Пардон?

– Спрашиваю, сколько мужиков перебивало в этой самой кровати?

Я вздохнула и отвернулась от него.

– Джеймс, я не буду с тобой об этом. Мы оба устали. Давай просто уснем.

– Нет.

Он схватил меня за плечо и повернул к себе.

– Я не собираюсь лечь и уснуть, как пай-мальчик, только потому, что ты так сказала, Сьюзи-Сью.

Он буквально выкрикнул мое имя мне в лицо.

– Ну и ладно, – я тоже села на кровати и обхватила колени руками. – Хорошо, мы не будем спать.

– Сколько их было?!

Джеймс явно нарывался, и я ни в коем случае не должна была влезать в эту ссору.

– Ни одного.

– Врешь!

– Хорошо, один. – Я притянула к себе подушку. – Ты.

– Дерьмо собачье! – Он вцепился в подушку и вырвал ее из моих рук. – Да этот матрас хлюпает от чужой спермы!

Я в шоке посмотрела на него.

– Ты что такое говоришь, Джеймс? Это жестоко.

– Я не жесток, – он выпрыгнул из постели и презрительно посмотрел на меня сверху вниз, – но я больше ни разу не лягу в эту постель.

– Джеймс! – Я снова притянула к себе подушку и оперлась на нее. – Прекрати, это же смешно и глупо, вернись под одеяло, ради бога...

– Сама спи тут, а я посплю на полу.

– Джеймс!

Я с волнением смотрела, как он прошествовал к платяному шкафу, раскрыл его и вынул оттуда старое походное одеяло. Обернулся им, взял подушку со стула у двери и лег прямо здесь же на пол, повернувшись ко мне спиной в знак полного неуважения.

– Джеймс, прошу тебя, – я придвинулась буквально на дюйм к нему, протянула руку. – Это смешно. Ты в этой самой кровати спал миллион раз,

и все было нормально.

Он повернулся, чтобы посмотреть мне в лицо.

– Но тогда мы не были помолвлены, Сью.

– Так вот из-за чего весь сыр-бор? Из-за того, что мы теперь помолвлены, да? – Я реально испугалась. – Я не очень тебя понимаю.

– Наша с тобой помолвка все меняет. – Джеймс сел, прислонившись спиной к стене. – Ты будешь моей женой, и я просто не могу справиться с мыслью, что у тебя было так много мужчин.

– Но у меня их было немного. У меня вообще...

– Пятнадцать, – сказал Джеймс и весь как-то съежился. И зачем я так разоткровенничалась с ним на нашем втором свидании? ЗАЧЕМ?!

– У меня было трое. Четверо – с тобой – сказал Джеймс, между делом загибая пальцы, а я старалась не смотреть, чтобы не ужасаться еще больше. На нашем втором свидании он сказал, что переспал с двадцатью женщинами, и преподнес себя каким-то сексуальным суперменом. – Я тебе рассказывал о том, как у меня было в первый раз?

Я покачала головой. Мы многое обсудили той ночью, включая эпизод, когда я рассталась с девственностью, но вот Джеймс тогда не сказал о своем первом разе ничего.

– Мне было двадцать четыре, – начал он, – двадцать четыре. Кто сегодня ждет так долго? Но я ждал. Я не религиозен, ты знаешь, но я верил в то, что девственность – это что-то ценное, что я должен ее сохранить хотя бы в душе. Я хотел отдать ее той женщине, с которой соберусь провести остаток жизни. И мне казалось, что где-то меня обязательно ждет такая вот женщина, готовая мою девственность принять как дар, и это только вопрос времени, когда мы найдем друг друга.

– Что ж, мило.

– Мило? – Джеймс послал мне леденящий душу взгляд. – Или на самом деле ты хотела сказать, глупо и пафосно? Наивные соображения слишком романтического ума?

– Нет, даже близко не имела в виду такого.

– Но вот ты потерять свою девственность не боялась, так ведь? Ты свою ягодку отдала первому попавшемуся пачкуну, как последняя шлюха, да?

Я почувствовала, что меня больно задела, но промолчала. В итоге Джеймс перестал яриться и заговорил более спокойно и взвешенно.

– Итак, я ждал, – продолжил он. – Ждал женщину, которая берегла бы себя для меня точно так же, как я берег себя для нее. Шло время, и

каждый раз, когда я думал, что нашел ее, она оказывалась грязной потаскушкой, точно такой же, как остальные. И знаешь, что я сделал? – Он дотянулся до меня и схватил больно за запястье, склоняя к себе так, что наши лица оказались на расстоянии миллиметра друг от друга. – Знаешь, что я сделал, когда в конце концов принял тот факт, что нет на свете никакого предназначения друг другу и родства душ? Когда мир, казалось, хохотал надо мной? Я пошел и переспал с проституткой! – Джеймс расхохотался, забрызгав меня слюной. – Да, с настоящей дрянью. И чего стоит эта девственность, если ее можно легко вот так вот отдать проститутке?

Я ничего не говорила в ответ. Джеймс пугал меня, то, как он на меня смотрел, то, как его пальцы железной хваткой сжимали мое запястье, то, как его горячее дыхание с оттенком пива будоражило мои ноздри... никогда раньше не видела его таким злым, ни разу он так не набрасывался на меня – с ненавистью и негодованием. Я хотела как-то все замять, поладить с ним, извиниться, наконец, перед ним, пожалеть его... но я не смогла сказать ни слова, просто прикусила себе щеку изнутри, чтобы не заплакать.

– Я никогда не думал, что влюблюсь в тебя, – Джеймс перешел на шепот, – я думал, ты так, хорошо проведем время и все, но... – он приблизился и провел указательным пальцем по линии моих губ, – но в тебе гораздо больше, чем нечистое прошлое. У тебя красивая душа, Сьюзи. Такую душу я не мыслил найти на земле, но ты вошла в мою жизнь как ангел, и теперь, когда я тебя все же обрел, я тебя ни за что не отпущу, никогда. Ты для меня все. Ты весь мой мир... – На глазах у него стояли слезы, он взял меня за руку и погладил палец, на котором теперь красовалось кольцо. – Вот почему я отдал тебе кольцо моей бабушки, у меня ничего дороже его просто нет...

Я было открыла рот, чтобы ответить, но он покачал головой, мешая мне.

– Помолчи, просто послушай меня. Я борюсь с самим собой, – продолжал он, – я так тебя люблю и пытаюсь, изо всех сил пытаюсь, мыслить широко, но то, с чем я борюсь, – это твое прошлое, Сьюзи. Я ненавижу других мужчин, которые трахали тебя, они ведь не осознавали, какой бриллиант держат в руках. Я хочу убить их всех, одного за другим, пока не очищу таким образом все твое прошлое и останусь только я один, здесь и сейчас.

Должно быть, я как-то пошевелилась, издала какой-то звук, потому что он тут же добавил:

– Пойми, я говорю образно, я бы никогда никому не причинил вреда. Ты же знаешь, я и мухи не обижу, Сьюзи-Сью? Никогда.

Атмосфера в комнате накалилась, казалось, добела, в ней витало столько разных эмоций, что было трудно дышать. Мне хотелось разорвать объятия, открыть окно и вдохнуть побольше прохладного ночного воздуха.

– Мы обручены, – продолжал он. – Это значит, что у нас теперь друг перед другом есть обязательства, это новое начало наших отношений. Давай прошлое просто выметем из нашей жизни, Сьюзи, и начнем все заново. Слишком... – он перевел взгляд с меня на кровать, потом опять на меня. – Это будет уже слишком, если я попрошу купить новую кровать?

Я покачала головой. Если считать, что мы практически женаты, это предложение выглядело вполне себе резонно. Новая жизнь вместе, новая кровать, новый смысл во всем.

Глава 14

– Вы абсолютно точно уверены, что этот человек входил в ваш дом?

Я абсолютно уверена лишь в том, что полицейский думает, будто я вру. А я вру.

– Да, – говорю я, – я сидела в саду, читала книгу, когда он перескочил через забор, пробежал по газону и шмелем влетел в дверь.

Офицер уточняет, куда именно шмелем влетел незнакомец, я показываю направление рукой, – показываю на шестифутовую бирючину, которая отделяет нашу входную дверь от соседской, – а он приподнимается на цыпочках, чтобы лучше рассмотреть. Потом проводит рукой по кустам и возвращается к тому месту, где мы стояли.

– Но там никаких признаков, кусты не помяты, – смотрит на меня долгим взглядом, – вероятно, должны были быть сломанные ветки, если кто-то взрослый решил перепрыгнуть вот так вот.

Я пожимаю плечами.

– А он был хоть и взрослый, но небольшого роста и крайне атлетического телосложения, спортивный такой.

– Так он что, перелетел через куст, как гимнаст, даже не задев его? – Офицер от удивления приподнимает бровь. – Ничего себе атлет! Да он циркач.

Я скрещиваю руки на груди, потом снова опускаю их свободно висеть вдоль тела.

– Ну, скажем так, я точно не видела, чтобы незнакомец именно прыгал. Я что-то услышала и оторвалась от чтения, чтобы посмотреть, и увидела, как он со всех ног несется по газону к дому.

Офицеры обменялись взглядами, а меня накрыла волна тошноты. Когда я ехала домой и сочиняла эту историю, она казалась мне такой простой и убедительной. Скажу полиции, что кто-то прятался в нашем доме, и тогда вообще не придется вытаскивать на свет всю эту историю с моим ненормальным бывшим, не придется рассказывать про лепрекона, которого он оставил на пороге. Полиция проверит мой дом, я ничем не рискую.

– А почему вы так уверены, что незнакомец попал в ваш дом через входную дверь? – полицейский смотрит на торец дома. – Вы ведь фактически не могли разглядеть отсюда? Все, что вы могли видеть, это то, что он побежал к шоссе.

– Дверь была открыта, вот я и подумала...

Женщина-офицер приподнимает бровь.

– У нас всегда открыта дверь, чтобы собака могла ходить туда-сюда, – добавляю я.

– Ага, – она что-то записывает за мной.

– У меня муж – Брайан Джексон – член парламента, понимаете, мы не можем чувствовать себя в безопасности...

По лицу женщины-полицейского пробегает тень удивления. Она смотрит на напарника, который приподнимает брови, его впечатлило мое признание насчет мужа. Или, скорее, его удивило то, что кто-то вроде Брайана мог жениться на ком-то вроде меня.

В любом случае они оба перестали смотреть на меня как на сумасшедшую, которая просто тратит попусту их время.

– Мы проверили ваш дом, – полицейский-мужчина идет через газон к машине. Женщина-полицейский кивком показывает мне, что мы должны проследовать за ним. – Внутри никаких признаков взлома и беспорядка.

Полицейский останавливается.

– С вами все хорошо, миссис Джексон? Вы выглядите слегка потрясенной.

– Ну да, я и потрясена, да. – Впервые за все время, пока они меня допрашивают тут, я говорю им правду. Теперь я знаю, что Джеймса в доме нет и что он не прячется в саду, я успокаиваюсь.

– Если хотите, мы можем остаться с вами, до тех пор, по крайней мере, пока не приедут ваши родные. Вы хотите кому-нибудь позвонить?

Отрицательно качаю головой. Мне надо в дом, просмотреть ноутбук Брайана. Если Шарлотта им пользовалась, чтобы вести переписку, кто знает, что там может сохраниться.

– Да нет, благодарю, я справлюсь.

– Вы уверены?

– Да, – говорю я преувеличенно твердо, – со мной все будет хорошо. Спасибо вам огромное за то, что приехали.

Полицейский-мужчина коротко кивает, открывает дверь машины.

– Мы будем на связи, если понадобится.

* * *

Моя бравада исчезает в ту же секунду, как машина с полицейскими отъезжает и исчезает за углом. А что, если полицейские не обыскали дом, а

просто формально заглянули в каждую комнату, и Джеймс сейчас где-то прячется? Он, должно быть, слышал, как они уехали.

Я перевожу взгляд с открытой двери на машину. Я ведь могу просто сесть в нее, взять Милли и поехать к своей подруге Элинон. Могу сказать ей, что мы с Брайаном переживаем не лучшие времена (и я не сильно солгу) и попросить остаться на пару ночей. Но у нее две кошки, и Милли придется держать на привязи.

А к кому еще я могу податься? К Анетт? Нет. Ее можно сразу вычеркнуть. Она ужасная сплетница. Дело даже не в днях, а в часах – она всем разболтает, что у меня с мужем проблемы. Мысленно перебираю всех друзей и подруг. У Эллен нет лишней комнаты, Джейн и Эрик увязли в ремонте, а Мэри в Испании. Но вот в кафе A22 можно с собаками. И все, что мне нужно, это заскочить в дом, схватить компьютер, и мы с Милли окажемся там через пару часов.

Кладу руку на мягкую голову Милли, чешу ее за ухом, мысленно выстраиваю свой маршрут внутри дома – чтобы схватить ноутбук, а также в каждой комнате быстро взять самое необходимое.

– Ну что, девочка, готова? – делаю шаг по направлению к входной двери.

* * *

Каждый скрип половиной доски и стон стены заставляют меня суетиться, я бегаю из комнаты в комнату, открываю ящики в шкафах и тут же забываю о них, кое-как собираю нужные вещи и косметику, бросаю все это в большую цветастую сумку, которую обычно беру в путешествия. Необходимость зайти в ванную комнату, чтобы взять оттуда зубную щетку, пугает: вижу, словно кто-то пялится на меня с другой стороны комнаты, а потом понимаю, что Брайан развернул зеркало так, что оно смотрит на входную дверь, а я теперь пугаюсь собственного отражения. Милли, улучив минутку, вырывается (ей надоел мой бешеный темп) и ложится посередине холла, кладет голову на лапы.

Наконец я выхожу из кабинета Брайана, и стоит мне только повернуть ручку, как в голову приходит мысль, что он, должно быть, забрал вчера ноутбук с собой. Открываю дверь и оглядываю кабинет еще раз.

Нет, вон он, на столе, сложен и отключен от сети, провод обмотан вокруг него, вилка лежит на верхней крышке, – словно Брайан планировал взять его с собой, но вдруг просто взял и забыл. Я беру его, и тут... бабах!

За мной захлопывается дверь.

Я холодею и замираю, изогнувшись возле стола Брайана, с ноутбуком в руках. Каждым миллиметром тела слушаю, каждый волосок на мне встал дыбом. Сердце готово выскочить из груди.

Слушаю.

Вдруг услышу, как скрипит пол или хотя бы легкий вздох пройдет на границе звука.

Слушаю.

Время словно замедляется, не могу сказать, как долго я уже стою тут, пристыв к столу, слушая, ожидая чего-то, боясь. Бок начинает болеть, бедро, которым я прижимаюсь к ребру стола, тоже начинает ныть, а ноутбук под собственной тяжестью постепенно выскользывает из пальцев. Если Джеймс прямо там, за моей спиной, надо найти в себе мужество и обернуться, чтобы встретиться со своей судьбой лицом к лицу.

Медленно оборачиваюсь, все еще держу ноутбук в руках и подбадриваю себя.

Но в комнате, кроме меня, нет никого.

Шагаю к закрытой двери мужниного кабинета. А что, если Джеймс просто притаился с той стороны? Делаю еще шаг, кладу руку на ручку двери и резко поворачиваю влево. Ручка легко поддается, дверь медленно открывается. Милли приподнимает голову, начиная стучать хвостом по деревянному полу. В доме больше никого нет. Если бы был, Милли его заметила бы, как я сразу не подумала об этом?

– Привет, девочка моя! – я шагаю к ней и наклоняюсь, чтобы почесать ее голову, как вдруг... бабах!

Дверь кабинета захлопывается за моей спиной.

Бабах, бабах, бабах!!!

Эти звуки доносятся уже из ванной, я бегу туда. Окно в ванной открыто, створка ходит туда-сюда, холодный воздух наполнил комнату. Выглядываю наружу, надеясь и страшась увидеть, как кто-нибудь свисает с уступки или мчится по газону, но единственное, что движется в моем поле зрения, это – большое дерево, оно раскачивается на ветру. Я высовываюсь из окна, хватаю ручку и закрываю створку.

– Пошли, Милли, – я тороплюсь выйти из ванной, беру ноутбук и сумку с вещами и быстро спускаюсь по лестнице, рядом со мной трясется собака. Спешно оглядываю кухню перед тем, как прихватить миски для еды и воды, складываю их в пластиковую сумку, там уже лежит сухой корм для Милли, а потом мы покидаем дом. Я запираю входную дверь и запрыгиваю в машину. В зеркало заднего вида уже не смотрю...

Суббота, 4 января 1990 года

Слава богу, наступает Новый год. Рождество выдалось одним из самых депрессивных за всю мою жизнь. Джеймс ужасно извинялся, что не может пригласить меня провести праздник с ним и его мамой. Она все еще якобы «отходит» от того нашего первого знакомства (когда мы опоздали на первый ланч). Джеймс сказал матери, что мне на Рождество больше некуда пойти, но вместо того чтобы смягчиться и пригласить меня, она расплакалась и спросила, неужели она так много просит – чтобы остаться с сыном вдвоем в этот один-единственный день в году? Спорить с этим было бессмысленно, ведь Джеймс и правда проводит с ней не так уж много времени.

В прошлом году я праздновала Рождество с Хеллс, Рупертом, Эммой и Мэттом, но в этом году меня никто из них не приглашал. Я все еще злилась на Руперта за то, что он сунул свой нос в мои отношения с Джеймсом, да и я не могла представить себе, как скажу Джеймсу, что проведу рождественскую ночь у друзей – у Хеллс и Руперта. Джеймс того и гляди обвинил бы меня в том, что я собираюсь подарить Руперту Большой Рождественский Трах или что-то вроде этого – смешное и глупое. Нет, к Руперту и Хеллс я не собиралась, к тому же Хеллс меня и не звала, так что тут было без вариантов.

Я взяла те небольшие сбережения, которые у меня были, забронировала билет на поезд и комнату в «Холидей Инн», решила съездить и повидать маму.

Надо отдать должное тем людям, которые постарались сделать дом престарелых по-настоящему праздничным, но сам вид пожилых людей, ковыряющих вилками в жалких пудингах, а также медсестры в костюмах снеговиков (с суднами в руках) – все это заставляло скорее грустить, чем радоваться. У мамы был период просветления, она за все четыре часа ни разу не сбилась, но вместо того, чтобы мне чувствовать себя довольной, я чувствовала, как разрывается мое сердце. Мама плакала, прося забрать ее отсюда домой, говорила, как сильно она скучает по отцу, по нашей семье. Я, как могла, старалась ее успокоить, нежно обнимала, расчесывала волосы, рассказывала о том, что мы с Джеймсом обручились в Праге, потом мы вместе смотрели фотоальбомы, но... но как можно приободрить человека, который говорит, что ему тут желают смерти?

Я предложила ей, в конце концов, переехать в Йорк, чтобы я могла навещать ее почаще, но она не согласилась.

– Свою жизнь я уже прожила, – сказала она, – и мне не жаль прожитого, я была верна себе. Пора тебе сделать то же самое. Я рада, что ты нашла свою любовь и работу, которая приносит счастье, Сьюзан. Мы с отцом всегда хотели, чтобы ты, в первую очередь, была счастлива.

Я так скучала по Джеймсу! Больше всего на свете мне хотелось вернуться в отель, и чтобы там вдруг оказался он, тепло обнял меня, провел рукой по волосам и сказал, что с моей мамой все будет хорошо. Но... но вместо этого я смотрела «Жизнь прекрасна» в холле с мамой и несколькими другими местными старушками и старичками, на глаза наворачивались слезы.

На День благодарения я сходила на могилу к отцу, положила на нее цветы. Сердце сжалось от того, что могила вся заросла травой, о ней никто не заботился, – до того, как заболеть, мама навещала ее раз в неделю. Мне пришлось прополоть, где могла, руками, а где не могла – поработать секатором, который одолжила у местного работника. Удалось ровно постричь траву. Все время, пока я стригла и полола, я разговаривала с отцом. Просила его приглядывать сверху за мамой, когда я не могла этого сделать, говорила, как мы обе его любим, а когда сказала, что мне никто, кроме него, не нужен, чтобы вел меня под венец, то расплакалась.

Вчера я вернулась домой и обнаружила на автоответчике послание – какие-то явно ужасные люди сообщали, что из-за проблем с доставкой не смогут привезти нашу новую кровать в течение еще нескольких дней, то есть привезут они ее уже после Нового года. Но дело в том, что мы с Джеймсом уже успели выбросить мою прежнюю кровать и матрас до Рождества, так что 28 декабря, когда Джеймс пришел ко мне с подарками, мы расположились прямо на полу на скромных одеялах.

Утром я встала сделать кофе и завтрак, а Джеймс просматривал мои журналы и перебирал пластинки. Он заметил мой антикварный столик, на котором стояла швейная машинка. Столик был из стопроцентного дуба, очень красивый. Джеймс провел пальцем по полировке.

– Откуда он у тебя? – спросил он.

– Родители подарили на мое двадцатиоднолетие.

– Мило.

Джеймс двигался вдоль стены, ведя рукой по контурам мебели, которая у меня была.

– А эта вещица? – Джеймс указал на мой письменный стол.

– Купила на блошином рынке. Стоил всего 30 футов...

– Мило.

От того, как он вел пальцами по дереву, я почему-то холодела. Если бы он открыл ящик стола, он нашел бы...

– А это что? – он взял мягкую игрушку, кролика, за ухо и потряс. – Ты никогда у меня не принимала в подарок такие мягкие игрушки.

– М-м-м... это подарила мне Хелс.

– Подруга подарила тебе мягкую игрушку?!

Щеки у меня запылали, а лицо свела судорога.

– Как-то необычно, – продолжал Джеймс, – а это точно не подарок какого-нибудь бывшего парня?

– Конечно, нет, – я постаралась, чтобы ответ звучал легко, – Хелс подарила мне его в шутку. Она звала меня Кроликом, когда мы вместе работали, потому что... Потому что... я не могла усидеть на месте. Я все время суежилась и куда-то спешила.

– Кроликом? Тебя? – Джеймс от удивления приподнял бровь.

– Ага.

Дело в том, что причину и само прозвище я изложила правдиво, но вот подарила мне его не Хелс, и прозвище дала не она. Это был Натан. Я привязалась к этой маленькой игрушке, пока мы с ним были вместе, и оставила ее себе, впрочем, как и несколько других вещей, после того как мы расстались.

– А почему ты так вспотела, Сьюзи-Сью? – Джеймс шагнул ко мне, кролик болтался у него в руке, растягиваясь под собственным весом. – Ты ведь не врешь мне, нет?

– Нет, конечно! – Я смахнула капли пота с бровей. – Все дело в... яйцах. – Я кивнула в сторону кастрюльки, в которой варились яйца. – Они кипят как сумасшедшие.

Мой голос звучал странно, на верхних нотах, я сама себя едва узнавала. Я нагнулась, чтобы проверить, как там жарится бекон, но на самом деле я хотела избежать взгляда Джеймса, но тут он схватил меня за запястье, прижал к себе, вжимаясь своим членом в мои ягодицы.

– Ты меня напугал, – я отложила лопатку и, все еще обхваченная руками Джеймса, выложила бекон и яйца на две тарелки.

– А ты пугаешь меня, – прошептал Джеймс на ухо, – потому что иногда мне интересно, насколько на самом деле ты в меня влюблена.

– Не глупи, – мне в уши ударила кровь, – ты же знаешь, Джеймс, как сильно я тебя люблю.

– Правда? Потому что мне будет очень больно, если я выясню, что ты мне врешь, Сьюзи. Если ты втайне хранишь любовные подарки от твоих бывших парней, в то время как ты прекрасно знаешь, что это причиняет мне боль.

Я потянулась за кетчупом.

– Этого кролика мне подарила Хеллс, я тебе сказала правду.

– И она это подтвердит, если мы ей сейчас позвоним и спросим, так?

Подтвердит? Подыграет ли Хеллс, если Джеймс действительно ей позвонит? Она догадается? Можно ли как-то ухитриться позвонить ей до того, как позвонит Джеймс? А что, если она не станет, просто не станет со мной разговаривать?

– Разумеется, она подтвердит, позвони прямо сейчас, если хочешь, – я кивнула в сторону телефона в другой части комнаты, в отчаянии надеясь, что мой блеф не раскроют.

Джеймс громко рассмеялся.

– Стал бы я с этой скучной коровой разговаривать о плюшевом медвежонке! – Джеймс развернул меня к себе так, чтобы оказаться лицом к лицу, прижал кролика к моей щеке. – У тебя ведь нет привязанности к этой дурацкой игрушке, нет?

Я согласно кивнула.

– Прекрасно, – сказал Джеймс и подбросил игрушку в воздух. Кролик полетел через комнату, вылетел из открытого окна и упал куда-то на дорогу.

Потом Джеймс поцеловал меня в губы.

– Завтрак готов? Я мог бы сейчас съесть лошадь.

Два часа спустя, после того как Джеймс ушел, я перебрала все свое имущество и выбросила все, что мне когда-либо дарили мужчины, или то, что напоминало мне о них, о любом из них – фотографии, открытки, письма, драгоценности, книги, пластинки. Винтажную сумочку от Шанель я продала (ее когда-то купил мне Натан на Рождество).

Теперь я никогда уже не совру Джеймсу.

Глава 15

Моя комната в отеле находится между двумя другими: в одной вовсю идет вечеринка, в другой, видимо, живут школьники. Но шум меня не беспокоит. Я бы даже сказала, что меня он успокаивает, – когда я слышу низкие раскаты смеха и истерические взвизги тринадцатилетних подростков под треки из телевизора с одной стороны, а с другой стороны – медленную танцевальную музыку.

Открываю ноутбук Брайана и пробую его включить, нажимаю сначала «Старт», потом иду в «Программы», а потом останавливаюсь. Из всех программ я знаю только одну – «Майкрософт Оффис». Что это еще за «Фелицилла»? Что за «Фотошоп»? А «Скайп» – что такое? Лезу в сумку.

Оливер берет трубку на втором гудке.

– Сью? С Шарлоттой все в порядке?

– С ней – да. Ты мне поможешь по части некоторых компьютерных терминов?

– Конечно!

– Какими программами Шарлотта пользовалась, чтобы болтать с друзьями в Интернете?

– Точно не знаю, – говорит через минуту размышлений Оливер, – я и мои друзья используют фейсбучный чат или мессенджер. Может, еще Скайп. Да бог знает, чем пользовалась Шарлотта. Тебе это зачем все?

Я дважды кликаю по папке с названием «Мои документы», но там только рабочие файлы Брайана.

– Кое-кто сказал мне, Оливер, что она болтала с друзьями по ноутбуку Брайана, и я подумала, что в этой переписке могут быть какие-то ответы.

Я почти слышу, как ворочаются в голове Оливера мысли.

– Сьюзан, ты ничего не сможешь найти, пока не разберешься, какими приложениями Шарлотта пользовалась. Да и если поймешь, тебе еще нужно знать пароль и логин. Она писала с ноутбука Брайана, ты сказала?

– Ага.

– Я могу ошибаться, но почти уверен, что на ноутбуке у него стоит мессенджер, он по нему, скорее всего, общается со своими коллегами раз в неделю и хранит эти переписки на тот случай, чтобы не быть обвиненным в ложном совете или обещании. Если Шарлотта сменила настройки и писала с его ноутбука, ее переписка тоже должна сохраниться.

– Правда?

– Да. Хочешь, я подскажу тебе, как открыть переписку? Вообще-то... – Оливер замолкает. – А тебе не стоило сначала спросить папу? Это все же его ноутбук.

– Я... – Я даже не знаю, как лучше объяснить Оливеру ситуацию, не хочу, чтобы сын знал, что его отец съехал от нас. Оливеру уже девятнадцать, но эти новости его точно расстроят, и он может не сдать на «отлично» экзамены, пожалуй, самые важные в его жизни. – Знаешь, я не смогла с ним сегодня переговорить по этому поводу. Он на каком-то глупом заседании, оно длится почти весь день, а мне сообщения Шарлотты нужно прочесть как можно скорее. Если, конечно, там вообще есть эти сообщения...

– О'кей, без проблем, Сьюзан. – Похоже мое объяснение удовлетворило Оливера. – Значит, так...

Я очень стараюсь делать все так, как Оливер говорит, шаг за шагом, куда кликать и какие окна открывать, – пока, наконец, мне не удастся войти в папку под названием «Пароли к чатам».

– Тут их сотни... – говорю я Оливеру, пока просматриваю список паролей. – Сотни. Как мне среди них найти тот, которым пользовалась Шарлотта?

– А никак. Если Шарлотта заметила, что отец проверял ящик с переписками, то ее сообщения могли не сохраниться.

– Боже мой...

Вожу мышкой в ужасе от файла к файлу, сколько же времени мне потребуется, чтобы найти нужный?

– Нужна еще помощь?

– Нет-нет, все в порядке, спасибо, Оливер!

Мы прощаемся, я пробую первый пароль. Это пароль к переписке Брайана с каким-то прихожанином о системе дренажа в современных школах. Закрываю и открываю следующее сообщение. На сей раз кто-то пишет Брайану, чтобы привлечь его внимание к проблеме иммигрантов. Третья переписка – жалобы по поводу пенсий. Четвертая – просьба о том, чтобы отремонтировали детский парк. Пятая вообще замечательная: кто-то ругается на Брайана, называя его притворщиком, а не политиком, а его партия больше заботится о том, чтобы сажать деревья, нежели о том, чтобы добиваться экономического успеха... и еще полно сообщений в том же духе. Полным-полно. Кажется, что конца им не будет. Читать их и захватывающе, и мерзко в одно и то же время. Я по-настоящему никогда, выходит, не осознавала, как много ограниченных эгоистичных людей каждый день общаются с Брайаном. Я уже просмотрела полдюжины

сообщений, а там еще сотни. И где среди них переписка Шарлотты? Начинаю открывать сообщения в произвольном порядке, надеясь, что мне выпадет своеобразный джекпот. Читаю о битвах за какие-то участки земли, войнах за собственность и домашних скандалах. Все чем-то недовольны, а Брайан... я замираю, чтобы прочесть строчку, которая только что всплыла на экране.

Кот Чарли 15: Соз, у меня ноут грохнулся. Сейчас включусь, сек.

Кот Чарли 15 – это Шарлотта? Читаю все сообщение целиком, сердце бешено скачет в груди...

Элсбеллс: Какое мне дело, вообще?

Кот Чарли 15: Элс, не надо так.

Элсбеллс: Я не догоняю, чего ты вообще мне пишешь тут? Мы не друзья с тобой больше, ты поняла?

Кот Чарли 15: Ладно, но давай договоримся, что наши с тобой версии событий совпадают.

Элсбеллс: А чего ты с Кейшой об этом не говоришь? Вы же так близки последнее время.

Кот Чарли 15: Дело не в Кейше, ты же знаешь.

Элсбеллс: Да ну?

Кот Чарли 15: Нет, слушай, Элла, я знаю, что ты очень зла на меня, и ты имеешь полное право так себя вести, мы можем больше вообще никогда не разговаривать, но если мы друг друга не прикроем и мистер Е об этом узнает, он нас убьет.

Элсбеллс: К черту мистера Е, он придурок.

Кот Чарли 15: Я знаю, согласна.

Кот Чарли 15: Ты все еще тут, Элла?

Кот Чарли 15: Элла?

Элсбеллс: Чего тебе еще?

Кот Чарли 15: Ты меня прикроешь? Я тебя прикрою.

Элсбеллс: Хорошо. Но больше мне не пиши, никогда.

Кот Чарли 15: Идет, я не буду писать. Просто хотела договориться с тобой.

Элсбеллс: Да наплевать мне, чего ты хотела.

* * *

Перечитываю. Снова и снова. Уже три раза перечитала. И все никак не пойму, о чем они говорят. Почему им надо прикрывать друг друга и кто

такой мистер Е? Смотрю на часы. 2 часа 45 минут ночи. Мне надо поспешить, если я хочу успеть поймать Эллу перед школой.

Смотрю на Милли, которая тоже смотрит на меня – с надеждой.

– О'кей, – притягиваю ее за голову, – ты можешь поехать со мной.

* * *

18 февраля 1991

Не знаю, как долго я еще выдержу такие отношения. Маятник моего настроения каждый день раскачивается от состояния абсолютного счастья до полного самоуничтожения и тоски. Джеймс – это два человека в одном, доктор Джекил и мистер Хайд. Сейчас он добрый, заботливый и любящий, а в другую минуту уже он спорит со мной, критикует и ведет себя совершенно жестоко.

Я все время хожу по лезвию бритвы, никогда заранее не зная, как говорить и что говорить, как себя с ним вести. Стараюсь избегать разговоров о бывших или том, что произошло со мной в прошлом, но мне кажется, Джеймс найдет повод для ссоры, даже если я не скажу ему ни слова, он найдет, в чем меня обвинить.

Взять, к примеру, прошлый уик-энд, когда мы отправились в Ирландию на День всех влюбленных. Мы остановились в маленьком отеле-бутике на западном побережье Ирландии, в двух часах езды от Корка. Оттуда было видно море – дикое и могущественное – прямо из нашего окна, если встать на цыпочки, сможешь учуять соленый запах воды в воздухе. Обнаженные, мы лежали на кровати, разгоряченные и липкие от пота. Джеймс вяло водил пальцем по мне от ключицы до живота и обратно.

– Мне следует чаще вывозить тебя куда-нибудь на выходные, Сьюзи.

Я улыбнулась и провела рукой по его волосам.

– Здесь так красиво.

Джеймс положил руку мне на промежность и замер.

– Любишь секс, Сьюзи? Очень?

Я не поддавалась на провокацию.

– Люблю, но только если он с тобой.

– Знаю. – Джеймс наклонил голову, поцеловал в шею и посмотрел на меня. Глаза у него горели.

– Когда у тебя был лучший в жизни секс?

– Да вот прямо только что. Все было потрясающе, – я старалась говорить легко, в шутливом тоне.

– Лучше, чем с Натаном в День святого Валентина?

Он тоже говорил легко и как бы играя, но все это было гораздо тяжелее на самом деле. Началась очередная игра, и в груди моей зародилась тревога.

– Я хочу есть, – я подвинулась ближе к краю кровати. – Как насчет пойти в то небольшое кафе, которое мы заметили в городе, и поесть?

– Сюзи, – Джеймс сжал кулак у меня между ног, заставляя меня лежать, – ты не ответила на мой вопрос.

Я улыбнулась настолько естественно и непринужденно, насколько это вообще было возможно в данной ситуации. Взъерошила его волосы.

– Да ладно тебе, Джеймс. Давай не будем об этом снова. У нас так хорошо начался день, зачем все снова портить?

– Портить? – Джеймс выскользнул из-под моей руки. – Почему бы этот разговор что-то там испортил? Если только ты не ответишь мне «нет».

– Ты о чем?

– Я задал тебе вопрос: был ли наш с тобой секс лучше, чем секс с твоим бывшим?

Я еще раз отругала себя за то, что когда-то рассказала Джеймсу о Натане. Разговор о «лучшем сексе» случился на втором нашем свидании. Было три часа ночи, мы много выпили, лежали голыми в постели, и воздух вокруг нас буквально трещал от сексуальных флюидов.

Я даже не подумала и просто ответила, когда Джеймс спросил о лучшем сексе в моей жизни. Мы болтали, словно были подружками на коктейльной вечеринке. Поэтому тогда я сказала ему правду. Рассказала, как мой бывший возил меня в Париж на День святого Валентина и как после посещения «Мулен Руж» мы дико возбуждились. За одну ночь у меня еще никогда в жизни не было столько секса.

– Конечно, сейчас было лучше, чем тогда, – я накрыла руку Джеймса своей и попыталась разжать его кулак между моих бедер. – То, что случилось у нас с Натаном, было лишь дурачеством, глупостью. А вот с тобой... это больше, чем просто физический контакт. Больше, чем просто секс. Ты любовь всей моей жизни. С тобой все лучше, понимаешь?

Я действительно люблю Джеймса. Никогда никого сильнее не любила, но почему-то чувствую себя роботом, произносящим фразы, лишь бы они ему понравились и совпали с его ожиданиями, чтобы спокойно прожить

еще денек.

Джеймс сощурился.

– А вот я тебе не верю, Сьюзи. У тебя глаз горел, когда ты мне про секс с Натаном рассказывала. А теперь вот не горит.

– Да просто тут темновато, – я посмотрела на слабый лучик света, пробивающийся сквозь плотные занавески. – Пойдем, посмотрим на солнце, Джеймс.

Я напряглась, ожидая, что он разожмет кулак, сковывающий мой движения. Он разжал руку и перекатился к стене.

– Ты иди, а я посплю.

Я села на кровати, скрестила ноги и посмотрела на его обнаженный бок. Если я пойду завтракать одна, он вскипит на медленном огне и будет на нем жариться, а когда я вернусь, будет уже в таком ужасном настроении, что остаток дня можно спустить коту под хвост, а возможно, не только остаток дня, но и все выходные.

– Джеймс, – кладу руку ему на плечо, – пойдем поедим. Вместе. Не хочу идти без тебя.

– Уйди, Сьюзи.

– Джейми... – я села напротив него, уткнулась грудью ему в бок, провела рукой по его груди, по животу, потом коснулась пениса. – Я тебя люблю, Джейми.

Джеймс не ответил ни слова. Но я почувствовала, как его член твердеет под моей рукой. Приободренная, я поцеловала его в шею. Он в ответ простонал и выгнулся. Я перекинула ногу через его ногу, попыталась развернуть его к себе лицом, рукой массируя пенис, губами нащупывая рот.

– Сьюзи, – он перекатился на кровати и жестко ответил на мой поцелуй, – о боже, Сьюзи...

– Трахни меня, – стонала я, когда его руки блуждали по моему телу, и он вдавился в меня. – Трахни меня, Джеймс.

– Повернись.

Я перекатилась на бок, стоная по мере того, как Джеймс вылизывал мою шею, а рукой сжимал грудь.

– Ох! – я вздохнула в голос, когда его пенис уперся мне в ягодицы. Рукой я постаралась направить его ниже.

– Нет, – Джеймс отодвинул мою руку, и на секунду я решила, что он вот-вот войдет, но он...

– Ой, Джеймс! – я снова попыталась его перенаправить в привычное место, но он снова оттолкнул мою руку.

– Прошу тебя, – взмолился он, втискивая пенис мне в анус. – Ты же

разрешила Натану это сделать.

Да, когда-то разрешила. Но было ужасно больно, и я поклялась, что никогда больше такого не сделаю. Джеймс знал это. Он прекрасно знал, что анальным сексом я заниматься не хочу.

– Ты для меня все, – Джеймс поцеловал меня в шею, плечо, руку. – Я откажусь от всего, от всего, что люблю, ради того, чтобы быть с тобой, Сьюзи. Откажусь от театра, от мамы, сделаю для тебя все.

На сей раз он ткнулся в меня гораздо решительнее.

– Ты клянешься, что я – любовь всей твоей жизни, Сьюзи. Сама сказала, что сделаешь все, чтобы я был счастлив.

Я больше не стонала. Не двигалась. И глаза у меня были широко открыты.

– Твоему бывшему досталось лучшее, – шептал он на ухо.

– Джеймс, прошу тебя! – Я перевернулась, чтобы видеть его лицо. – Это ужасно. Ты говоришь обо мне как о товаре, бывшем в употреблении.

Он изогнул бровь и хмыкнул.

– Пошел ты, – я соскочила с кровати. – Не могу так больше. Ты говоришь, что любишь меня, всю меня, – я пальцами изобразила кавычки, – от макушки до пяток, но это все вранье, потому что ты не говорил бы таких ужасных вещей, Джеймс.

Джеймс резко садится на кровати. У него сощуренные глаза, грудь вздымается от быстрого дыхания.

– Я не подлый, Сьюзи. Это не подлость – хотеть иметь тебя всю для себя одного. Не подло любить тебя, не думать о твоём прошлом, наконец. Не могу вынести мысли, что ты отдавалась другому мужчине.

– Так и не начинай тогда!

– Не могу, – он стукнул по одеялу кулаком. – Не тогда, когда все, чего мне так хочется, ты уже делала раньше с кем-то еще. Я хотел с тобой немного садо-мазо, но ты уже этим занималась с Натаном. У нас, получается, уже ничего святого не осталось? Чего бы ни ты, ни я не испробовали?

– Конечно, осталось! – Слезы стояли в моих глазах, но я яростно вытирала их. – У нас все святое, потому что есть только я и ты, двое нас. Вот что делает нас особенными. Наша близость.

– Да как близость может быть особенной, если ты переспала с пятнадцатью мужиками до меня?

– Это ты мне скажи. Ты же не был девственником, когда мы встретились.

– Я был с тремя, – он выставляет напоказ три пальца, – всего с

тремя.

– Да бога ради, Джеймс! Секс – не спорт, чтобы в нем соревноваться. Он только для двоих, без сравнения с тем, кто и как еще. Где и сколько.

– Тебе легко говорить, ты ведь трахала каждого мужика, который покупал тебе выпивку.

– Ты говоришь отвратительные вещи! – Я спрыгнула с кровати, сняла свою комбинацию с двери и обмоталась ею. – Ты знаешь о моем прошлом только по одной причине, Джеймс, – во всех подробностях этого прошлого, его стыдных и грязных подробностях, – лишь потому, что ты спрашивал меня, а я отвечала, добровольно. Я была с тобой честна, Джеймс. Не ты ли мне однажды сказал, что ценишь честность больше всего другого? Да пошла эта честность, если ее тебе швыряют в лицо, как кусок дерьма. Пошла эта честность и пошел ты сам. Пошло оно все!

Я смотрю на Джеймса с испугом, и сердце мое готово выпрыгнуть из груди.

– Сьюзи, я... – Джеймс подается вперед, обхватывает голову руками, – я тебя люблю, так чертовски сильно люблю, что мне иногда очень трудно справиться с твоим прошлым. Мне бы просто хотелось, чтобы мы могли отмотать время назад и встретиться, когда тебе было, например, шестнадцать. До того как ты начала трахаться направо и налево...

– Ты же сейчас не серьезно говоришь, нет? – Я закрыла лицо руками, стараясь выдохнуть весь охвативший меня ужас в ладони, потом снова отвела их от лица. – Мое прошлое и сделало меня той, кем я являюсь. Меня бы не было, не проживи я все это, не переживи все отношения с моими бывшими. Весь тот ущерб, вся боль, все сердечные травмы – именно они сделали меня женщиной, которой я являюсь сегодня. Я не собираюсь извиняться за то, что у меня до тебя была жизнь. Просто не буду этого делать, и все. А если ты не можешь принять вещи такими, какие они есть... – я перестала смотреть на него, – тогда давай расстанемся.

Я открыла дверь и выскочила в коридор. Не понимала, куда направляюсь и как далеко смогу уйти без денег, без обуви, в шелковой комбинации, которая хоть как-то меня прикрывала, но по большому счету мне было все равно. Как это получалось у Джеймса – заставить меня чувствовать себя одновременно такой красивой и такой уродливой? Такой волшебной и ущербной? Такой нужной и такой поношенной, потасканной? Почему он просто не мог меня понять? Почему не мог принять меня...

– Сьюзи, – сильная мужская рука перехватила мое запястье, чуть ли не в воздух подбросила и развернула к себе. Я слегка ударила головой о

стену, а ногами болтала туда-сюда, когда Джеймс приподнял меня на уровень его собственных глаз. – Скажи мне, что не любишь меня, и я тебя отпущу. Ты спокойно уйдешь, и я за тобой не последую. – Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, в его взгляде играло безумие. – Скажи, что не любишь меня.

– Ты знаешь, как я к тебе отношусь, Джеймс. Дело не в том, что...

– Скажи. Скажи, что ты меня не любишь. Скажи, Сьюзи.

– Я... – я пыталась заговорить, но все, что получилось, – это странный хрип.

– Что? – Джеймс внимательно смотрел на мое лицо, и я испугалась увидеть в его глаза страх. – Что ты сказала?

– Я люблю тебя, – сказала я. – Всегда любила и всегда буду любить, но я больше не могу выносить твою критику моего прошлого. Не могу находиться в таких отношениях больше, Джеймс. Прости, но больше не могу...

– Да пошло оно, твое прошлое, – Джеймс опустил меня на пол, просунул руку под мою комбинацию и сжал мою грудь. – мне на него отныне наплевать. Если я могу тебя потерять, то наплевать на прошлое.

– Не надо, – я попыталась вывернуться и освободиться, – это лишь слова, ты потом все равно будешь себя иначе вести, ты...

– Сьюзи, – Джеймс взял меня за подбородок и заглянул мне прямо в душу, у него в глазах стояли слезы. – Я сказал то, что сказал, о твоём прошлом. Мне и правда на него теперь наплевать. Когда я увидел, как ты уходишь от меня по коридору, я испытал такой ужас, какой не испытывал никогда раньше. Мысль о жизни без тебя, она... Жизнь не стоит ничего, если в ней нет тебя. Пожалуйста, не оставляй меня.

Сердце бешено скакало в груди. Я шесть долгих месяцев ждала, чтобы услышать, что он скажет эти слова о моем прошлом, – что он принимает его.

– Ты серьезно сейчас говоришь? – Теперь уже у меня на глазах стояли слезы. – О моем прошлом? Ты обещаешь, что никогда больше не станешь меня им попрекать? Не станешь глумиться над моими бывшими молодыми людьми, сексуальными аспектами, не станешь считать...

– Никогда, – Джеймс погладил мои груди и прижался ко мне. У него была бешеная эрекция, я ощущала это довольно четко. Он уткнулся мне в плечо. – Обещаю, Сьюзи. Только не покидай меня.

Я смотрела на картинку на стене с другой стороны коридора. Это был не Тернер, не Констебл. Ни овечек, ни коттеджей, ни ручейков. Вместо этого – деревянная дорога, по краям которой растут деревья, а

вдали – фигурка идущего человека. Я запустила пальцы в волосы Джеймса и притянула его к себе, но глаз не могла оторвать от фигурки того идущего куда-то человека. Он уходил или, наоборот, приходил? Я так и не могла разобраться.

– Хорошо, – я поцеловала Джеймса в макушку, – хорошо.

– Правда? – Джеймс выпрямился и нежно тронул мое лицо рукой. – О, Сьюзи-Сью, моя прелесть, дорогая Сьюзи-Сью.

Я посмотрела на жесткую линию его скул, он весь напрягся, когда взял меня за запястье и приподнял в воздух, заставил обхватить его торс ногами. Я разглядывала его загорелые плечи, пока он нес меня на руках по коридору обратно в номер. Когда он положил меня на кровать, то сказал:

– А теперь докажи, как сильно ты меня любишь.

Я молча перекатилась на живот и обреченно закрыла глаза, готовая к боли и ужасу.

Глава 16

Странно вот так вот стоять за воротами школы. С тех пор как Шарлотте исполнилось двенадцать, я не забирала ее из школы. И когда я вижу, как Элла выпархивает из дверей, прижимая учебники к груди, а через руку у нее переброшен свитер, – я почти надеюсь увидеть, как рядом с ней идет моя дочка, они сталкиваются локтями и смеются шуткам друг друга.

– Элла? – Я протягиваю руку и дотрагиваюсь до локтя девочки, как только она оказывается рядом со мной. – Можно тебя на пару слов?

Она быстро оглядывается, чтобы понять, как реагируют на происходящее ее одноклассники, но они, кажется, меня и вовсе не заметили, выходят из школьных ворот, смеясь, болтая и строя друг другу гримасы. А если и заметили, то им, похоже, наплевать.

– Элла, прошу тебя, это важно.

– Хорошо, хорошо, – она подает мне знак, что надо отойти от школьных ворот, смотрит через плечо – чтобы проверить что-то, чего я не понимаю, – а потом снова смотрит на меня. – Так о чем пойдет речь?

– О том, зачем вы с Шарлоттой прикрывали друг друга.

Дерзкое выражение лица Эллы медленно спадает.

– Не понимаю, о чем вы.

– А я думаю, Элла, прекрасно понимаешь.

Я могла бы притвориться перед ней, что мне все-все известно, но если она догадается, что я вру, беседа прервется тут же. Но если она поймет, что мне не известно ровным счетом ничего, то и в этом случае ей со мной разговаривать – никакого резона.

– Элла, я прочла вашу переписку в Интернете. Она сохранилась на одном из наших домашних компьютеров.

У Эллы глаза становятся размером с чайное блюдце, она смотрит на меня с удивлением. Пытается понять, попала она в переплет или еще нет. Мне надо продвигаться вперед очень осторожно.

– Кто такой мистер Е, Элла?

Она оглядывается на школу, потом смотрит снова на меня.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, миссис Джексон.

– Тот самый мистер Е. В интернет-переписке Шарлотта написала, что если мистер Е узнает, что вы сделали, то убьет вас обоих.

Элла пожимает плечами.

– Миссис Джексон, я думаю, вы меня перепутали с кем-то другим.

– Эллсбеллс, – говорю я, – с ней переписывалась Шарлотта. И я знаю, что Эллсбеллс – это ты.

Снова пожимает плечами, выдавливает из себя подобие улыбки, надувает губы и разворачивается, чтобы уйти. Она прекрасно понимает, что в нашем разговоре у меня нет абсолютно никаких доказательств и мне не в чем ее обвинить. Но как она может быть такой черствой, когда ее лучшая подруга в коме и может оттуда никогда не выйти?

– Элла, прошу тебя, – кладу ей на плечо руку. – Мне нет дела до того, чем вы с Шарлоттой занимались, и до того, почему вам пришлось сговариваться о совпадении ваших версий. Я не рассержусь и не скажу твоей маме, но, прошу тебя, пожалуйста, скажи мне, кто такой мистер Е?

– Я вам уже сказала. – Она стряхивает мою руку с плеча. – Вы ошиблись, я ничего не знаю.

Она снова разворачивается, чтобы уйти, но я ее хватаю.

– Элла, мистер Е – чей-то отец? Или учитель? Он один из ваших...

Выражение на лице девочки меняется – вместо злости на нем появляется что-то иное.

– Элла, он учитель, я угадала, да?

Не могу скрыть радости, что попала пальцем в небо.

– Как его зовут, Элла?

– Руки свои убрала от меня!

Теперь уже на нас смотрят подростки. Те, что толпой шли мимо, останавливаются, меня со всех сторон окружают любопытствующие лица. Те, которые разговаривали, замолкают, начинают хихикать. «Кто это?» – слышу, как кто-то из них спрашивает другого. «Это мама Шарлотты Джексон?» – «А чего она кричит на Эллу Портер?».

Элла замечает оживление вокруг нас тоже. От шеи к щекам поднимается румянец, но она тут же прикрывает его волосами. Я знаю, что должна убрать руку с ее плеча, но мне так страшно, что Элла ускользнет и я ее больше никогда не увижу.

– Элла, – я стараюсь говорить как можно мягче, – нет смысла устраивать сцену. Просто скажи мне, как зовут мистера Е, и я обещаю, что больше ни разу тебя не побеспокою.

Девочка улыбается, и на секунду я начинаю думать, что вот он – ужасный момент, скорее бы он закончился, скажи уже имя, скажи... но вот ее улыбка исчезает, Элла некрасиво выпячивает нижнюю губу.

– Помогите! – кричит она и мотает головой. – Кто-нибудь, на помощь!

Я ее тут же отпускаю, но уже слишком поздно. Из толпы кто-то протиснулся к нам и встал между мной и Эллой.

– Миссис Джексон?

На лице у незнакомой женщины удивленное выражение, она стоит прямо передо мной. А, это же Клара Купер, учительница английского.

– Эта женщина причинила мне боль. Она чуть не оторвала мне руку!

Мисс Купер поворачивается к Элле. Вокруг той уже столпились девочки, заслонили ее собой и что-то шепчут, вероятно, успокаивают. У девочек вздернуты брови.

– Миссис Джексон причинила тебе боль?

– Да, мисс. Я шла к школьному автобусу, когда она подскочила и схватила меня и так держала, не отпуская.

– Да, она правду говорит! – вступилась девочка из толпы. – Так и было.

– Я решила, что миссис Джексон сейчас начнет меня бить.

На лице у Эллы выражение самой невинности.

– Мне стало так страшно.

Мисс Купер поворачивается ко мне и поднимает брови. Мне становится жарко, я слабею, во рту пересыхает. Просто хочется пойти домой, и все. Лечь в постель, уснуть, проснуться и понять, что все это – несчастный случай с Шарлоттой, подарки от Джеймса, ссора с Брайаном и этот инцидент у школы, – просто кошмарный сон.

– Я потрогала ее за плечо, – говорю я, – вот и все. Просто хотела с ней поговорить.

Мисс Купер изучающе смотрит на меня, потом поворачивается к толпе зевак.

– Вы там, давайте расходитесь по домам. Шоу закончилось. Элла, пойди встань у ворот. Я с тобой поговорю.

Элла гримасничает.

– Но мисс...

– Иди, я сказала.

Элла надувает губы, сжимает кулаки, словно собирается возражать, потом принимает решение, что лучше успокоиться, и идет через толпу. Народ постепенно рассасывается, вздыхая с недовольством, спектакль закончился.

Мисс Купер дожидается, пока дети разойдутся – по крайней мере, когда ни одного не останется на расстоянии взгляда, – и оборачивается ко мне. Она уже не хмурится, как до того, теперь у нас нет зрителей.

– Как вы себя чувствуете, миссис Джексон?

На языке вертится слово «отлично», но что-то в тоне ее голоса, в том мягком и приятельственном тоне, в заботливой интонации заставляет меня

ответить, что я устала.

– Ничего удивительного, – мисс Купер аккуратно дотрагивается до моей руки, а потом отпускает. – Как дела у Шарлотты? Ее нам всем очень не хватает.

– Шарлотта без перемен, – говорю я, – но спасибо вам, что интересуетесь.

Мисс Купер грустно улыбается, потом смотрит через плечо. Элла трется у школьных ворот. Одна ее нога – на земле, второй она пинает решетку.

Бамс-бамс-бамс.

– Элла!

Как только учительница окликает ее по имени, Элла перестает пинать ворота и быстро смотрит на меня. И Клара тоже смотрит на меня – они обе.

– Миссис Джексон, а что, собственно, тут произошло? У вас с Эллой?

Я вкратце рассказываю историю с прочитанной мною перепиской и говорю Кларе, что беспокоюсь, как бы этот таинственный мистер Е не оказался большой угрозой для девочек.

– И вы считаете, что он может оказаться родителем кого-то из детей или учителем?

Я рассказываю о том, как отреагировала Элла, когда я предположила, что мистер Е может оказаться учителем, – мисс Купер задумалась.

– Есть у нас мистер Егхарт, – говорит она. – Преподаватель физики.

Я отрицательно качаю головой: ни одна из девочек не учит физику.

– Слушайте, а вы уверены, что это – мистер? Ну, не миссис? Может, это миссис Эверетт, мисс Эвшэм или мисс Ист?

– Нет, девочки точно переписывались о каком-то мистере Е. Одна из них назвала его ничтожеством.

– Я стараюсь, правда, стараюсь припомнить еще каких-то учителей, фамилии которых начинались бы на Е или Э. – Мисс Купер крутит в ухе сережку, волнуется. Смотрит на тротуар, хмурясь от напряжения. – У Дженни Бест из администрации есть полный список фамилий учителей. Наверное, лучше спросить ее... о! – Мысль озаряет лицо мисс Купер. – Только что пришло в голову. Есть учитель по деловым коммуникациям, заменяет миссис Харт, пока она в декретном отпуске. Его фамилия начинается с Э. Как же его... а! Эггерс? Нет. Этан? Нет. Очень простое такое слово... сейчас вспомню. Знаю! – Она триумфально улыбается. – Эванс! Мистер Эванс.

– Эванс? – Повторяю я фамилию, чувствуя, как меня наполняет странное спокойствие. Словно я покинула свое тело и наблюдаю нашу с

мисс Кларой беседу свысока. – А как его имя? Не припомните?

Когда Клара готовилась произнести его имя, я уже знаю, что она скажет, – до того, как скажет.

– Джеймс, – говорит она. – Точно так же зовут моего приятеля.

Ощущение парения прекращается столь же быстро, сколь быстро возникло, и я снова возвращаюсь в свое тело, жестоко возвращаюсь, мне нужно на что-то опереться, чтобы не упасть.

– Джеймс Эванс?

– Да, – Клара все еще улыбается, довольная, что ей удалось вспомнить. – А что? Вы же не думаете, что он как-то причастен к...

– А как он выглядит? Выше шести футов ростом? Блондин? Хорошо говорит на публике?

– Ну да, он такой, – Клара, кажется, смущена. – Да, очень подходит под это описание.

– Погодите! – кричит мне Клара, когда я бегу по направлению к Элле, а потом – выбегаю через школьные ворота. – Миссис Джексон, прошу вас, остановитесь!

* * *

Воскресенье, 1 апреля 1991

Вчера я столкнулась с Хеллс на Оксфорд-стрит. Первой моей реакцией было – когда я увидела ее, такую красивую, в черно-зеленом платье, с изумительной прической из рыжих волос, – восхищение. Но потом я вспомнила, что мы больше друзьями не считаемся, и я тут же свернула в «НМV», чтобы с ней не дай бог не столкнуться. Должно быть, она меня тоже заметила, потому что тут же взяла меня за руку.

– Сью? Это ведь ты?

Она выглядела довольной, так радовалась тому, что мы встретились, что мне хотелось тут же расплакаться. Я не могла допустить, чтобы она увидела, какой жалкой я стала без нее. Чтобы не расплакаться, я завела короткий, почти деловой разговор о том, какие теперь шью костюмы для пьесы «В ожидании Годо», о том, как маме вроде бы стало лучше, хотя ее болезнь по-прежнему прогрессирует. Хеллс в ответ рассказала, что ее повысили на работе и что они с Рупертом только что вернулись домой после недели во Флоренции, где они отпраздновали

помолвку. Я ее обняла, не могла удержаться, и только когда она слегка отпрянула от меня, она смогла тоже как следует рассмотреть мое кольцо на левой руке, – я вспомнила, что тоже помолвлена.

– О, да ты темная лошадка! – сказала она, но вместо улыбки на ее лице появилось печальное выражение. – Поздравляю, Сьюзан. Видимо, ты действительно счастлива.

Вот тут-то меня прорвало, и я заплакала – прямо посередине зала в «НМV», окруженная людьми, выбирающими модные CD с музыкой.

Хеллс выглядела такой напуганной, что я хотела сбежать. Хватало уже того, что я разрыдалась на публике, так еще и моя бывшая лучшая подруга смотрела на меня, словно я... ну, скажем, баскетбольная корзина. Она догнала меня и взяла за руку.

– Прошу тебя, Сьюзан. Давай пойдем пропустим по стаканчику? Расскажи, что у тебя стряслось. Я так по тебе соскучилась.

Мы отправились в «Собаку и утку» в Сохо, нашли темный уголок, где можно было поболтать без того, чтобы незнакомые люди пялились на мое заплаканное лицо. Я рассказала Хеллс все, без остатка. Повела о том, как познакомилась с мамой Джеймса, о путешествии в Прагу, о том, как Джеймс отказывался спать в моей кровати, и том, как выбросил игрушечного кролика в окно. Хеллс слушала внимательно, не перебивая, иногда вставляя по ходу моего рассказа «угу» или «хмм». Но когда я рассказала про нашу с Джеймсом поездку в Ирландию и то, как разрешила ему заняться со мной анальным сексом, чтобы доказать, как сильно его люблю, Хеллс вздохнула с огорчением.

Я подняла руку, предупреждая ее возражения.

– Хеллс, это не самое худшее.

Я рассказала ей, как примерно месяц спустя Джеймс стал настаивать на том, что хочет экспериментировать в постели с бандажем, напоирая на то, что с Натаном я позволяла себе больше, чем с ним, – потому что Натану я разрешала такие вещи, а ему, выходит, нет.

– И ты разрешила? – Хеллс смотрела на меня, в ее огромных зеленых глазах была настоящая забота.

– Не сразу. Я держалась, держалась, потому что знала, что это будет ужасно, страшно, но вынести приставания Джеймса не было сил. Он требовал, просил, умолял и снова требовал такой близости. В каждом разговоре он переходил на эту тему, даже если у нас была самая невинная беседа, – и я никак не могла расслабиться, потому что все время ждала, что он опять начнет про это. Я подумала, что прекратить это можно только одним способом, – сдаться.

– И?

– С Джеймсом было не так, как с Натаном. Не было шелковых шнуров и масок, не было взбитых сливок и клубники. Эта ночь была одной из самых омерзительных за всю мою жизнь, Хеллс.

Хеллс слушала меня, прижимая руки ко рту, пока я рассказывала, как Джеймс хватал меня за волосы так жестко, что просто выдирал некоторые пряди с корнем, как порол меня так сильно, что у меня оставались красные рубцы, и как насиловал меня вибратором так безжалостно, что у меня начинала идти кровь.

Хеллс молчала, когда я наконец закончила свой невеселый рассказ. Она посмотрела на меня и взяла мои руки в свои.

– Сью, уходи от него. И уходи немедленно.

Я пыталась спорить, говорила, что Джеймс пострадал, когда был ребенком, что жизнь с матерью его подавила, что в душе он романтик, что до двадцати четырех лет не расставался с девственностью, что, наконец, он по-настоящему меня любит, просто он борется, как может, со своим разочарованием и ревностью. Но Хеллс отрицательно качала головой.

– Сью, это не любовь. Вещи, о которых он говорит, то, как к тебе относится, это не любовь. Он тебя презирает, а не любит. Самоутверждается за твой счет.

– Но... – я старалась объяснить, что все в общем-то не так уж плохо, что между нами все же есть некая магия, что у нас с Джеймсом много общего, что я никогда не чувствовала себя такой живой, что каждый день становится приключением, если, конечно, у Джеймса хорошее настроение.

– Вот именно, когда у Джеймса хорошее настроение. Потому что мы обе знаем, что творится, когда у него нехорошее настроение. Стоит оно того, Сью? Стоит терпеть весь этот кошмар ради нескольких приятных мгновений? Словно по углям ходить, каждый раз гадая, когда снова случится очередной приступ насилия.

– Но он же не бьет меня. Ни разу себе этого не позволил.

– Ну да, – Хеллс покачала головой, – если Джеймс на тебя не поднимает руку, это еще не значит, что он тебя не унижает, Сьюзан. Тебе надо вырваться из этих отношений, и вырваться нужно немедленно.

Больше Хеллс не нужно было ничего говорить, потому что все, что она сказала, я знала и сама, сотню раз повторяла себе. Но слышать свои мысли из уст другого человека – совсем иное. Хеллс, кажется, была шокирована моим рассказом, в ее глазах я прочла заботу. И, как ни

странно, ее реакция убедила меня в том, что я не схожу с ума, что не обманываю себя. Я начала более четко осознавать, что Джеймс относится ко мне не так, как я того заслуживаю, и что одной мне может быть даже лучше, чем вдвоем с ним.

И я сделаю это. Я уйду от Джеймса. Уйду в пятницу, в тот день, когда мы с ним договорились пойти выпить куда-нибудь. Только надеюсь, что не буду дрожать так сильно, как дрожу сейчас.

Глава 17

– Брайан! – кричу я в трубку мобильного телефона, пока бегу по коридору, мимо картин, плакатов со спортивными достижениями и металлических шкафчиков. – Брайан, скорее приезжай домой! Приезжай немедленно! Джеймс Эванс работает в школе Шарлотты, я прочла на твоём компьютере переписку Шарлотты и Эллы, они обе напуганы им. Позвони в полицию, Брайан. Я сейчас в школе.

Я подхожу к лестнице и быстро поднимаюсь по ней, опираясь на перила, бегу через две ступеньки, ругая собственные ноги за то, что они не могут двигаться быстрее. Я не была в Брайтонской академии примерно год, но все еще помню, где находится кабинет директора.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Светловолосая женщина в бледно-розовой блузке, на шее – нитка жемчуга, смотрит на меня, сидя за своим столом, когда я вскакиваю в маленькую приемную перед кабинетом директора.

Она, судя по всему, моя ровесница, может, на четыре или пять лет старше. Не помню, чтобы я видела ее в последний раз, когда приходила сюда, чтобы встретиться с мистером Андерсоном. Я вообще ее не помню.

– Я здесь, чтобы поговорить с мистером Андерсоном, – я почти спокойно поправляю прическу. – Вопрос срочный.

– Как вас зовут?

– Джексон. Сьюзан Джексон. Мне очень важно увидеть мистера Андерсона. На карту поставлена безопасность двух учениц.

Женщина за столом приподнимает брови.

– Бог ты мой, ну, расскажите в двух словах, возможно, я смогу помочь, и... – она прерывается, ее внимание привлекают полдюжины учеников, громко болтающих под окном, которое находится за моей спиной.

– Нет времени объяснять, – я миную ее стол и делаю шаг к двери директора, справа. – Мне нужно поговорить с директором, немедленно.

– Простите, простите меня, миссис Джексон, но...

Стул под ней скрипит, когда она поднимается, чтобы пойти за мной, но я уже взялась за ручку двери и успею попасть в кабинет до того, как эта дама меня догонит.

– Кларисса, я... – Директор отрывается от своих дел и смотрит на меня из-за стола, заметно, что он удивлен моим появлением, но мне все равно, я захожу в кабинет, опережая его секретаршу.

– Простите, мистер Андерсон, – она даже задохнулась, пока бежала за мной, – я не могла ее остановить.

– Все в порядке, Кларисса. – Директор кивает ей. – Я сам поговорю с миссис.

– Но вы сказали, что вас ни для кого нет, чтобы вам не мешали. – Кларисса корчит гримасу. – Вы сказали, что вам нужно подготовить доклад для попечителей...

– Я сам разберусь, Кларисса, благодарю вас.

– Да, мистер Андерсон. – Кларисса сдается на милость начальника, пятясь прочь из комнаты. По выражению ее лица я вижу, что, будь мы лет на тридцать моложе обе, она бы после занятий поджидала меня у ворот с парой знакомых верзил, чтобы проучить.

– Если понадобится, я рядом, – говорит она, прикрывая дверь кабинета снаружи.

Ян Андерсон смотрит на меня из-под тяжелых бровей, потом протягивает руку в направлении свободного стула, который стоит прямо передо мной, приглашая меня садиться.

– Прошу вас, миссис...

– Джексон. Я постою, спасибо.

– Хорошо, – он откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. – Чем могу быть вам полезен, миссис Джексон?

– Простите, – говорю я, – за то, что прерываю вас. В обычной ситуации я не вела бы себя столь дерзко и грубо, но... – я берусь за спинку стула, – дело не терпит отлагательств. Один из учителей школы представляет реальную угрозу для детей.

Директор резко выпрямляется.

– О какой опасности вы говорите?

– У меня есть основания полагать, что один из ваших учителей работает в школе, не имея нужных для этого документов. Я думаю, что он мог причинить вред моей дочери Шарлотте и ее подруге Элле.

– Шарлотте... – во взгляде мистера Андерсона проскальзывает тень узнавания, словно я сказала что-то крайне важное. – Так вы мама Шарлотты Джексон?

– Она самая.

Жду, когда он встанет и подойдет ко мне. Но он продолжает сидеть и рассматривать меня, словно ждет, что я скажу еще что-нибудь.

– Пожалуйста, – я надеюсь, что он все же встанет и что-нибудь предпримет. – Можем мы пойти и найти этого учителя? Чем дольше мы тут бездействуем, тем меньше шансов у нас его застать. Вдруг он уедет на день

или навсегда? – Не могу отделаться от мысли, что Джеймс знает, что я его обнаружила и ищу. Его нужно остановить прежде, чем он кому-то причинит зло. – Прошу вас, мистер Андерсон, его нужно остановить прежде, чем он причинит зло. Если уже не причинил.

– Пока кто не причинил?

– Джеймс Эванс.

– Джеймс Эванс – наш учитель по бизнес-коммуникациям?

– Да. Нет. Он на самом деле не учитель никакой, он притворяется. – Я отступаю к двери. – Прошу вас, мистер Андерсон, пойдемте немедленно!

– Миссис Джексон, – он поднимает руку, тормозя мою речь, – присядьте на минутку, и давайте сначала. Я постараюсь разобраться.

– Времени нет, как вы не поймете! – Я пересекаю комнату и встаю так близко к столу директора, что руками могу упереться в него. Мое лицо оказывается на уровне лица директора. – Прошу вас. Я все объясню, но сначала нужно найти Джеймса Эванса, немедленно! Вы даже представить себе не можете, в какой опасности находятся дети. Нам нужно остановить его, пока он не сбежал. – Не могу сдержать волнения, голос выдает меня. – Прошу вас, поспешим!

– Знаете, любые обвинения в адрес наших учителей мы рассматриваем со всей серьезностью, миссис Джексон. – Директор встает намеренно медленно, я жду, когда он наденет пиджак, который висит на спинке стула. Он просовывает сначала одну руку в рукав, потом другую, потом натягивает пиджак на плечи. На какую-то – пугающую – секунду мне кажется, что сейчас он начнет застегивать пуговицы, одну за другой, но он вдруг становится молниеносным и пересекает кабинет всего в каких-то четыре шага.

– Миссис Джексон, – говорит он, открывая дверь, и я в нее вижу, как приподнимаются брови Клариссы, – проследуйте, пожалуйста, со мной.

Даже при том, что мистер Андерсон на его длинных ногах преодолевает расстояния молниеносно, у нас с ним, кажется, заняло вечность – пересечь его кабинет. Когда мы наконец, проходим коридор, соединяющий научный блок и основное здание, я останавливаюсь и припадаю к мансардному окну, чтобы окинуть взглядом парковку. Дюжина учителей суется там, внизу, некоторые болтают, сбившись в небольшие группы, другие рассаживаются по машинам и уезжают. Я очень внимательно смотрю на этих людей, чтобы среди них обнаружить Джеймса, но, похоже, его там нет.

– Миссис Джексон?

Директор стоит и ждет меня в самом конце коридора. Я спешу догнать

его.

– Разумеется, мистера Эванса может не быть на месте, – говорит директор, открывая дверь в учительскую. – Вполне возможно, что он уехал на денек или даже...

Но я уже не слышу продолжение фразы, потому что сердце стучит, кажется, у меня прямо в ушах, не только в груди, я чувствую себя совершенно разбитой и больной.

На другом конце учительской стоит какой-то мужчина. Стоит к нам спиной, его светловолосая голова наклонена так, словно он читает книгу или перебирает бумаги. Я прекрасно слышу голос мистера Андерсона, но не могу разобрать ни слова из тех, которые он произносит. Каждый фибр моей души диктует мне побег – побег без оглядки, но ноги словно приросли к полу. Я глаз не могу оторвать от этой спины, от сильных подкачанных рук этого мужчины, который стоит там, в комнате. Мне кажется, что воздух густеет и застывает, расстояние между мной и этим незнакомцем сокращается, и вот я уже стою прямо за ним, чувствую его запах. Я протягиваю руку и ощущаю волны его волос, мягкую кожу на шее и приятную эластичность воротника рубашки, – кончики моих пальцев словно пронизывает током.

Эти формы знакомы мне, в ночных кошмарах я ощущала их сотни и сотни раз. Ему стоит только лишь повернуться ко мне лицом, и тогда я его увижу, я смогу, в конце концов, проснуться.

– Джеймс? – Я стараюсь дышать ровно, в то время как мое зрение затуманивается и окружающее превращается сначала в янтарь, потом просто уходит в темноту. Ощущение, словно я поднесла горящую спичку к фотографии, стараясь в ее пламени рассмотреть изображение, но спичка сгорает, пламя слабеет, и зрение не в состоянии различить некогда знакомые до боли черты. Я моргаю, чтобы пелена спала и можно было видеть четче, но теперь в глазах у меня пляшут черные мушки отчаяния, а в ушах шумит океан. Словно я плыву под водой, глубоко, очень глубоко...

– Миссис Джексон?

Чувствую, как кто-то касается моего локтя, стараюсь повернуть голову влево, чтобы посмотреть, кто это, но очень сложно сохранить равновесие. Мне мерещится, что даже малейшее движение повлечет меня на самое дно, как привязанный к ногам камень.

– Миссис Джексон, может, вам лучше присесть?

Вот еще чья-то рука трогает меня теперь уже за правый локоть, и я чувствую, как что-то или кто-то подгибает мои колени, и я сажусь, – точнее меня сажают. Вокруг темно, а океан продолжает биться внутри моего

черепа. В животе начинается какое-то движение, и...

– Боже, да она больна...

– Сейчас принесу бумажные полотенца, секунду...

– Вот стакан с водой, выпейте...

– Да зачем стакан, налейте в кружку, у нас где-то тут должна быть чистая кружка...

А потом наступает тишина.

* * *

– Миссис Джексон. Миссис Джексон, вы меня слышите?

– Миссис Джексон?

Это уже другой голос, на сей раз – женский. До того был мужской.

– Сью?

Я открываю глаза.

– Брайан? – Я стараюсь позвать мужа, но голос не слушается меня. Стараюсь сесть, но чьи-то аккуратные руки давят на плечи и заставляют лежать.

– Не двигайтесь, пожалуйста. Вы ударились головой, когда вам стало плохо. Парамедики уже едут.

– Джеймс, – говорю я, глядя в ярко-голубые глаза, которые смотрят на меня со смешанным чувством заботы и беспокойства.

– Нет, Сью, это я, Брайан.

– Я знаю, ты Брайан. А где Джеймс?

Муж оборачивается, чтобы посмотреть на кого-то, стоящего у него за спиной, на кого-то, кто пока мне не виден.

– Джеймс, она хочет поговорить с вами.

– Нет! Нет! – Я стараюсь закричать, но крик застревает в моем горле. – Не-е-е-ет!!!

– Миссис Джексон?

Передо мной появляется лицо, которое я никогда раньше не видела.

– Я Джеймс Эванс.

– Нет, – трясусь головой, – вы никакой не Джеймс.

Мужчина улыбается. Это теплая улыбка, она освещает лицо, ноздри широко раздуваются, кожа под глазами покрывается сеткой мимических морщинок.

– Можете позвонить моей маме и проверить, но, честно говоря, последние двадцать девять лет я провел под именем Джеймса Эванса. Или

еще – Джейми, так зовут меня друзья. Так что я вполне уверен, что я Джеймс Эванс.

– Есть другой такой же, – говорю я, – где он?

Снова стараюсь сесть, чтобы оглядеться, но Брайан не дает мне этого сделать.

– Это единственный Джеймс Эванс, – Брайан гладит мое лицо, аккуратно убирает волосы с моих скул, – это учитель Шарлотты и Эллы по бизнес-коммуникациям. Он правда единственный Джеймс Эванс во всей школе, Сью.

– Но как же... – я перевожу взгляд с Брайана на молодого светловолосого мужчину, который стоит рядом с моим мужем, и начинаю осознавать всю глубину собственной ошибки. – Бог ты мой...

Закрываю лицо руками и зажмуриваюсь. Что же я наделала...

– Девочки пропустили поездку с классом, – говорит Брайан, – они должны были ехать в Лондон с мистером Эвансом, но...

– Они позвонили накануне и сказали, что чем-то отравились. Якобы были в «Нандос» вместе и съели какого-то сомнительного цыпленка, а потом всю ночь мучились с животами. Не верить им особых причин у меня не было, но, как я теперь понимаю, мне стоило вам перезвонить и уточнить, правду ли они говорят...

– Да, вам стоило.

Это уже вступил мистер Андерсон, я узнаю его голос.

– Ты прочла переписку в моем компьютере, Сью, – говорит Брайан, – так вот, девочки не в прямом смысле слова были напуганы, что мистер Эванс их убьет, это просто... метафора, и все.

Я наконец убираю руки от своего лица и смотрю на четыре лица, склонившиеся надо мной.

– Если они не ездили с мистером Эвансом в прошлый уик-энд, – говорю я, – и дома их тоже не было, то где же они были?!!

Брайан качает головой:

– Мы не знаем.

* * *

Суббота, 7 апреля 1991

Всю неделю я чувствовала себя отвратительно. Не могла ни шить, ни

спать, даже есть. Каждый раз, когда звонил телефон, я подпрыгивала на месте, уверенная, что это Джеймс, напуганная предчувствием, что он каким-то образом догадался, что я собираюсь сделать. Он звонил на этой неделе только раз, и то это был короткий разговор, в котором мы договорились увидеться в пятницу.

Идти к нему на встречу я не хотела. Продолжала убеждать себя, что Джеймс не так плох, что вокруг полно мужчин, которые хуже его, но потом, словно чувствуя мое тревожное состояние, позвонила Хелс – в пять утра.

– Я приеду к тебе, – сказала она. – Мы оба, я и Руперт, поможем тебе справиться. Будь сильной, Сьюзан, вспомни все моменты, когда Джеймс заставлял тебя плакать.

Типичная сцена: Джеймс сидит за деревянной барной стойкой и тут же вскакивает с места, стоит ему завидеть, как я захожу в «Сердце в руке», – кидается навстречу, обнимает меня и говорит, как прекрасно я сегодня выгляжу. Он был в отличном настроении, рассуждал о возможностях получить роль на телевидении, он видел объявление в журнале «Сцена», очень извинялся за то, что не звонил, был так занят подготовкой к прослушиванию.

– Мне кажется, я прошел, действительно прошел, – сказал он, сжимая мои ладони в своих, – и если я получу эту роль, то смогу позволить себе приобрести дуплекс, для нас с тобой, чтобы мы жили отдельно от мамы. У нас будет свой дом, и у мамы будет уверенность в том, что я устроен. И... – Джеймс почти подпрыгнул на месте, – у тебя будет собственная комната для шитья, может быть, ты откроешь свой бизнес, не будешь шить за просто так, как шьешь сейчас для театра Эбберли. Все складывается просто чудесно.

Трудно было не заразиться его воодушевлением. Но я должна была напоминать себе, что все это, мягко говоря, малореально. Не первый раз уже Джеймс пророчил себе фантастическое будущее для него и для меня или возгорался будущей ролью, – и я уверена, что этот раз был далеко не последним. А потом я должна была разделить с ним его злость, разочарование и горечь от того, что ничего не получилось с ролью.

...мы сидели в пивной, Джеймс фонтанировал идеями и фантазировал, а я ему кивала и изображала подружку на пару часов, пока наконец, не в силах и дальше выносить этот спектакль, я не предложила ему забрать остатки еды и поехать ко мне. Джеймс удивился, он-то надеялся, что мы продолжим вечер в ресторане, но я сказала, что устала, и он согласился со мной. Дорога домой была ужасной во всех смыслах. Я

вся сосредоточилась на будущем разговоре, ни о чем постороннем говорить не могла, поэтому в машине воцарилась неприятная тишина. Джеймс взглядывал на меня каждую пару минут, а я отводила взгляд.

Он обнял меня, когда я отпирала входную дверь, и уткнулся лицом в шею.

– Может, поехать к тебе домой было не такой уж плохой идеей... ты хочешь затащить меня в постель, не так ли, ты, маленькая распутница?

Его прикосновения приносили мне страдание, и я выскользнула из его объятий. Он проследовал за мной на кухню, наблюдал с порога, как я достаю из холодильника бутылку вина. Я прямо физически чувствовала, как он смотрит мне в спину, открыла бутылку и налила себе полный бокал.

– Пить будешь, Джеймс?

Он не ответил.

Я поставила бутылку обратно в холодильник. В холодильнике царил легкий беспорядок, я переставила местами упаковки с ветчиной, с молоком и полупустые банки с консервированной фасолью.

– Что ты там делаешь?

Голос Джеймса, казалось, физически порезал меня. В ответ я пробормотала что-то бессмысленное, вроде того, что хорошо, когда холодильник чистый и разум чистый тоже, – сняла защитную пленку с куска сыра, потом снова завернула этот кусок в пленку, более плотно, положила его в верхний ящик в двери холодильника.

– Сью, прекрати трахать мне мозг холодильником и посмотри на меня.

Я медленно повернулась к Джеймсу, глядя на покрытый плиткой пол.

– Посмотри на меня, – снова попросил Джеймс.

Я глотнула еще вина и заставила себя посмотреть на Джеймса. Волна страха прошла сквозь меня, как только наши взгляды встретились. В глазах Джеймса не было ни капли тепла, ни капли юмора, ни капли любви. Он смотрел на меня холодно и бесстрастно, словно видел впервые.

– Пойдем в гостиную, – я говорила почти шепотом. – Нам надо поговорить.

Джеймс развернулся на каблуках и проследовал прочь из кухни. Я шла следом за ним, задержалась в коридоре, чтобы допить вино, а Джеймс в это время уже был в гостиной. Я едва успела перешагнуть порог комнаты, когда он схватил меня за шею и прижал к стене.

– Я знал, что ты мне изменишь. Ты, маленькая грязная шлюха!

– Джеймс! – бокал из-под вина выпал из моей руки, как только я почувствовала, что он меня душит. Я вцепилась в эту ужасную руку,

пытаясь разжать его пальцы, но Джеймс был сильнее. – Джеймс, я не могу дышать!

– Никто не будет любить тебя сильнее, чем я! – Верхняя губа Джеймса натянулась, ноздри раздулись, как у дракона. – Никто!!!

– Прошу тебя... – я снова вцепилась в его руку, скребя каблуками по полу. Я пыталась хоть как-то опереться, хоть на что-то. Но только мысками теперь доставала до пола, Джеймс приподнял меня. – Джеймс, прошу тебя, ты меня задушишь!

– Ладно, – он приблизил лицо к моему, обжигая дыханием мою щеку. Я чувствовала, что он вспотел, кожа была потной. – Но ты тоже причиняешь мне боль.

– Я тебе не изменяла, Джеймс. Я клянусь. Клянусь жизнью моей мамы. Могилкой отца.

Джеймс отпустил меня и посмотрел сузившимися глазами, улыбаясь. Секунду я думала, что он меня все же придушит, но он тут же впился губами в мои губы, так сильно вжимаясь в них, что все во рту у меня просто потеряло чувствительность. Рукой он сжал мою грудь, и потом, когда я было решила, что на этом все закончится, он потащил меня через всю комнату. Ногами я зацепилась за столик для кофе, но он этого не заметил. Джеймс притащил меня к софе и кинул на нее лицом вниз.

– Джеймс, – я съежилась на софе, в то время как он приближался ко мне, а в глазах у него стояло то же мертвое безразличное выражение, какое я заметила еще на кухне. – Джеймс, прекрати. Я тебе не изменяла, я клянусь...

Джеймс замер и рассмеялся. Он смеялся странно, хватаясь за живот, потом снова придвинулся ближе.

– Ты? – хмыкнул он. – Изменила бы мне? Слушай, это... – он снова рассмеялся, – ты давно последний раз смотрела на себя в зеркало? А? Да кто на тебя польстит, толстозадая сука?

Я видела проявления его плохого настроения, видела, как ему было горько, видела, когда он был настроен критически и был злым, но сейчас он находился в каком-то маниакальном состоянии, и это было в новинку. Я не узнавала Джеймса, словно ко мне в квартиру ворвался какой-то незнакомец.

– Я рад, что ты захотела поговорить, – смех прекратился столь же внезапно, сколь внезапно он начался. Джеймс выпрямился и снял с себя одежду. – Я тоже хотел с тобой перекинуться парой слов. Не складывается у нас, Сьюзи-Сью. Нам лучше расстаться.

И он замолчал.

Он ждал, как я отреагирую, но я никак не могла повести себя так, как он хотел. Заплакать? Умолять его не бросать меня? Согласиться? Я была напугана, могла сказать что-то не то, поэтому решила вообще ничего не говорить.

– Ага, – сказал он после того, как прошла, казалось бы, вечность. – Никакой реакции. Никакой реакции на слова мужчины, которого ты, по твоим же словам, любишь больше жизни, когда он говорит тебе, что хочет тебя оставить. Как странно. Не так я думал, ты себя поведешь. Не так повела бы себя влюбленная женщина.

– Я, Джеймс, люблю тебя, но...

– Врешь! – он бросил это слово мне прямо в лицо, как пощечину, я закрыла глаза руками, стараясь свернуться в комочек. – Врешь!!!

Я почувствовала его пальцы на моем левом запястье и на один ужасный момент подумала, что он сейчас сломает мне руку, но тут я ощутила острое покалывание на безымянном пальце и поняла, что он делает. Внимательно оглядела свои руки, высвободившись из его хватки, когда он вскочил с софы и кинулся к окну, распахнув его. Снаружи шумели автомобили.

– О бабушка, – Джеймс держал кольцо в вытянутой правой руке, двумя пальцами сжимая его. – Мне так жаль. Действительно жаль. Мне казалось, что я и правда встретил ту самую женщину, которая станет моим другом в душе. Но она не любила меня, бабушка. Не так, как клялась. – Джеймс подавил подступившее рыдание. – Так что теперь самое время с ней попрощаться, и не только с ней, но и с твоим кольцом тоже. Прости, что подвел тебя, бабушка. Я так старался. Я и правда очень старался.

Я в страхе следила за тем, как Джеймс махнул рукой. Он собирался выбросить кольцо, семейную реликвию, в окно. И в том была только моя вина.

– Нет! – Я вскочила с софы и, хромая, направилась к Джеймсу, протягивая к нему руки. – Джеймс, не нужно. Твоей бабушке не понравилось бы...

Но было слишком поздно. Кольцо выпало из рук Джеймса в окно, приземлилось на дорогу – как раз перед приближающейся машиной.

– Еще можно успеть, – я схватила Джеймса за руку, – можно вытащить его, оно, должно быть, не так сильно повредилось.

– Ты, хапающая деньги шлюха, – он оттолкнул меня, а я, не удержавшись на ногах, упала на ковер. – Тебе наплевать на меня, но ты хочешь сохранить свое бесценное кольцо, да? Так вот у меня для тебя

новости, моя дорогая золотолубительница, – он наклонился и притянул меня за подбородок, заставляя посмотреть на него. – В том кольце не было ни алмазов, ни сапфиров, оно вообще никогда не принадлежало моей бабушке. Я купил этот дешевый кусок дерьма на блошином рынке в Камдене. О, видела бы ты свое лицо сейчас! Ты похожа на драную дворовую кошку, которая сунула нос в миску со сливками, но осталась ни с чем. И ты еще притворяешься интеллигенткой? Честно скажи.

Он оттолкнул меня.

– Мама сказала, что я заслуживаю лучшей женичины, чем ты. Чем какая-то официантка со швейной машинкой, и она была права! – Джеймс потряс головой. – Бедная моя матушка, подумать только, я почти забыл про нее, проводя все время с тобой! С тобой! Все же правду говорят, что толстые девки легко дают.

Он снова наклонился и пробежал пальцем по моему подбородку, прихватывая небольшую складочку кожи на моей шее.

– Ты со своим следующим мужиком ноги так быстро не раздвигай, мой тебе совет. Может, он тогда будет тебя больше и дольше уважать.

Я просто смотрела на него, ничего не говоря. Чувствовала себя совершенно опустошенной, словно внутри меня не осталось никаких вообще эмоций. Словно кукла, которой назначили роль Сьюзан, и в то же время я ощущала себя зрителем всего этого кошмара.

– Что же ты не плачешь-то? – Джеймс грубо потер под моими глазами, выискивая слезы. – Ни слезинки в ответ на то, что тебя бросает любовь всей твоей жизни? – Он распрямился, кивнул в мою сторону, потом развернулся и вышел прочь из комнаты. Полминуты спустя я услышала, как хлопнула входная дверь.

Глава 18

– Видите ли, господин доктор, ей в последнее время нездоровилось.

Мы сидим в приемной у врача на Вестерн-роуд, это офис доктора Тернер, – Брайан сидит слева от меня, я справа от него, а между нами – доктор за столом. Рыжие волосы завязаны в хвост на макушке, а на шее – несколько цветных полосок ожерелья.

– Вижу, – она кивает, внимательно смотрит на меня. Она ни разу не опустила глаза с тех пор, как Брайан начал говорить. Он рассказывал ей о том, как я вела себя в последнее время. О том, что говорила, что делала.

– Я здесь только потому, что у меня случилась паническая атака, – говорю я.

Доктор Тернер склоняет голову на плечо.

– Только из-за панической атаки?

У меня такое ощущение, что она хочет добиться от меня признания еще в чем-то, кроме панической атаки. Что я ее очень разочарую, если не признаюсь в чем-то еще, но она все равно ободряюще мне кивает.

– Да, именно так, – продолжаю. – Я бы вообще не приехала, если бы парамедики не посоветовали мне провериться.

– Понятно. – Доктор отворачивается и что-то печатает на компьютере. – Значит, вас не сильно беспокоит то, как вы себя чувствуете в последнее время? Все у вас стабильно в эмоциональном плане, вы в этом уверены?

– Вообще, да. Нет. Видите ли... я просто в последнее время очень эмоционально нестабильна. Моя дочь в коме.

– Наша дочь, Сью.

Я смотрю на Брайана. В последний раз это он привозил меня к доктору, держал за руку, не отпуская, всю дорогу и весь прием. А сегодня ни разу не дотронулся до меня, – говорю это не для того, чтобы обвинить его в чем-то, только не после всего, что он пережил из-за меня.

– Наша дочка, да, – я исправляюсь.

– Понятно, – доктор Тернер приподнимает брови. – И долго вы уже в таком состоянии?

– Семь недель, – говорю я, – пять дней и... – смотрю на часы, но вижу, как Брайан отрицательно качает головой, останавливая, и слова застывают у меня в пересохшем рту.

– Так, получается, вы пребываете в состоянии стресса около двух

месяцев, Сью?

Я согласно киваю.

– И все эти симптомы... они проявились только тогда, когда с вашей дочерью случилось несчастье?

– Да, – говорит Брайан, не давая мне возразить слову «несчастье», – Сью очень тяжело переживает произошедшее с Шарлоттой. Впрочем... – он бросает взгляд в мою сторону, – наверное, все началось в две тысячи шестом году.

Доктор издает долгий низкий звук вроде «хмм», и смотрит на экран компьютера.

– Две тысячи шестой, – ее взгляд бежит слева направо, потом она поворачивается ко мне. – Вам тогда диагностировали посттравматический синдром, Сью?

– Именно.

– И как он проявлялся?

– Наваждения, – отвечает Брайан, – тремор, паранойя, сердцебиения, проблемы со сном.

– Сью, – доктор Тернер повторяет мое имя громче, – вы согласны с тем, как ваш муж описывает происходившее с вами?

Смотрю на свои руки. Не хочу даже думать о две тысячи шестом годе. Слишком больно, не могу без слез вспоминать, через что пришлось пройти Брайану и Шарлотте.

– Да, – говорю я, – он говорит правду, все было так.

– И вам прописали лечение, которое...

– Оказалось чертовски неэффективным, – взрывается Брайан, – сказали, что это будет разговорная терапия. Боже ты мой! С таким же успехом она могла бы съездить в Висконсин и поболтать с...

– Прошу тебя, – кладу Барайну руку на колено, – прошу, не стоит...

– Но ведь не сработало, Сью? Не сработало же? Тогда казалось, что работает, но... – он смотрит на доктора и широко разводит руки в разные стороны, – оно просто не сработало, это лечение, иначе она бы не сидела тут, страдая, не так ли?

Хочу сказать мужу, что у меня нет наваждений, что Джеймс Эванс, тот самый Джеймс Эванс, из моего прошлого, знает теперь, где мы живем, и что нам опасно оставаться в доме, но если я скажу об этом, он решит, что я сошла с ума. Еще больше помешалась, чем раньше. После инцидента в школе я не могла отказаться от посещения доктора, особенно потому, что парамедики пришли – единогласно – к выводу, что у меня был приступ панической атаки. Я испугалась, что синдром возобновится и его сочтут

причиной того, что я бежала по коридору школы, выкрикивая, что учитель по бизнес-коммуникациям представляет опасность для учеников. Мне пришлось согласиться приехать к доктору. Скажем так, ради репутации Брайана не в последнюю очередь.

– Сью, – доктор наклоняется в мою сторону, чтобы Брайан понял, что вопрос звучит для меня и только для меня. – Как вы сами опишете то, что чувствуете? Час за часом. Сейчас?

Несколько раз моргаю, стараясь переварить вопрос. Ответ требуется пресерьезный.

– Не слишком напрягайтесь. Просто произнесите первое, что придет на ум.

– Мне страшно, – говорю я, – нервничаю, беспокоюсь, паникую. Нервничаю, я уже говорила, да? – Стараюсь не замечать, как Брайан кивает в такт моим словам. – Напугана, устала, встревожена.

Доктор тоже кивает, не отводя взгляда от моего лица. Мне кажется, она понимает, что, если Брайан выйдет из комнаты, я смогу рассказать ей о своих страхах насчет Шарлотты, о том, почему боюсь Джеймса, и она просто успокоит меня – одним кивком всезнающей докторской головы...

– А эти переживания, они... затмевают собой все, да, Сью?

– Да.

Она кивает.

– А как вы хотели бы себя чувствовать?

– Я хотела бы успокоиться, перестать бояться, стать счастливой, уверенной. Цельной.

– Цельной? – Доктор хмурится.

– Да, – говорю я, – цельной. Я чувствую, словно распалась на несколько частей. Сердцем я с Шарлоттой, сижу у ее кровати, держу ее за руку, даже если я не в больнице, – все равно я как будто там. Но мысли мои полностью заняты моим бывшим мужчиной, – на этой фразе Брайан вздрагивает, – я пытаюсь понять, каким будет его следующий шаг и как я могу защитить от него свою семью.

– Понятно, – еще один кивок докторской головы, но на сей раз она что-то записывает в компьютер. Когда снова смотрит на меня, выражение на ее лице уже совсем другое. Сострадание сменилось профессиональной гримасой. Вежливая неулыбающаяся маска, которая должна меня успокоить.

– Я могу прописать вам таблетки, – говорит доктор, – чтобы вы справились с приступами беспокойства. Они притупят эмоции, и вы сможете трезво действовать, справиться с ситуацией.

Лицо Брайана просветляется, он хочет что-то сказать, но доктор Тернер останавливает его взглядом.

– Мы можем попробовать вариант с таблетками, – говорит она, – но я бы порекомендовала сочетать медикаменты с терапией. Некоторые виды лечения, например терапия когнитивного поведения, могут быть особенно полезными, когда речь идет о посттравматическом синдроме. Что вы обо всем этом думаете, Сью? Вы хотели бы, чтобы я договорилась со специалистом о вас?

Не знаю, что ей ответить. Чувствую себя ужасно, словно бедного доктора обманом заставили думать, что я не в себе, в то время как я абсолютно здорова.

– Нет, – говорю я, и Брайан громко вздыхает, – я имею в виду, нет терапии. У меня нет времени расслаиваться и болтать обо всем этом...

– Терапия, она больше, чем просто сидеть и болтать, Сью. Вы будете говорить о том, о чем думаете.

– Я ценю это. Правда. Но мне хватит тех таблеток, которые вы прописали, хорошо?

– Да, конечно, – брови у доктора Тернер вздернуты, но она, кажется, все же довольна результатом. Поворачивается к компьютеру, несколько раз кликает мышкой. Через пару секунд подходит к принтеру и вынимает оттуда зеленый листок с рецептом.

Ко мне приближается Брайан и кладет руку на мое колено.

– Ты все правильно делаешь, Сью.

Он улыбается, в его глазах я вижу облегчение.

Я вполуха слушаю, как доктор говорит мне о лекарствах, поясняя, когда и как я должна их принимать, что может произойти, если я приму алкоголь или одновременно разные виды таблеток. Объясняет, какие могут возникнуть побочные эффекты, а потом предлагает назначить встречу через шесть недель, чтобы посмотреть, есть прогресс в лечении или нет.

– Возможно, вы к тому моменту передумаете насчет терапии, – добавляет доктор Тернер. – Если и впрямь так случится, просто дайте мне об этом знать.

– Возможно, – беру из ее рук рецепт, складываю вдвое, кладу в сумку. Доктор улыбается легкой улыбкой, коротко кивает Брайану и отходит к шкафу, чтобы взять какую-то книгу. Все, прием окончен.

– Поехали, родная, – Брайан берет меня за руку, нежно сжимает ее, – заедем в аптеку и все там купим, – он слегка подталкивает меня и смеется. – Сделаем из тебя образцовую жену, а?

Четверг, 31 мая 1991

С тех пор как мы с Джеймсом расстались, прошло уже около двух месяцев. Хеллс говорит, что время – лучший лекарь, но сейчас мне намного хуже, чем в тот день, когда мы разошлись.

Я несколько часов проплакала после того, как он ушел, не ела, не могла спать, просто сидела на полу в гостиной и пила вино, закусывая его сигаретами, пока не потеряла сознание. Я не знала, какой день недели на дворе, очнулась лежащей лицом на ковре, облитая остатками красного вина, но мне было наплевать. Мне хотелось заснуть вечным сном.

Глубоко внутри я понимала, что расстаться с Джеймсом было лучшим решением, и малая часть меня вздыхала с облегчением, что все закончилось, но другая часть болела так, словно ее разрезали по живому. Даже после всего того, что случилось, даже после того, как он швырял меня по квартире, срывал обручальное кольцо и называл ужасными словами, я не могла выбросить его из головы. Стоило мне закрыть глаза, я видела, как он стоит у входной двери, в глазах у него – боль, а я вырываюсь из его объятий и спешу на кухню. Может, именно это вызвало его ярость, – словно я его оттолкнула?

Наутро после произошедшего я разговаривала с Хеллс, она вздыхала, когда я описывала ей, как Джеймс прижал меня к стене, и тогда Хеллс сказала, что, если я еще хоть раз начну извиняться за свое поведение по отношению к Джеймсу или винить во всем себя, она со мной просто больше ни разу не заговорит, и все. Потом она посоветовала мне обратиться в полицию. Я знала, что она просто беспокоится за меня, но ее просьба меня взбесила. Джеймс не был преступником. Он много выпил и боялся, что я спала с другим. Да, повел себя слишком грубо, потерял над собой контроль, но он фактически не избивал меня. И к тому же он приятельствовал с половиной офицеров полиции района, так что какой смысл?

Они просто займутся этим спустя рукава и отпустят его на все четыре стороны. Особенно учитывая тот факт, что на мне не было ни царапинки.

Разумеется, Хеллс я ни словом обо всех своих соображениях не обмолвилась. Ну, или реальной причиной, по которой я отказывалась идти в полицию, было то, что я все еще надеялась – к концу дня Джеймс

окажется на моем пороге с букетом красных роз и извинениями. Но он не приходил. Даже не звонил. И я пила и курила, пока не засыпала, уже вторую ночь подряд.

В воскресенье пришли Хеллс и Руперт, чтобы повидать меня. Хеллсхватило одного взгляда на мои отеки, с красными синяками под ними глаза, чтобы сразу же направиться со мной в ванную комнату и заняться починкой моего лица с помощью каких-то волшебных лосьонов, которые она принесла с собой в сумке. Не обошлось и без консилера «Touche Eclat». Когда я вышла из ванной, похожая на рыбу иглобрюха – только с накрашенными губами, – Руперт вручил мне чашку очень сладкого чая и велел выпить очень быстро, потому что они с Хеллс везут меня на воскресный ланч. С их стороны было весьма мило, но я не вынесла того, как люди вокруг пялились на меня, и после долгих извинений уехала домой через час.

Хеллс и Руперт часто приезжали ко мне в те несколько недель после нашего с Джеймсом расставания. Один из них непременно звонил раз в день, они старались вытаскивать меня куда-нибудь – в кино, в пивную, к ним домой на обед – два или три раза в неделю. Не уверена, что помню, по какой причине мы снова стали отдаляться друг от друга. Возможно, это началось после того, как Руперт и Хеллс провели выходной в Греции, может быть, тогда, когда Руперту пришлось подолгу и часто задерживаться на работе, или просто тогда, когда я перестала всякий раз реветь при упоминании имени Джеймса и мои друзья сочли, что я преодолела кризис. В любом случае я перестала выходить из дома так часто, как это случалось раньше, и вот тогда-то стало гадже всего. Ночью, лежа в кровати, я перебирала в уме все детали отношений между мной и Джеймсом, пытаясь хоть как-то понять, в какой момент все пошло не так, уловить секунду, когда магия между нами испарилась. На меня накатывали чувства вины и сожаления – если бы я не рассказала ему о своей сексуальной жизни на нашем втором свидании, он бы думал, что я прекрасный ангел. Если бы не поведала о Руперте, возможно, мы четверо стали бы лучшими друзьями. Если бы я заставила его покинуть пивную на пару часов раньше, возможно, его мама не возненавидела бы меня до самых кишок. Мне хотелось промотать время назад, вернуться и сделать все иначе, сделать все ЛУЧШЕ. Возможно, тогда я не чувствовала бы, что потеряла любовь всей моей жизни.

Чем больше я размышляла, тем сильнее жалела себя и тем более несчастной и жалкой становилась, и тем больше пила. Я сидела у телефона, время от времени поднимая трубку, чтобы проверить,

работает ли он, и периодически набирала номер Джеймса. Первые несколько раз я попадала на его маму, она отвечала, что Джеймса нет дома. Когда я позвонила снова, трубку повесили сразу, только услышав в ней мой голос и ничего не сказав в ответ. На пятый день безрезультатных звонков Эвансы сменили номер.

Я стала выдумывать поводы, чтобы не ходить на работу, особенно по воскресеньям. Я знала, что в этот день актеры приходили выпить после репетиций. Я сбилась со счета, сколько раз выдумывала расстройство живота, мигрень или необходимость мчаться на север, чтобы повидать маму, и когда я возвращалась на работу, клиенты спрашивали, что с моим лицом и куда делась моя улыбка. На прошлой неделе зазвонил телефон. Я сняла трубку, уверенная, что звонит Джеймс сказать мне, что соскучился, но нет, это был Стив из Театра Эбберли. Он и другие актеры в это время заседали в пивной и вовсю обсуждали мое мистическое исчезновение. Они выяснили, что мы с Джеймсом расстались, узнали они это из-за того, что Джеймс выглядел очень неважно (я была рада слышать такое) и замолкал, как только кто-нибудь произносил мое имя в его присутствии. И они просто хотели проверить, все ли в порядке (и заодно узнать, готовы ли их концертные костюмы). Над последним пунктом я рассмеялась, а Стив сказал, вот видишь, я им тоже говорил, что ты не утратишь чувство юмора.

– Давай, приезжай к нам. Мы по тебе соскучились.

Я была тронута этим, но сказала «нет», к тому моменту я уже разделалась с половиной бутылки вина, с удовольствием слушала, как поет Нина Симон, и курила. Стив сказал, что это, конечно, лучший способ провести вечер, он тоже не отказался бы от выпивки и сигарет. Я пыталась свернуть беседу, но Стив настаивал и настаивал, пока наконец я не сдалась и не назвала свой адрес. Через пару часов после этого разговора мы со Стивом оказались в постели.

Секс был так себе, как любой пьяный секс, и когда он прижал меня к своей безволосой потной груди, признаваясь, что он годами, оказывается, мечтал обо мне и что Джеймс – полный дурак, раз дал мне уйти, я изо всех сил старалась не плакать. Я-то полагала, что секс с другим, особенно с тем, кого презирал Джеймс, поможет мне изгнать, скажем так, его дух из моей жизни, но не тут-то было. Я стала скучать по нему еще больше. Стив был полной противоположностью Джеймса. Он был среднего роста, худенький, без пышной растительности на теле, горел таким еще юношеским огнем, в свете которого я ощущала себя поношенной и просто старой. Я не возбуждалась, когда он смотрел на меня, никакой страсти,

когда он целовал меня, и во мне ничего не дрогнуло, когда он свернулся у меня за спиной, уткнувшись мне носом в шею. Я, наоборот, почувствовала себя еще более одинокой, чем если бы была одна.

Следующим утром от него оказалось не так-то просто избавиться. Я видела, как сильно он расстроился, когда я отвергла его предложение позавтракать в соседнем кафе или хотя бы вместе сходить в ближайший супермаркет, – я сослалась на ужасную головную боль и просто хотела снова пойти и лечь в постель, одна. Он хотел было пойти со мной, чтобы просто вздремнуть, но от одной мысли о его обнаженном теле меня передернуло. Я, наверное, была груба, очень быстро и недвусмысленно объяснив, что хочу остаться одна, и практически вытолкала его за дверь. Стив шагнул на тротуар, но обернулся. Наши взгляды встретились.

– Он не заслуживает тебя, и ты это знаешь, Сью.

Я потрясла головой.

– Не пойму, о чем это ты.

– Я не идиот, Сью, – Стив засунул руки в карманы джинсов, вдруг он показался мне совсем мальчишкой. – Знаю, что ты все еще любишь его, но я просто думал... я понадеялся, что если ты проведешь время со мной, с тем, кто по-настоящему тебя ценит, и с тем, кто никогда не будет с тобой жесток, тогда, возможно, ты... – на этом он прервался и встряхнул головой. – А, не важно. Береги себя, Сьюзан. – Он коснулся моей руки. – Пожалуйста.

Глава 19

Брайан сидел со мной, как с ребенком, четыре дня подряд. Я снова и снова говорила, что ему надо ехать на работу, потому что я же не сумасшедшая и ничего такого глупого не натворю, но он просто не слушал меня. Он продолжает повторять, что сидит он тут вовсе не из-за того, что я сумасшедшая, а потому, что я должна отдохнуть после нескольких месяцев стресса, а он лишь наблюдает, чтобы убедиться, что я нормально отдыхаю и прихожу в себя.

– Время пить таблетки! – говорит он, влетая в гостиную с чашкой чая в одной руке и маленькой белой тарелкой с таблетками в другой, причем я не могу отличить одну таблетку от другой.

– Ах, Брайан...

– Ты обещала, Сью, – говорит он, ставя дымящуюся кружку чая на столик около меня и протягивая мне таблетки. – Ты и доктору обещала, что станешь принимать лекарства.

Улыбаюсь мужу, беру коробочку с таблетками, вынимаю две маленькие белоснежные таблетки и кладу их на ладонь левой руки. Стараюсь относиться к происходящему без лишних эмоций. Да, эти штуки помогут мне стать спокойнее, так сказала доктор Тернер. Вращая в руке коробочку с таблетками, создаю небольшой грохот: таблетки внутри сталкиваются друг с другом. На что может быть похоже спокойное житье? Когда не беспокоишься? Когда чувствуешь себя в безопасности и ничего не боишься? Я так давно этого не чувствовала, что уже и забыла.

– Выпей воды, – говорит Брайан, внезапно вставая с места. Через пять минут он возвращается, неся в одной руке стакан воды, а в другой газету.

– Держи, – добавляет он, ставя стакан на столик рядом со мной, и многозначительно поглядывает на три таблетки, которые все еще лежат на моей ладони. Я сжимаю кулак. Раньше я уже принимала похожие таблетки. Эффект возникает быстро. Через час после того, как проглотить их, чувствуешь себя более расслабленной, не хочется делать лишних движений, словно становишься облегченной версией самой себя. Настолько облегченной, что я едва ли смогу в таком состоянии защитить свою семью.

– Брайан, – говорю я, – мир ведь не рухнет, если я не приму все сразу...

Но тут меня прерывает звонок стационарного телефона.

– Черт подери, – по лицу Брайана пробегают раздражение, – возьму, это может быть очень важный звонок.

– Да, конечно.

Я остаюсь на месте, сижу в центре софы. В левой руке держу стакан воды, в правой – таблетки, слушаю, как Брайан несется по лестнице. Наступает короткий миг абсолютной тишины, а потом муж берет трубку, и до меня доносится его низкий голос. Пауза. Потом снова его голос, на сей раз чуть громче, а следом слышу его шаги, когда он возвращается ко мне в комнату.

– Черт бы их всех побрал! – Брайан влетает в гостиную и валится в кресло.

– Плохие новости?

Муж подается вперед и роняет голову на руки, но ничего не отвечает. И я тоже молчу. За шестнадцать лет вместе я научилась давать Брайану свободное пространство, когда он в плохом настроении, так он быстрее приходит в себя.

– Хммм, – Брайан смотрит на меня сквозь пальцы и трясет головой. – Не могу, нет, не могу. Это так несправедливо.

– Что случилось?

– Они хотят, чтобы я приехал. Идет голосование по поводу ветровых турбин, я нужен им там.

– Ну так и поезжай! Я буду в порядке.

– Нет, – Брайан снова трясет головой, – тебе здесь я нужнее.

– Брайан, я честно-честно буду в порядке, у меня, в конце концов, есть Милли, она составит мне компанию. И кроме того, если ты уедешь до полудня, я смогу спокойно посмотреть викторину «Сделку?!» без твоих комментариев. Ты же обычно любишь поносить телевидение, говоришь, что на свете просто не существует никаких позитивных вибраций.

Брайан кривится.

– Ну я не всегда такой.

– Нет, именно такой! – я смеюсь. – Иди уже! Я позвоню, обещаю тебе, если что-то понадобится или случится. Но ничего не случится, – я быстро добавляю.

– Уверена?

– На все сто! Со мной все будет в порядке.

Брайан встает, пересекает гостиную и целует меня в лоб.

– Я постараюсь вернуться как можно скорее, но ты сама знаешь, как такие поездки непредсказуемы по времени.

– Просто поезжай, и все. Увидимся позже.

Смотрю, как он выходит из гостиной, и уже готовлюсь встать сама, как он вдруг возвращается. Он смотрит на стакан воды, который – полный – стоит на столике рядом со мной.

– Ты лекарство приняла?

– Да, – говорю я, широко улыбаясь, в то время как маленькие белые таблетки спокойно лежат в щели между диванных подушек. – Проглотила и едва заметила.

* * *

Через десять минут после того, как машина моего мужа уехала, я сажусь в свой «Фольксваген-Гольф», но вместо того, чтобы ехать на станцию, как Брайан, я направляюсь на Уайт-стрит и ищу, где бы припарковаться у дома Эллы Паркер.

Мне хорошо видно Эллу: вот она бежит через дорогу, на плече у нее – школьный блейзер, в руке – сумка, она почти волочится по тротуару. Последние несколько дней я чуть не умерла от бездействия, запертая наедине с Брайаном у нас дома. А мне позарез нужно знать, куда Шарлотта и Элла ездили в тот день, когда не ночевали дома.

– Блин, – Элла замечает, что я слежу за ней.

– погоди! – я окликаю ее, когда она закидывает сумку на плечо и буквально мчится к дому. – Элла, подожди!

Я выскакиваю из машины и гонюсь за Эллой, она успевает распахнуть ворота и со всех ног мчится по садовой дорожке.

– Элла, я в курсе насчет того, что вы с Шарлоттой всех обманули и не поехали с мистером Эвансом в Лондон.

Элла замирает, спиной ко мне, ключ так и остался в замке входной двери.

– Вчера я говорила с мистером Эвансом, я все знаю.

Элла не шевелится.

– Если ты мне сию же секунду не скажешь, куда вы с Шарлоттой ездили, я все расскажу твоей матери.

– И что? – Элла медленно поворачивается ко мне. Глаза у нее превратились в щелочки. – Она вам все равно не поверит. Она думает, вы съехали с катушек. Так все думают.

– Да ну? – Стараюсь в этот момент не думать о слухах, которые циркулируют обо мне в школе и за ее пределами. – И я знаю, что ты врала об отравлении.

– Нет, не врал. Мы действительно были здесь весь тот уик-энд, в моей комнате. Шарлотта вам ничего не сказала об отравлении, потому что тогда пришлось бы сказать, что она была в «Нандос», а вы назвали бы ее толстухой и заставили бы снова сесть на диету.

– Это не в моем стиле, Элла.

А эта девочка умна: пытается сбить меня, выбрав тактику нападения.

– Элла, значит, если я спрошу твою маму про тот уик-энд, она легко подтвердит твою версию, да?

– Ее не было с нами. Они с отцом уехали на те выходные.

– Куда?

– Не вашего ума дело.

– Ага, значит, две пятнадцатилетние девчонки остались дома совсем одни, так? – Тут я услышала, как кто-то включил сигнализацию на машине и процокал по садовой дорожке на каблуках. Отличное стечение обстоятельств.

– А вот и твоя мама, – я даже не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, она это или нет. – Давай спросим ее, Элла? Посмотрим, как она оправдается за то, что несовершеннолетних оставлять дома одних – незаконно. Тем более на целых два дня. А там можно и в полицию позвонить...

– Не надо! – Элла во все глаза смотрит по направлению низкой садовой изгороди, туда, где на голубом «Ауди» припарковалась ее мать, высокая худая женщина, и вот она уже идет к нам. – Не надо!

– А почему бы нет?

– Потому что она тогда меня со свету сживет совсем.

– А тогда давай говори, куда вы с Шарлоттой ездили.

Цок-цок-цок. Чем громче цокот каблуков, тем шире глаза у Эллы.

– Нет, нет, – Элла отпрянула от входной двери, словно готовится выломать ее одним броском, – вы же не скажете маме...

– Не скажу.

– Она меня убьет.

– Если не скажу, не убьет. Твоей маме вообще не обязательно знать об этом нашем с тобой разговоре, Элла.

Слышно, как мать Эллы гремит ключами, отпирая скрипучие ворота для машины. Цок-цок-цок. Цок-цок-цок.

– Давай говори сейчас же, – я наступаю на Эллу, – немедленно.

– Мы ездили в ночной клуб «Грейс» в Челси с Дэнни и Кейшей. – Элла торопится, и слова насккивают друг на друга. – Шарлотта познакомилась с футболистом, мне пришлось ехать в Брайтон последним поездом совсем одной. Вот и вся история.

– Ты оставила Шарлотту одну в ночном клубе в Лондоне с мужчиной, которого она встретила только что?

– Да, и мне, между прочим, пришлось ехать по ночному Лондону совсем одной, чтобы успеть на последний поезд и добраться домой. Как бы то ни было, Шарлотта была не одна. Дэнни и Кейша были там.

– А этот футболист, он кто вообще?

– Понятия не имею. Накачанный чернокожий парень. Кто-то сказал, что он играет в Премьер-лиге, но кто знает...

Элла смотрит мне за правое плечо, глаза у нее размером с чайное блюдце.

– Снова вы! – меня окутывает облако «Шанели номер пять», и из этого облака выплывает Джуди Портер, встает рядом со мной. – Если вы снова докучаете моей дочери, я вызову полицию. Это уже домогательство, Сью.

– Мама, все в порядке, – Элла стреляет в меня глазами, – она меня совсем-совсем не беспокоит, ни капельки!

– А что ей нужно от тебя? – Джуди скрещивает руки на груди и плотно, до белизны, сжимает губы. Дожидаясь ответа.

– Она благодарила меня за то, что я вернула ей мобильник Шарлотты.

Что?! Я смотрю на Эллу с удивлением. Так это она подбросила к нам в дом мобильник Шарлотты?

– Правда?

– Да, – я смотрю на Джуди. – Со стороны Эллы это было очень добрым поступком, и самое малое, что я могла сделать, это поблагодарить ее лично, тем более что я оказалась неподалеку от вашего дома.

Джуди опускает руки, перетаптывается на высоких каблуках и недружелюбно оглядывает меня сверху вниз.

– Вы поговорили? Теперь можете идти.

Элла кивает, едва заметно. Этим кивком она как бы просит меня больше не задавать никаких вопросов и просто тихо уйти.

– Тогда я пошла. Приятно было повидать вас, Джуди, Элла...

О мобильном телефоне Шарлотты я подумаю позже. Сначала мне нужно кое-куда попасть...

* * *

Пятница, 8 июня 1991

Джесс, управляющая баром, позвонила мне в среду вечером, чтобы поинтересоваться, прошел ли мой «грипп», и намекнула, фактически ничего не говоря точно, что если я не выйду на работу в четверг, то меня уволят.

У меня не осталось выбора, пришлось выйти. Те небольшие накопления, что у меня были, давно потрачены, а на следующей неделе надо платить за квартиру, и я не знаю, где взять на это деньги.

Дорога на работу в метро была жуткой. С тех пор как я позволяла себе наряжаться в стиле доступных жесниц, которых обычно много стояло на углу нашей улицы, прошла, кажется, целая вечность. Обычно я чувствовала себя очень уверенно в черной юбке, белой блузке, качественных чулках и легких туфлях. Но теперь я оказалась единственной жесницей в вагоне и уже поймала на себе несколько откровенных взглядов. Мне перестало хватать воздуха, подступила паника, когда я увидела, как двое мужчин перемигивались, кивая в мою сторону. Я решила, что они собираются напасть на меня, и выскочила из вагона на первой же станции, так что мне пришлось идти пешком от Клэпхем Саут до Клэпхем Коммон. Я вся покрылась потом к тому моменту, как добралась до работы. Часть пути я просто бежала бегом, чтобы не опоздать. Джессхватило одного взгляда на меня, чтобы сказать:

– Черт, а я думала, что ты прикидываешься больной...

Она попыталась отправить меня домой, но я наотрез отказалась, сославшись на то, что чувствую себя гораздо лучше, чем выгляжу. И что мне очень нужны деньги. Джесс, должно быть, заметила в моих глазах отчаяние, потому что вняла моим доводам и согласилась, но сначала велела мне зайти в дамскую комнату и привести себя хотя бы в минимальный порядок. Спустя пять минут, после того как я умылась холодной водой и просушила промокшую от пота блузку под сушкой для рук, я вернулась в бар.

Моя смена началась так себе: уронила бутылку вина, чуть не разбила очки и опрокинула мусорное ведро, когда несла клиенту горькое пиво. Но было только шесть тридцать вечера, бар еще не наполнился людьми, и Джесс пошла наверх, чтобы заняться счетами, так что мне не было совершенно никакого оправдания в моей халатности. Я периодически посматривала на дверь. Джеймс лишь однажды зашел в бар в воскресенье, судя по словам Стива, с тех пор не появлялся уже месяц. Поэтому с какой стати я боялась, что он вдруг войдет, – непонятно.

Но он таки вошел.

Было около половины девятого. Мой перерыв закончился минут

пятнадцать назад. Я убирала стаканы и пепельницы со столов. Сначала Джеймс меня не заметил, он был очень занят беседой с Мэгги, держал ее за руку, но, когда они дошли до барной стойки, он посмотрел вверх, и наши взгляды встретились.

У Мэгги вытянулось лицо, когда она увидела меня, и она постаралась снова взять Джеймса за руку, привстала на цыпочки и что-то шептала ему на ухо. Говорила она низким голосом, тихо, но мне удалось разобрать некоторые слова, вроде «пойдем посидим где-нибудь в другом месте». Джеймс положил ей руку на плечо, и на секунду мне показалось, что вот сейчас они вместе уйдут из бара. Но Джеймс посмотрел на меня, потрепал Мэгги по плечу и пошел к столику в самом дальнем конце зала.

Я опустила голову и загремела стаканами в раковине.

– Привет, Сьюзан.

Я подняла взгляд, это была Мэгги. Я ей улыбнулась.

– Мэгги, и тебе привет.

– Давно что-то тебя не видно.

– Да нет, – я изо всех сил старалась не смотреть на Джеймса, – я просто приболела.

– О, дорогая, как жаль слышать об этом, – Мэгги была начальником, директором, ни разу не актером, поэтому ее слова были вполне искренними и настоящими – столь же настоящими, как шелковая занавеска в углу зала.

Я должна была спросить, как дела у нее, что они решили со следующей постановкой и когда мне прийти снимать мерки на новые костюмы... но тут она заговорила первой.

– Ты получила мое сообщение на автоответчик?

Я отрицательно покачала головой. Она не звонила мне ни разу с тех пор, как мы с Джеймсом расстались.

– Правда не получила? – Мэгги изобразила удивление. – Странно. Могу поклясться, что правильно набрала номер. В любом случае еще раз извини, мы отказываемся от твоих услуг костюмера. Мой друг порекомендовал шить костюмы в одном приличном ателье возле Кройдона, там у них к тому же хранится много костюмов от старых постановок Би-би-си.

Если брать в аренду эти старые костюмы, получается реально дешевле, чем каждый раз шить новые. Как бы то ни было, – Мэгги избегала моего взгляда, переводя его на холодильник за моей спиной, – спасибо тебе за все, что ты для нас сделала. Ты была прекрасна. Принеси, пожалуйста, бутылку шардоне и два бокала.

Я принесла ей шампанское и бокалы, потом наблюдала за тем, как она

прошла через зал на невероятно высоких каблуках, прижимая к груди ледяную бутылку и бокалы. Джеймс поднял глаза, как только она приблизилась к его столику, но он смотрел не на Мэгги. Он смотрел на меня. Я как можно скорее отвернулась, щеки мои пылали огнем. Злые слезы готовы были вот-вот пролиться из глаз. Несправедливо! Как же несправедливо! Всего два месяца тому назад у меня был бойфренд, который мной восхищался, и работа, которую я так любила, а теперь... теперь у меня нет ничего. Ничего, кроме барной стойки, пореза на руке из-за разбившейся бутылки и блузки, провонявшей потом. Как я умудрилась все растерять, ради чего так много трудилась? Или я не заметила отношений между Мэгги и Джеймсом? Возможно, они уже давно встречаются? Не из-за нее ли он меня бросил раньше, чем я успела бросить его? Все наши с ним отношения были ложью? Все эти слова по поводу его неземной ко мне любви? Вся эта болтовня про родство душ? Он что, все выдумал, как выдумал эту душещипательную историю с бабушкиным кольцом?

Зал наполнился звуками смеха Мэгги и рокотом низкого голоса Джеймса, я не могла этого вынести и сбежала в женский туалет в фойе. Я забилась в кабину, уверенная, что по-настоящему больна, склонилась над унитазом. Но пошли только жестокие сухие спазмы, меня не вырвало. Я подождала еще пару минут, потом, напуганная, что Джесс вот-вот вернется в бар и не найдет меня там, я, посмотревшись на себя в зеркало, промокнула щеки туалетной бумагой и вышла наружу. Пусть Мэгги и отказала мне в работе, за которую и так не платили ни копейки, но отнять эту работу, которая меня кормит, я ей не позволю.

– Ох, – я столкнулась с кем-то высоким и солидным. – Простите...

Но слова застряли у меня во рту. Передо мной стоял Джеймс. Руки он положил мне на плечи и не пускал.

– Ты в порядке? – На его лице читалось беспокойство, в голосе звучала забота. – Я увидел, как ты выбежала, и... – он потрогал мой лоб. – Прости, я не знаю, о чем я думал, когда пошел сюда за тобой. Я ведь больше не твой парень, мне не должно быть до тебя никакого дела. – Джеймс развернулся, чтобы уйти.

Он уже дошел до двери, но обернулся.

– Да пошло оно все к черту! – Джеймс положил руки мне на плечи снова и склонился, чтобы заглянуть мне в глаза. – Я так скучал по тебе, Сьюзи. Словно скучал по самому себе, словно ты – часть меня. Я себя чувствовал так, будто пропала моя собственная тень, или – рука, или даже сердце. Пытался, как мог, заглушить тоску по тебе. Пытался

яриться на тебя, винить тебя, ненавидеть тебя, но ничто из этого арсенала не сработало. – Он стукнул себя в грудь кулаком. – Ни дня не прошло, чтобы я не сожалел о том, что натворил. Ненавижу себя. Действительно ненавижу себя за то, что причинил тебе вред, но мне пришлось это сделать, Сьюзи. Когда ты посмотрела на меня на пороге твоей квартиры, я понял, что время уходить. В твоих глазах больше не сиял свет, не было там никакой любви. Ты выглядела несчастной, и я понимал, что ты так выглядишь из-за меня. Вот почему я ушел, Сьюзи. Чтобы ты снова могла стать счастливой.

Я ему ничего не ответила, потому что была уверена, что стоит мне открыть рот, я разрыдаюсь.

– А когда становилось совсем невозможно, – продолжал Джеймс, – когда я не мог вынести без тебя ни секунды дольше, я представлял тебя на каком-нибудь пляже, рука об руку с милым, симпатичным пареньком, благодаря которому ты снова смеешься, который вернул тебе улыбку, ведь я ее украл, и мне становилось лучше от этой фантазии. Я утверждался в правильности своего поступка.

Я хотела закрыть глаза, чтобы не чувствовать боль, сожаление и ущерб, которые буквально излучал Джеймс, – моргнуть так сильно, чтобы от одного мановения ресниц все исчезло. Мне хотелось обнять его. И хотелось, чтобы он обнял меня. Хотелось, чтобы мы растворились друг в друге. Чтобы весь мир перестал существовать, уснуть и проснуться уже в новой прекрасной жизни. Но я стояла не шевелясь, беспомощно опустив руки.

– Но когда я увидел тебя сегодня, то, как ты стоишь за барной стойкой, твой образ оживил меня и я понял, что я предаю себя. Фантазирую, чтобы только не поймать себя на том, что постоянно думаю, как у тебя дела. – Он рукой коснулся моего лица, и я чуть не задохнулась от тепла его пальцев, проникшего мне под кожу. – И я спрашиваю тебя сейчас. Спрашиваю один только раз и больше не спрошу никогда. И если ты скажешь «да», то я уйду и никогда не вернусь. – Он замолчал и провел пальцем по моим губам, а я напрялась в ожидании поцелуя. Но он отпрянул, словно обжегся. – Ты счастлива, Сьюзи? Ты счастлива, дорогая моя?

Новые горячие слезы отчаяния потекли по моим щекам, когда я отрицательно покачала головой.

– Нет, Джеймс.

Джеймс придвинулся ближе.

– Повтори.

Я снова покачала головой.

– Нет, нет, нет. Я не счастлива. Я еще никогда не была так несчастна, я так по тебе скучала. Я и сейчас по тебе скучаю. Каждую ночь скучаю, когда ложусь в постель, и каждое утро, когда встаю из нее.

– О Сьюзи. – Джеймс обнял меня, прижал мою голову к своей груди. – О Сьюзи, моя Сьюзи. Моя единственная любовь. Никогда тебя больше не отпущу. Никогда, никогда, никогда. Не отпущу тебя.

Я продолжала прижиматься щекой к его джемперу, а руками – обнимать за талию. Я хотела, чтобы этот момент длился вечно. Но пришлось открыть глаза, когда я услышала, как в нашу сторону цокают высоченные каблуки Мэгги. Мэгги просто вышла в дверь и скрылась на улице. Я закрыла глаза.

Глава 20

– Эй! – я нажимаю кнопку звонка и таращусь в камеру наблюдения, которая расположена на полметра выше моей головы. – Я пришла повидать Дэнни Арджента.

Что-то в двери щелкает, потом замолкает. Отступаю от нее на шаг и вытягиваю шею, чтобы было лучше видно. Неоновая надпись над дверью, гласящая, что место называется «Бриз», не горит. Нет электричества, которое и придает волшебство этому куску стекла и пластмассы. Ни разу в жизни нога моя не ступала на порог этого ночного клуба. Да почему именно «этого» – никакого вообще. Около двадцати лет уже как. Джеймс запрещал мне ходить в бары или на дискотеки, пока мы были вместе. Ему эти места напоминали базары, на которых шлюхи торгуют собой. А люди, у которых есть пары и отношения, там не ошивались, по его словам. Я, как могла, пыталась ему объяснить, что мои одинокие подружки не были шлюхами и что я никоим образом не собираюсь ему изменять, но просто хочу повеселиться, потанцевать под музыку. И вот тогда он мне напоминал про нашу беседу, которая состоялась на втором свидании, когда я ему сдуру призналась, что однажды за одну ночь у меня было аж целых пять раз. «Ты мне сказала, что двоих парней ты встретила в ночном клубе, Сью», – говорил он. И возразить было нечего.

Проходит минута, затем другая, и я снова звоню в звонок. Начинаю думать, что затея не удалась. На улице пять часов дня, разумеется, в ночном клубе ни души, но не приехать я не могла. Мне надо непременно больше узнать об этом футболисте, с которым Шарлотта познакомилась в Лондоне. Я должна знать, что он с ней сотворил.

Снова жму на кнопку звонка. «Дэнни, это Сью Джексон. Пусти меня, пожалуйста. Нам и правда очень нужно поговорить».

Снова жму и жму, через примерно тридцать секунд повторяю просьбу пустить, потом со злости бью кулаком в дверь и прислушиваюсь.

В ответ – тишина.

В стенах нет окон, сквозь которые можно было бы посмотреть внутрь. И даже нет щели для писем. Я так надеялась, что Дэнни окажется у себя в офисе, занимаясь бумажной работой, но, похоже, тут вообще ни души, даже официантов нет. Лезу в сумку и достаю мобильник. Собираюсь набрать номер Оливера, когда...

– Сью? Что ты тут делаешь? – над звонком оживает динамик. – Я

сейчас тебя впущу.

* * *

– Итак, Сью, – Дэнни ставит на белый просмоленный столик дымящиеся чашки с кофе, добавляет сливки и итальянские бисквиты, а потом похлопывает по вельветовому сиденью рядом с собой, приглашая меня сесть. Вдоль стен клуба таких сидений насчитывается с дюжину. Три маленьких пуфика, обтянутые темно-красным вельветом, стоят вокруг просмоленных столиков, так что хватит места шестерым. Я даже почти могу себе представить, как эти сиденья и столики будут выглядеть через пару-тройку часов, когда сюда придет компания друзей, чтобы чокаться бокалами, что-то выкрикивать, смеяться и высматривать на танцполе кого-то, достойного восторгов. Годы прошли с тех пор, как в клубах запретили курить, но стены еще хранят запах дыма – особый дым от особых клубных сигарет, а еще к нему примешивается запах пота и пролитого алкоголя.

Сажусь напротив Дэнни.

– Спасибо, что согласился со мной коротко повидаться.

– Вообще не проблема. Любая мама Оливера – это и моя мама тоже. – Дэнни смеется своей удачной шутке, обхватывает руками затылок и потягивается, широко разводя локти, что заставляет его грудь казаться более широкой, чем она на самом деле есть. Думаю, он это специально. Красуется.

– Ну и... – Дэнни опускает руки и поворачивается ко мне. – Чего-то все так загадочно, давайте уже, расскажите, что там.

Голубые глаза, щедрая белоснежная улыбка, волевой подбородок... мне понятно, почему Кейша – да любая молодая женщина на ее месте, – не устояла бы перед ним. Никакого сомнения в том, что он привлекательный молодой человек. Но вот взгляд у него чересчур холодный и колкий, а улыбка слегка перетруженная, чтобы казаться настоящей. Никогда раньше не оставалась наедине с Дэнни, но теперь я понимаю, почему Брайан ему не особо верит.

– Дело в том, что... – начинаю я, – я недавно выяснила, что Шарлотта и Элла не поехали с учителем на школьную экскурсию.

Дэнни было начинает смеяться, но потом останавливается.

– Простите, я был не очень вежлив. Вы, наверное, были в ярости, Сью.

– Да нет, – тянусь за стаканчиком кофе, и как только делаю глоток, по поверхности напитка идет волна. – Хотя сейчас передо мной, возможно,

сидит тот, кто помог им осуществить этот обман.

– О как, – Дэнни выглядит заинтригованным, словно я сейчас с ним буду сплетничать о чем-то очень интересном. – И кто же это такой?

Киваю в его сторону.

– Да вот он собственной персоной.

– Я? – Дэнни в порыве театральной искренности прижимает руку к груди. – Я? – запрокидывает голову и смеется, но, видя мою реакцию (вернее – ее отсутствие), прекращает дурачиться. – Да ерунда какая-то, Сью. Кто бы чего вам там ни сказал, все это ложь.

– Ну, те, кто сказал, были там с тобой.

– Как это? – На ровной линии волос показываются капельки пота, Дэнни быстро стирает их рукой. – Кто был? Глупость какая-то. Я работаю в ночном клубе, да, но я не... я не... не совратитель малолетних школьников!

Ставлю чашку кофе обратно на столик. Сливочная пелена затягивает поверхность стакана.

– Так ты и о клубе «Грейс», который в Лондоне, поди, ничего не слышал?

– «Грейс», который в Челси? – Дэнни весь как-то подбирается и садится более прямо. Конечно, здесь, в клубе, он как бы на своей собственной территории, и ему спокойнее говорить со мной. – Конечно, знаю этот клуб. Это моя работа, я должен знать, куда люди ходят и где круто, а где нет.

– Вот почему ты подговорил Шарлотту и Эллу не поехать на экскурсию с учителем, а вместо этого отправиться в тот ночной клуб? Потому что там «круто»?

– Нет, конечно. Я вообще никого не подговаривал, зачем мне? Это не мой клуб. И, кроме всего прочего, я вообще едва знаком с Шарлоттой. Она младшая сестра Оливера. – Дэнни смотрит мне прямо в глаза. – Надеюсь, вы не подразумеваете, миссис Джексон, то, что вы несомненно подразумеваете?

– А что я подразумеваю, Дэнни?

– Ну... что я... что я какое-то имею отношение к Шарлотте и тому, что с ней приключилось.

– А ты имеешь?

– Да бог мой, нет же! – Дэнни снова бьет себя в грудь, но на сей раз ему можно почти поверить. – Да ни разу! Я же уже сказал, что она младшая сестренка Оливера. Я вообще на нее как на девушку никогда не смотрел. Да и у меня есть Кейша.

– Ага, – осматриваю ночной клуб. Обращаю внимание, что пустует

место диджея, на танцполе и за сияющей барной стойкой пока ни человека. – Но все же тебе показалось забавным захватить двух маленьких девчушек в ночной клуб в Лондон, да?

– Нет! Зачем мне весь этот геморрой? Чего бы я себе выиграл, взяв с собой двух пятнадцатилетних девочек в клуб? – Вдруг Дэнни становится очень рассудительным, очень собранным. – Вы на это намекаете, да? На то, что я охотник на маленьких девочек, да? Если вы...

– Да ни на что я не намекаю. Просто хочу знать, как все было на самом деле. Мне сказали, что ты и Кейша были в «Грейс» в Челси, а Шарлотта и Элла составили вам компанию. А теперь посмотри мне в глаза и скажи, что это не так.

– Это не так, – Дэнни смотрит, не отводя взгляда. – Я даже в Лондоне не был в тот уик-энд. Мы с Кейшей поехали на романтические выходные в... – отвел взгляд куда-то влево, – в Оксфорд.

Понимаю, что врет. Но если стану его упрекать, вообще ничего не добьюсь. Он просто будет врать дальше. Джеймс точно так же поступал.

Смотрю на свои часы. У меня осталось пятнадцать минут на то, чтобы добраться до дома раньше, чем вернется Брайан.

– Ну, раз так... – поднимаю руку, давая понять, что встреча подходит к концу, – спасибо за кофе и за разговор.

Дэнни хмурится.

– Вы уже уходите?

– Да.

– И вы... вы точно в порядке? – Он встает. – Вы мне верите, когда я говорю, что не был в клубе с Шарлоттой и Эллой? – губы Дэнни растягиваются в неприятной улыбке. – Вы не по адресу просто, я тут ни при чем.

Улыбаюсь ему в ответ.

– Скоро снова увидимся, Дэнни. Я тебя еще навещу.

* * *

Спешу к выходу, надеясь, что он не последует за мной, хватаюсь за ручку двери, чтобы открыть ее. И вот она уже почти открылась, когда... упппс! Кто-то резко распахивает ее снаружи, и меня почти отбрасывает к стене.

– О, бог ты мой, простите! Я просто вас не заметила, ой... – в проеме двери появляется лицо. Это Кейша. – Миссис Джексон, что вы здесь

делаете?

– Кейша?

– Идите сюда, – она перешагивает через порог и закрывает за собой дверь, так что я могу кое-как выбраться из невольной ловушки, в которую попала между стеной и дверью. – Вы в порядке? Что-то вы совсем бледная.

Глубоко дышу.

– Просто немного простудилась. Скоро поправлюсь.

– Давайте выйдем наружу. Вам не повредит немного свежего воздуха глотнуть.

Выйдя, мы садимся рядом на узкую ступеньку, теснота вынуждает нас оказаться в неестественной близости друг от друга.

Кейша роется в сумке и достает жеваную пачку сигарет и зажигалку. Протягивает мне.

– Не против, если я закурю?

– Валяй.

Наблюдаю за тем, как она выуживает сигарету из пачки, цепляя ее своими длинными ногтями. Поджигает и сладко затягивается. Двадцать лет прошло с тех пор, как я курила, но я все еще помню тот первый дурманный прилив никотина, когда ты, изжаждавшаяся, приникаешь к сигарете.

– Хотите тоже? – Кейша замечает, как жадно я смотрю на ее сигарету, и протягивает мне пачку.

– Не курю, – но тут же передумываю. – Вообще-то спасибо, возьму одну.

Вставляю сигарету в рот, обкатываю ее языком, как приятный инородный предмет, но в то же время – предмет знакомый. Кейша дает прикурить, и вот я делаю затяжку. Дым обжигает мне горло. Снова затягиваюсь. Сильный аромат. В нем чувствуется что-то химическое, от сигареты горячо внутри, и я вспоминаю свою самую первую сигарету, тогда, в 1984 году, мне исполнилось пятнадцать только что. Прислоняюсь к двери и закрываю глаза, даю никотиновой волне прокатиться по мне. У сигареты ужасный вкус, но кто обращает внимание на вкус? Вставить в рот, вдохнуть, задержать дыхание, выдохнуть, медленно, и вот никотин успокаивающе разливается в крови.

Пока я медитирую с сигаретой, Кейша что-то говорит, но я не улавливаю, что именно. Открываю глаза, стараясь сосредоточиться.

– Что ты сказала?

Она откидывает голову и выпускает изо рта идеальной формы дымное кольцо.

– Не ожидала вас тут увидеть.

Дымное кольцо разрастается и тончает по краям, разрывается и исчезает в воздухе.

Говорю первое, что приходит на ум.

– Приехала поговорить с Дэнни о вечеринке-сюрпризе. Скоро Оливеру двадцать один.

– Как мило! – у Кейши лицо светится изнутри. – А мне вот никто никогда не устраивал вечеринку-сюрприз. Я вообще припомнить не могу, когда в последний раз у меня была вечеринка на день рождения. Должно быть, когда я еще была маленькой, в восемь или девять лет. – На секунду тень задумчивости ложится на ее лицо, но скоро возвращается улыбка. – Хотите устроить эту вечеринку в «Бризе»?

– Вообще-то я думала о «Грейс», о лондонском клубе. Хотела посоветоваться с Дэнни.

Кейша изгибает бровь.

– Я там была, полное дерьмо, надо сказать. И ужасно дорого. Семь с половиной футов за ром с колой.

– Да это понятно, но Оливеру только раз в жизни исполнится двадцать один. И мы с мужем хотели устроить что-то совершенно особенное по этому поводу. – Я тушу свою сигарету, задерживаю дым в легких на пару секунд и выдыхаю. – «Грейс» рекомендовала мне Шарлотта. Еще до несчастного случая, – добавляю я быстро, когда глаза Кейши округляются от удивления. – Она рассказывала, что с тобой и Дэнни в «Грейс» было клево.

– Ага, – Кейша выбрасывает сигарету в сточную канаву. Окурочек недолго светится, затухая, потом становится совсем серым. – Самый роскошный клуб из всех, в которых мне доводилось бывать. В туалетах у них, представляете, специальные женщины, которые мыло выдают вам прямо в руки, если вы заплатите им фунт. Они вас и духами побрызгают, если захотите. Ассортимент у них впечатляет.

– Правда? – я одобряюще улыбаюсь. Надо двигаться дальше. Если я буду ее поддерживать, она успокоится и все расскажет. – Шарлотта говорила, что там бывают всякие знаменитости.

– Бывают, точно, – Кейша обхватывает худенькими руками колени и прижимается к ним грудью. Начинает садиться солнце, холодает. – Поп-звезды, звезды мыльных телеопер, футболисты. Но с ними трудно пересечься, потому что они сидят в отгороженной VIP-зоне.

– А как же тогда Шарлотта познакомилась со своим футболистом? – роняю сигарету на тротуар и топчу каблуком. – Если знаменитости так уж

отделены от всех простых смертных?

Кейша смотрит на меня с удивлением.

– А она вам и про него тоже рассказала?

– А как же. Мы с ней очень близки. Она мне рассказывала все.

– Ух ты, – Кейша снова изгибает бровь. – Так Шарлотта рассказала вам и о том, что потом произошло там?

Я киваю, но при этом молчу. Не понимаю, что произойдет, если скажу что-нибудь. Я же ничего толком не знаю. Кейша внимательно изучает мое лицо.

– Так вы не разнервничались?

– Нет, – я изо всех сил смирю дыхание, потому что от выкуренной сигареты сердце колотится как бешеное. Вот оно, почти рядом, я у цели. Прямо сейчас я могу узнать, что заставило Шарлотту шагнуть под автобус. – С чего бы мне?

В конце аллеи, гонимая ветром, перекатывается пустая жестяная банка из-под колы. Мы с Кейшей обе подпрыгиваем на месте, но это всего лишь банка, и никого вокруг.

– Ну мне пора идти, – Кейша встает, тянется к дверной ручке, глазами она все еще следит за банкой, ей тревожно. – Меня ждет Дэнни, а вам я и так уже наговорила слишком много всего.

– Прошу тебя, – я беру Кейшу за руку. – Прошу, ты должна рассказать, что случилось той ночью.

– А я думала, вы знаете.

– Я знаю, что Шарлотта познакомилась с футболистом, но и все. Прошу, Кейша, скажи, что там произошло.

Она качает головой и открывает дверь, просовывается в нее одним плечом.

– Если я вам скажу, он меня убьет.

– А если не скажешь, Шарлотта может умереть, а я так и не узнаю почему.

Кейша тяжело вздыхает, но останавливается, закрывает дверь и возвращается ко мне. Жду, пока она трясет опустевшую пачку от сигарет, потом комкает ее в руке и бросает в сточную канаву, а потом лезет в сумку за новой пачкой. Срывает с нее целлофан, откидывает крышку, отрывает фольгу и выдавливают одну сигарету. Кажется, все эти простые действия занимают целую вечность. Потом она ищет в сумке зажигалку. И мне уже хочется закричать, так медленно все происходит. В конце концов она вставляет сигарету в рот, поджигает ее и глубоко затягивается. Выдыхает через нос и смотрит на меня из-под полуопущенных ресниц.

– Она переспала с тем футболистом в туалете клуба.

Я смотрю на горящий кончик сигареты, на струйку дыма, которая поднимается вверх от нее и удлиняется, удлиняется, пока наконец не касается пола и не тает.

– Кто этот футболист? – перестая смотреть на сигарету. – Как его зовут?

Кейша пожимает плечами.

– Знать не знаю. Его вроде зовут Алекс, но вот фамилии я не знаю. Иностранец, француз, думаю, француз, да. Чернокожий. Играет за команду «Челси», так кто-то нам сказал. Игрок Высшей лиги в любом случае. Я забыла, как называется его команда.

– Этот крутой футболист, с которым она переспала, Алекс, – чувствую, как слова вываливаются из моего рта подобно кубикам, словно рот – чужой, – как с ним связаться?

Кейша быстро докуривает сигарету, открывает дверь, больше не встречается со мной взглядом.

– Без понятия, простите.

* * *

Жду, когда Брайан ляжет спать, и крадусь в его кабинет, включаю ноутбук. В поисковике печатаю фразу: «Алекс, известный футболист».

Первая же ссылка выпадает на бразильского футболиста, который играет за парижский «Сен-Жермен». Его имела в виду Кейша? Может, она перепутала, называя его французом? Может, имелось в виду, что он просто живет во Франции? Смотрю следующую ссылку. Еще один французский футболист, на сей раз какой-то Александр Дега, но нигде не написано, что он играет за британский клуб. Или это Алекс Саваж? Есть еще Александр Лоран и Оливье Александр, который играет за «Тоттенхэм», но ведь это не он?

Я отодвигаюсь на стуле от стола. Не знаю, о чем я думала, на что надеялась, залезая в Интернет. Хотела найти контакты человека, даже толком не понимая, кто он. Поворачиваюсь сначала влево, потом вправо, прямо на стуле, осматривая кабинет в ожидании того, что ответ на мои вопросы придет сам собой. Но ответ не приходит, поэтому я встаю и иду в комнату Шарлотты. Надо было добиться от Кейши большего, чтобы она рассказала еще немного деталей. Я должна была выпросить, как она узнала, что у Шарлотты был секс в клубном туалете. Это ведь так не

похоже на Шарлотту! Она так долго готовилась к этому с Лиамом, а ведь она от него была буквально без ума! И она ему никогда не изменяла. Я просто представить себе не могу, чтобы она вела себя как-то развязно по отношению к кому-то, кого только что встретила, даже если была пьяна, а этот кто-то оказался известным футболистом, отлично выглядящим...

Поправляю одеяло на ее кровати, потом поднимаю взгляд на постеры, чтобы лучше их рассмотреть, они висят у изголовья. Еще там – страницы, которые она вырывала из журнала «Жара». Тема такая: торс недели – и вся стена завешана изображениями обнаженных по пояс симпатичных мужчин, звезд мыльных опер, кинозвезд, телеведущих и... футболистов. Вот Дэвид Бекхэм, Эшли Коул, Рональдо и кто-то, кого я не узнаю, высокий, смешанной расы мужчина с бледно-кариими глазами, высокими скулами и полными губами. Алекс Генри, так гласит подпись под фотографией. Играет за «Челси». Я буквально мчусь обратно в кабинет мужа.

Вбиваю в поисковую строку Гугла: агент Алекса Генри.

На экране выскакивает ссылка на какого-то Стива Торренса, «международного спортивного агента». Кликаю на его веб-сайт, появляется изображение лысеющего человека средних лет, верхняя губа растянута в полуулыбке, но это можно принять и за насмешку. Я быстро просматриваю его биографию, список его подопечных, а потом жму на ссылку «контакты». Имейл, почтовый адрес в Лондоне и телефон – все это появляется на экране, я записываю их на листочек. Но сегодня уже слишком поздно звонить, запикиваю листочек в кошелек, оставляю его в холле на столе и иду в спальню. Надеваю ночную рубашку в темноте и юркаю под одеяло. Еще очень долго я не могу уснуть.

* * *

– Можете сказать ему, что это дело чрезвычайно срочное?

Женский голос на другом конце провода вздыхает.

– Миссис Джексон, вы звоните уже третий день подряд. Я понимаю, что у вас срочное дело. Вы говорите об этом каждый раз, когда звоните. Я передала мистеру Торренсу, что вы звонили, и если он вам еще не перезвонил, тогда...

Я почти слышу, как она там пожимает плечами.

– Поймите, он очень занятой человек.

– Пожалуйста, – молю я. – Мне жизненно важно передать сообщение Алексу Генри. Моя дочь в коме, и он может ей помочь.

Секретарь мистера Торренса издает звук, похожий на «ох».

– Как мне вас жаль! У меня у самой дочка. Ей пришлось некоторое время провести в детском госпитале на Гранд Ормонд-стрит, ей тогда было семь, и я не отходила от ее больничной койки. Самый прекрасный день для нее там был, когда Ян Уоткинс и Клэр Ричардс^[4] приехали к детям навестить их. Сколько лет вашей девочке?

– Ей тоже семь, – с пугающей меня самой скоростью ложь вылетает из моего рта. – Она буквально живет футболом, как и ее отец, они фанаты «Челси», ни разу не пропустили ни одной игры. Алекс Генри – ее любимый игрок, его портрет висит на стене в ее спальне на самом почетном месте.

– Она не одинока в ее симпатиях, – смеется секретарша, – послушайте, Сью... можно мне называть вас Сью?

– Пожалуйста.

– Сью, послушайте, мне бы вообще не стоило об этом говорить, но... я не большой поклонник благотворительности. Для пиара благотворительность – это хорошо, но одним им счета не оплатишь. Поэтому Стив своим клиентам позволяет делать разовые, но довольно высокие взносы – на лечение раковых больных, ветеранов спорта, в помощь детям, ну всякое такое, вы понимаете. Вам... вам лучше обратиться к Алексу напрямую.

У меня сердце екает в груди.

– Но как?.. Я весь Интернет облазила и нашла только номер Стива.

– Слушайте, – секретарь понижает голос до шепота. – Я могу потерять работу, если станет известно, о чем я вам говорю.

– Я ни словом никому не обмолвлюсь, клянусь! – говорю я, едва дыша.

– Я бы ни за что этого ни для кого не сделала, но сегодня я в хорошем настроении. Мой Шон вчера вернулся из Афганистана, да и потом у вас с дочерью такое приключилось... в общем, если вы хотите найти Алекса, я вам советую приехать в клуб «Грейс» в Лондон сегодня вечером. Он обычно ходит туда по пятницам. Не обещаю, что он согласится навестить вашу малютку, но он может согласиться подписать для нее, например, футболку, или оставить сообщение на мобильный, или что-то в таком роде. Вы сможете ее хоть чем-то порадовать.

– Я могу, конечно, могу! – не могу сдержать своего воодушевления, но совсем не по той причине, по которой она может подумать. – Какая прекрасная идея! Спасибо огромное!

– Меня вам не за что благодарить. Просто пообещайте мне одну вещь, Сью. Нет, две вещи.

– Что угодно.

– Никогда о нашем разговоре никому не рассказывайте и больше сюда не звоните.

– Не стану. Обещаю вам. Спасибо за все... простите, я не запомнила ваше имя.

Она смеется на том конце провода.

– Естественно, ведь я его и не называла. Прощайте, Сью.

Сигнал разъединения звонка пищит у меня в ухе добрых полминуты до тех пор, пока я не кладу трубку на базу. Если она говорит правду и Алекс Генри будет в клубе сегодня вечером, то я смогу с ним пообщаться, но... но как быть, если он окажется в отгороженной части? Симпатичная пятнадцатилетняя девочка вполне может взмахнуть пару раз ресницами и убедит охрану ее пропустить. Ну а что насчет меня? Чем я могу убедить охрану? Что делать невысокой сорокатрехлетней женщине, которая и в ночном клубе-то не бывала уже лет двадцать? И что еще хуже, вдруг я просто не смогу уехать из дома в полдень под предлогом, например, купить журналы? Брайан будет следить за мной, и как, ради всего святого, мне его убедить, что мне полезно будет до утра пробыть в Лондоне?

* * *

Среда, 27 июня 1991

Мы с Джеймсом съехались. Точнее, теперь мы живем вместе с ним и его мамой. Произошло это примерно неделю тому назад. Джесс с работы снова урезала мои присутственные часы. Теперь я появляюсь на работе всего на 15 часов в неделю. И сама оплачивать квартиру, естественно, больше не могу. Я сказала Джеймсу, что попробую работать по специальности (преподавать английский как иностранный), чтобы хоть что-то проносить в дом, но он настоял на том, чтобы я переехала к нему.

– Думай обо всем как о начале новой жизни, – сказал он. – Ну на фиг Мэгги и ее компанию. Тебе должны платить за твою работу. Наша гостиная вполне подойдет для того, чтобы ты могла в ней шить, поэтому располагайся, сшей несколько образцов, чтобы зарекомендовать себя для новой работы, или начни свой собственный бизнес. А я буду платить за квартиру и еду, об этом не беспокойся.

Это было для меня даже слишком прекрасным выходом из положения. Единственное, что меня тревожило, это его мама. Она даже не

спустилась из своей комнаты весь первый вечер моего пребывания в их доме, и то же самое повторилось на следующее утро, когда я вышла позавтракать с Джеймсом в половине восьмого утра. Но на кухонном столе меня ждал список дел, которые я должна была, как Золушка, переделать за день. Надо было сходить в магазин, быть на подхвате, отмыть туалет и все это успеть сделать почти одновременно. Список был сделан от руки, и почерк не был мне знаком.

– Ты же не против, нет? – сказал Джеймс, когда увидел мое изумление. – Ее сиделка, которая обычно делала все это, уехала на неделю, а ты же понимаешь, у мамы артрит и агорафобия...

Артрит? Но она довольно шустро бегала тогда, когда выскочила из комнаты, стоило нам с Джеймсом опоздать на первый ланч. На тот теперь легендарный в моей судьбе ланч.

– И кроме того, – добавил он, – у тебя будет полно времени, ты же работаешь в баре всего ничего часов в неделю, верно?

Я хотела было напомнить ему, что он сам предложил мне, чтобы я организовала свой бизнес и шила одежду, но прикусила язык. Вообще говоря, помочь его матери по дому было в данной ситуации меньшим, чем я могла отплатить за их ко мне доброту. Учитывая, что Джеймсу, конечно, пришлось выдержать битву с мамой за право привести меня в дом. Да и к тому же речь шла всего об одной неделе. Я просто отложу начало своей новой карьеры до возвращения сиделки, и все.

Через девять часов, когда Джеймс вернулся с работы, руки у меня были местами сбиты, а предплечья были словно обожжены крапивой и саднили, но я выполнила все задания по списку и счастливо поставила жаркое в духовку. Джеймс, кажется, выглядел довольным и сказал, что мы с его матерью непременно поладим и он просто мечтает о том, чтобы мы с ней дали друг другу шанс. Правда в том, что я ее весь день не видела ни разу. Я слышала, как скрипели половицы примерно в девять утра, когда мама Джеймса, видимо, пошла в ванную, но и все. Мне она не показалась ни разу ни на секунду. Ко времени ланча я уже забеспокоилась, что она, возможно, больна, и постучала к ней в дверь, чтобы справиться о ее самочувствии, спросить, не хочет ли она поесть домашнего томатного супа и бутерброд с сыром. Она мне из-за двери ответила железным голосом, что она себя совершенно прекрасно чувствует, а еду я могу оставить на тележке у двери. Я так и сделала, а потом спустилась по лестнице и стала тихо ждать в холле. Спустя пять минут открылась дверь в спальню, на пороге появились ноги, обутые в тапочки, и мама Джеймса закатила тележку внутрь.

Джеймс начал приставать ко мне еще за обедом. Обед его матери я, кстати сказать, снова оставила у двери ее спальни. Джеймс затащил меня в спальню и бросил на кровать. Я взвизгнула, когда он сорвал с меня одежду и уткнулся лицом между моих грудей. Но он тут же заставил меня замолчать, положив мне руку на рот. Так он эту руку и держал, не отпуская.

– Тихо-тихо, – шептал он. – Мы же не хотим, чтобы мама нас услышала?

Я только хотела ответить, как он рывком стянул мои панталоны и вошел в меня. Причем так жестко, что я стала биться головой о спинку кровати. Я выдохнула от легкого шока и удовольствия.

Джеймс убрал руку с моего рта.

– Или все же хотим, чтобы нас слышали?

И снова вошел в меня.

После всего, когда мы лежали друг у друга в объятиях, потные и довольные, он убрал с моего лица волосы.

– Ты даже не представляешь, как сильно я по тебе соскучился, как мне не хватало секса с тобой, когда мы были порознь.

– И мне тоже. – Я провела рукой по его волосатой груди и намотала на палец несколько кудряшек. – Это было пыткой, – он поцеловал мою макушку, – лежать в постели одной, представляя, как ты тоже здесь лежишь, не имея возможности дотронуться до тебя.

– Понимаю.

Он взял меня за подбородок так, чтобы я смотрела прямо ему в глаза.

– Ты ласкала себя? Пока мы были врозь? Ты маструбировала, думая обо мне?

Я отвернулась, потрясенная.

– Не строй из себя пай-девочку, Сьюзи-Сью. Я-то знаю, какая ты на самом деле нимфоманка. Если у тебя два месяца не было секса, ты без маструбации уж точно не могла обойтись. Только если ты не...

Наверное он почувствовал, как я напряглась.

– Посмотри на меня, Сьюзи.

Я улыбнулась и приподнялась на локте. Сердце скакало в груди, и я знала, что если буду прижиматься к Джеймсу, то это усиленное сердцебиение почувствует и он и догадается о моем предательстве. И тогда он меня прогонит.

– Да, Джеймс, я тут.

– Ты спала с кем-нибудь, пока мы были в размолвке?

Я посмотрела ему прямо в глаза. Не смотреть было чревато.

– Нет, не спала.
– Правда? Тебе не было одиноко?
– Было, но я не спала. – Я как могла старалась прогнать из памяти образ Стива, раскинувшегося на моей подушке, – Конечно, не спала.

Джеймс сощурился.

– А целовалась с кем-нибудь, когда выпивала?
– Нет, и не целовалась даже.
– Хорошо, – он легко улыбнулся, – если и было что-то, можешь мне смело сказать, я не рассержусь. Я-то трахнул пару женщин.
– Что? – Грудь сжало болью. Я ни разу не думала о том, что он может спать с кем-то, кроме меня. Вообще ни разу.
– Ну я переспал с парочкой женщин. – Он пожал плечами. – Делов-то. Мы не встречались. А ты что?

Он что, серьезно? Ему что, реально так на меня наплевать? Я посмотрела ему в глаза, в самые зрачки, глаза у него были голубыми. По глазам я никогда не могла ничего прочесть. У него они были совершенно непроницаемые.

– У меня ничего не было – я ничего предосудительного не делала, даже не целовалась. Я по тебе так сильно скучала, что даже не могла помыслить о том, чтобы захотеть другого мужчину.

Видно было, как Джеймс расслабился.

– Я так и знал, – Джеймс обнял меня. – Я знал, что ты особенная, знал, что мама ошибается. – Он отстранился и посмотрел на меня. – Я ведь тоже ни с кем не спал, я просто... пошутил.

Он пошутил? Я положила голову ему на грудь и стала глотать собственные слезы, но они набегали и набегали на глаза. Шутка не показалась мне смешной.

Глава 21

– Мюзикл? – Брайан приподнял бровь. – Я думал, ты ненавидишь мюзиклы. Ты сама говорила, что это развлечение для идиотов.

– Ничего я такого не говорила! Это ты говорил. И уж тем более я не ненавижу мюзиклы. Просто мне больше нравятся классические пьесы. В любом случае, дело не в том, что я люблю, а что нет, а в том, что у Джейн день рождения.

– А у Эрика грипп? В мае?

Я хочу возразить, что сейчас практически эпидемия гриппа, а поскольку муж у Джейн работает в школе, где шанс заразиться очень высок... но говорить все это не понадобилось, поскольку Брайан рассмеялся и сказал:

– Такое ощущение, что он меня подставляет специально. Ведь я бы тоже скорее притворился больным, чем пошел бы с вами на мюзикл.

– Джейн всегда хотела посмотреть мюзикл «Билли Эллиот», это была ее мечта, – говорю я. – Это один из ее любимых фильмов.

– Вниз по улице есть, кстати, прекрасный DVD-магазин, скажи ей при случае. Она может сэкономить на билетах, потому что в Вест-Энде цены кусаются.

– Брайан! – Я делаю вид, что недовольна, но по улыбке на его лице понимаю, что он не будет препятствовать моей поездке в Лондон. Даже удивительно, как легко он купился на мою безыскусную ложь. Я теперь могу ехать хоть к черту на рога, но с разрешения Брайана.

– Поздновато уже, да? – Брайан бросает взгляд на дедушкины часы. – Этот мюзикл... ведь уже семь часов! И к тому времени, как ты доберешься до вокзала, ты не успеешь приехать раньше, чем к половине девятого. И это в лучшем случае.

– Знаю, – говорю я. – Я и сама удивилась, но мы будем мчаться на такси по Вест-Энду, чтобы успеть к девяти. Шоу начнется позже обычного, потому что один из ведущих актеров должен сегодня же успеть на эфир к Джонатану Россу.

Ложь моя просто ужасна, и любой, кто хоть чуть-чуть смотрит телевизор, легко ее раскроет, потому что знает, что все эти эфиры записываются заранее. Но – к счастью для меня – Брайан почти не смотрит телевизор. Брайан не только считает, что от этих телеэфиров гниет мозг, но и переживает, что телевизор жрет слишком много энергии.

– Хорошо, – он кивает, соглашаясь с каждым моим словом, потом смотрит, как я встаю и демонстрирую наряд для выхода в свет. Вот самое откровенное коктейльное платье из всех, что у меня есть.

– Молодец, подготовилась, уже оделась – до того, как я пришел, – говорит он удивленно. – Можно подумать, что ты поехала бы туда в любом случае – независимо от того, дам я согласие или нет.

Тут обязательно нужно дождаться, пока Брайан улыбнется, чтобы нам обоим стало ясно, что он шутит. И вот она его улыбка, ура. Ничто не предвещало этого вечера вообще, и я подумать не могла, что Брайан согласится меня отпустить в Лондон, но последние несколько дней припадков у меня не было, и потом я знаю, как хорошо он относится к Джейн.

– Ты сегодня принимала таблетки? – спрашивает он, посматривая на стакан воды на кофейном столике возле меня.

– А как же.

– И ты чувствуешь себя нормально? Тебе не кажется, что тебя встревожит переполненный людьми транспорт или что-то в таком роде? Ты уже довольно давно не была в Лондоне. А сейчас этот город живет в бешеном темпе...

– Брайан! – я улыбаюсь мужу. – Я ездила в Лондон всего пару месяцев назад. За это время он не мог так уж сильно измениться.

– И то верно, – он опять смотрит на часы. – Джейн заедет за тобой или мне тебя подвезти на станцию?

Я беру сумочку, перекидываю жакет через руку, надеваю туфли на каблуках.

– Спасибо, дорогой, но через пару минут приедет такси.

Брайан берет в руки газету, слегка трясаясь от смеха.

– Хорошо тебе провести вечер, Сью!

Я пересекаю комнату, присаживаюсь у его кресла и целую мужа в лоб. Он удивленно смотрит на меня, его голубые глаза изучают меня.

– А это за что?

– За тебя. Я тебя люблю.

Дедушкины часы в углу комнаты отсчитывают секунды, а мы с мужем смотрим друг на друга. Словно мы очень давно друг друга не видели.

– Даже после всего, что случилось с нами? – спрашивает он очень осторожно и мягко.

– Вопреки, я бы сказала. И несмотря на.

Он гладит мое лицо, аккуратно проводит пальцем по скуле.

– Сью, я все же тебя не заслуживаю.

Кладу свою руку поверх его руки.

– Еще как заслуживаешь.

Вижу свое отражение в его зрачках. Вижу, как его глаза бегают при взгляде на меня, туда-сюда, туда-сюда. Я выгляжу уставшей и обеспокоенной, и еще мне кажется, что мне миллион лет. Когда все это случилось со мной? Почему я так быстро состарилась? И когда успел состариться он? Не вчера ли мы гуляли рука об руку по греческому берегу и рассуждали о нашем общем будущем?

– И я тебя очень люблю, – шепчет Брайан. – Не знаю, что бы я делал без тебя. Я не вынесу, если с тобой что-то приключится. Я потеряю себя. Совсем и окончательно себя потеряю.

Душа моя наполняется теплом, и я прижимаю руку к самому сердцу, потому что спокойно вынести такое признание невозможно.

– Брайан, я тебя никогда не оставляю, никуда не денусь.

– А я-то думал, ты поедешь в Лондон! – Он убирает руку от моего лица и заливается смехом. – Бедный старый «Билли Эллиот»! Мне кажется, он тоже жаждет повидаться с вами. Вы такая привлекательная особа, миссис Джексон.

Я поддаюсь его настроению и тоже начинаю смеяться, потом подхожу к одной из занавесок и выглядываю на улицу. Могу побиться об заклад, что я слышала, как только что подъехало такси. А вот и желтая полоска борта, и водитель гудит, давая знать, что прибыл.

– Не засиживайся допоздна! – спешу я сказать, вылетая из гостиной. – Я буду очень поздно, не забудь!

– Пришли эсэмэс, если попадешь в беду.

В беду? Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него и понять, что он имел в виду, но он уже уткнулся в газету. Видимо, это был дежурный, ничего не значащий комментарий.

* * *

Жаль, я не взяла с собой Джейн. С ней мне не было бы так дискомфортно: сорокатрехлетняя тетя стоит в очереди на вход в один из самых модных ночных клубов Лондона, в толпе желающих туда попасть, и каждый в этой толпе – ровесник моей дочери. Охрана внимательно изучает очередь, останавливается на мне, но потом продолжает изучать малолеток дальше.

Я ожидала, что буду чувствовать себя почти раздетой в не доходящем

до колен маленьком черном платье от Джона Роша (на плечах оно изящно расшито блестками), но мне вообще не стоило беспокоиться. По сравнению с другими молодыми женщинами, вырядившимися словно на маскарад, я была практически в спортивном костюме. Раньше я только на пляже видела столько голых женских тел. На улице едва ли теплее, чем плюс пять, но этим оголенными красавицам, кажется, ни капли не холодно! В то время как я сразу надела жакет, стоило мне только сойти с поезда на станции. Жалею, что не взяла с собой пашмину.

– Простите? – говорит кудрявая блондинка, стоящая сразу за мной. – Сколько сейчас времени? У вас есть часы?

Взгляд этой блондинки из-под накладных густых ресниц устремлен куда-то через мое левое плечо, но мне ясно, что говорит она со мной, потому что за плечом у меня только стена.

– Сейчас половина одиннадцатого, – говорю я, загипнотизированная ее декольте и надутыми ботоксом губами. Она вся пропитана искусственным заггаром, оттенок кожи напоминает цветом дорогую дубовую мебели в нашей гостиной. Косметики на лице так много, что кажется, словно ее наносили из специального распылителя. У нее волосы до талии и так сильно начесаны, что она стала похожа на героиню Фары Фоссет.

– Пасибки, – ее густо подведенные глаза мягко поблескивают.

– Вы сюда часто приходите? – Я сама в ужасе кривлюсь от собственной неловкой попытки завязать беседу.

– Каждый уик-энд, – теперь эта красотка сверлит взглядом затылок какому-то молодому парню, который стоит на три человека впереди меня.

– Музыку хорошую тут играют?

– Годится.

– Симпатичный танцпол, как вам кажется?

Она трясет головой в несогласии.

– Я не танцую. Вы на мои каблук посмотрите.

Смотрю на ее ноги и тут же ловлю себя на мысли, что удивляюсь, как она вообще удерживает равновесие?

– Слышала, сюда ходит много футболистов, – говорю я.

Ее голубые глаза фокусируются на мне. Напряженность этого взгляда нервирует.

– Ну, есть такое дело. А что, запали на кого-то определенного?

– Да не то чтобы... но надеюсь встретить... – понижаю голос до шепота, чтобы не кричать на всю толпу, – Алекса Генри.

По ее лицу проскальзывает еле заметная тень интереса.

– Да, он ничего так.

Жду, скажет ли она еще что-то, но, похоже, ее энтузиазм иссяк. Только через полчаса со мной снова кто-то заговаривает.

– Прости, милая, – охранник поднимает руку, стоит мне подойти вплотную к позолоченному шнуру, отделяющему толпу от входа. – Сегодня не твой вечер.

Смотрю на него в замешательстве.

– В смысле не мой вечер?

Охранник скрещивает руки на груди.

– Шутки тебе не помогут, иди давай.

– Да нет... я и правда не понимаю, – поворачиваюсь, чтобы посмотреть на блондинку, которая стоит сразу за мной, такая же скучающая, как и полчаса назад. – Чего он там только что сказал?

Она поводит плечом.

– Он хочет, чтобы ты отвалила.

– Почему?

Снова поводит плечом.

– Потому что я старая, да? – Охранник того же роста, что и Брайан, но раза в три шире, к тому же лысый, никаких волос на лице, кроме жиденькой тщательно выбритой бородки, которая едва-едва скрывает двойной подбородок. – А вот возьму и обвиню вас в дискриминации по возрастному признаку. Вы же в курсе, чем это пахнет, да?

На лице у него не дрогнул ни один мускул. Он все еще излучает безразличие.

– Вы еще не ушли, дамочка?

– Вы должны меня пустить, потому что... – я спешно смотрю по направлению прибывающей и прибывающей толпы – парочки идут, взявшись за руки, целые вереницы девочек на высоченных каблуках, стайки смеющихся парней, запрокидывающих головы, и туристы с широко-широко раскрытыми на все это глазами, сверяющиеся с картами и навигаторами в айфонах, – но на ум не приходит никакого свежего аргумента. Этому верзиле нет дела ни до моей Шарлотты, ни до Алекса Генри, ни до несчастного случая, который произошел с моей дочкой. Его работа в том, чтобы пропускать людей внутрь, тех, кто подтянут и хорош собой, молодых и красивых, если формулировать кратко. А я ни молодая, ни красивая. В отчаянии смотрю на блондинку, но она машинально пожимает плечами, и все.

– Я... я ее агент, – говорю я, словно меня вдруг озарило. – И если вы меня сейчас же не пропустите, то она, все ее прекрасные друзья и подруги, они пойдут к... – говорю первое, что приходит на ум, – они все отсюда

пойдут в «Виски Мист».

Вдруг один из приятелей блондинки обращает на меня внимание. Но его быстро отвлекает моя блондинка, положив ему руку на талию. Она что-то шепчет ему на ухо, пока охранник осматривает их сверху вниз, потом сладкой-сладкой улыбкой одаривает своего друга.

– Проходите, – внезапно охранник опускает шнур и пропускает меня внутрь, но глаз не может оторвать от декольте блондинки, идущей за мной следом.

Внутри клуба темно, я торможу на входе, пытаюсь проморгаться, чтобы привыкнуть к такому скудному освещению.

– Двадцать пять фунтов, – говорит мне уставший женский голос. Справа от меня за стеклянной перегородкой сидит в облаке дыма женщина. Роюсь в сумочке и достаю оттуда три десятифунтовика, она берет их машинально и возвращает мне пять фунтов. Я жду, что она скажет еще что-то, но она молчит, и я шагаю навстречу ритмам дискотеки, а также еле заметному лучику света, который пробивается через двойные двери в самом конце коридора.

– Штамп надо поставить, – вздыхает ресепшионист.

– Ой, простите, – оборачиваюсь я.

– Дайте сюда ваше запястье, – она смотрит на меня совершенно мертвым взглядом. словно ей хотелось бы оказаться где угодно, только не здесь. Я же вспоминаю о своей уютной софе, о книжке, о бокале вина и о Милли – о том, как она кладет свою мягкую и тяжелую голову мне на колени и начинает из всех ее собачьих сил сопереживать мне.

Снимаю с руки сумку, протискиваю руку в дырку в стекле, и дама ставит на мое запястье штамп. У меня на коже красуется смачное черное тату в форме буквы «Г» (начальная буква названия клуба – «Грейс»). Инстинктивно тру ее пальцем, но она не стирается. Мне надо придумать, как от нее избавиться, перед тем как я попаду домой.

* * *

Мы все словно трясемся в огромном грузовике, наполненном блистающими стеклянными шарами. Даже чтобы пройти в дверь, приходится бороться, а потом я заставаю, не в состоянии сделать больше ни шагу, меня со всех сторон заблокировали тела, они заполняют все пространство клуба без остатка.

Люди буквально повсюду, становится жарко, как на сковородке. Не

важно, в каком направлении я двигаюсь, я застреваю, в меня втыкаются колени и локти, и меня сбивают с выбранного пути. «Чего?» – кричат они друг другу. «Чего ты там сказал?» – пытаются перекричать очередной музыкальный трек.

Одну часть зала занимает барная стойка, – она золотая, сияющая, и с пола до потолка вся стена за ней уставлена бутылками всех возможных форм, цветов и размеров. Нечеловечески красивый бармен снует туда-сюда, поднося стаканы, открывая холодильники и разливая напитки, – от этих коктейлей движения танцующих приобретают странный алкогольный ритм. Те, кто хочет посидеть, занимают пространство у противоположной стены, низкие обтянутые кожей диванчики и черные пуфики заняты людьми. Слышу, как девочка говорит своему дружку, что сидеть тут нельзя, пока не купишь пятисотфунтовую бутылку шампанского или водку за триста фунтов. Неудивительно, что так много народу стоит в самой середине зала, зажатые в узком проходе между диванами и барной стойкой. Мне неохота пить, вместо этого я прокладываю себе дорогу сквозь толпу – чтобы попасть на другую сторону зала, туда, где лестница. Но проход закрыт очередным шнуром и двумя охранниками – они сторожат зону для VIP-клиентов.

– Бог ты мой – слышу, как кто-то воскликнул у меня за спиной. – Ты же не к Алексу Генри пришла? А, я тебя раскусила!

Я медленно поворачиваюсь. Моя подопечная блондинка из очереди льнет ко мне.

– Это мой агент, – она пихает в бок своего дружка, который в это время давится от смеха, словно никогда ничего смешнее в своей жизни не слышал.

– Митси, – она протягивает руку.

Я машинально жму руку.

– Сью, – отвечаю я ей, – спасибо, спасибо за то, что помогла мне пройти. Правда.

Она улыбается.

– Да без проблем! Если бы тот чудила с моей мамой заговорил так, как заговорил с вами, я бы ему съездила по физиономии, грубый придурок.

Я невольно улыбаюсь, о чем с ней говорить дальше – мне малопонятно, но Митси быстро находитесь.

– Итак, – она изучает взглядом лестницу и охранников возле нее. Они в это время как раз отводят в сторону небольшую группу едва одетых девочек. – Ну и как попадете к Алексу Генри? Есть план?

Отрицательно качая головой. Я об этом не подумала, когда уезжала из

Брайтона. Решила, что как-нибудь доберусь до него и поговорю или, на худой конец, оставлю ему сообщение, но получается, что даже увидеть его не так-то просто. Лестница ведет на балкон, балкон возвышается над залом, и снизу видны только чьи-то ноги. Непонятно, есть ли там вообще Алекс Генри.

– Можешь меня представить ему? – говорю я Митси.

– Я? – Она запрокидывает голову, и при этом что-то хрустит у нее в спине или шее. – Милая, да если бы я знала Алекса Генри, стояла бы я сейчас здесь с тобой? Никаких вариантов, что нет.

– Ну... я просто решила, что ты такая гламурная, могла бы сойти за модель, а охранники тут уже знают, что у тебя есть агент...

– Ты что, заболтать мне зубы хочешь? – снова смеется, высматривая кого-то в толпе и хватая за руку, – знаешь того парня, который выглядит так, словно он одновременно Энди Кэррол и Бен из «Холлиокс»^[5]. Он точно тут, клянусь!

И тут она начинает тащить своего приятеля через толпу, даже не оглядываясь на меня. И я не удивлена ее неожиданным исчезновением, признаться. Я на самом деле страшно благодарна ей за то, что она помогла мне попасть в клуб. Снова присматриваюсь к лестнице. Даже если это будет последним, что я сделаю в жизни, я в эту зону для VIP попаду!

* * *

Вторник, 21 мая 1992

Не могу поверить, что не вела дневник где-то около года. Я его спрятала внутри швейной машинки, потому что не хотела, чтобы Джеймс его нечаянно нашел, а потом я, вероятно, просто о нем забыла. До сегодня. Да, прошло около года с тех пор, как я последний раз тут писала, и столько же времени – с тех пор, как я переехала к Джеймсу. Хотела бы я сказать, что у меня счастливая жизнь, что я постройнела, стала довольной и меня любят, как никогда до того, но правда в том, что мне так плохо, как действительно никогда раньше не было.

Не могу понять, как все так получилось, как я дошла до жизни такой. Я чувствую себя, словно в ловушке, я несчастна и одинока, не могу припомнить, когда в последний раз ходила выпить в бар с друзьями (мы с Хеллс снова потеряли связь друг с другом, после того как я сказала ей, что

мы с Джеймсом снова сошлись), а чтобы позвать других своих друзей – я слишком гордая, не могу слушать, как они будут рассказывать мне об удавшихся и счастливых жизнях. Так давно не ходила в музеи, не шила никакой одежды. Я живу как робот: встаю утром, принимаю душ, надеваю джинсы и футболку (у меня теперь шестнадцатый размер, я сильно прибавила в весе с тех пор, как переехала), завтракаю с Джеймсом и его мамой (она стала показываться через три с половиной дня с того момента, как я переехала), а потом принимаюсь за работу, перечень обязанностей она пишет сама каждый день. Если мне повезет, в списке будет поход в супермаркет, так что я могу хоть и недолго, но побыть среди людей, но чаще всего похода в супермаркет нет, и я занимаюсь тем, что мою, чищу, помогаю ей по хозяйству (а ее так называемая сиделка, если таковая вообще когда-то была, так никогда и не возвращалась из той недельной поездки), а потом просто тихо сижу в гостиной, чтобы составить компанию матери Джеймса, пока она смотрит одну мыльную оперу за другой.

Прошло всего несколько месяцев и вот Джеймс уже не торопится вернуться домой, чтобы прямо с порога обнять меня. Не зовет меня ангелом или котенком. Он вообще едва меня замечает. А что до секса, то я и не вспомню, когда мы последний раз им занимались. К тому же ни один из нас больше не спит обнаженным, и, когда Джеймс выходит из ванной, он просто говорит: «Спокойной ночи» и поворачивается ко мне спиной. Через пять минут он уже спит.

Может быть, дело во мне. Я не могу отказаться от вкусной еды, которая всегда под рукой (в основном шоколад, по пути из супермаркета я его с удовольствием ем). Я больше не пользуюсь автобусом, у меня в транспорте развивается клаустрофобия. Возможно, я его просто больше не привлекаю как женщина.

Я пробовала носить платья вместо моей «униформы», но когда Джеймс пришел домой и увидел меня в том платье, он покачал головой и сказал, что, возможно, мне стоит купить наряд на размер побольше, потому что в этом заметны все складки моего тела. Я от этих слов умчалась в спальню и залилась слезами.

Джеймс, напротив, следит за собой. Каждое воскресенье перед репетицией и дважды в неделю он около часа проводит в ванной, потом появляется оттуда, окутанный облаком дезодоранта и крема после бритья, полотенце у него повязано на талии. Потом он минут десять гладит рубашку, минут двадцать укладывает волосы и только потом, когда я подтверждаю, что он хорошо выглядит, уходит. Я почти точно

уверена, что у него роман. Возможно, с той же Мэгги, но стоит мне что-то сказать по этому поводу, как он начинает обвинять меня в том, что я флиртую с мужчинами-продавцами (мне пришлось шесть месяцев тому назад устроиться в «Тескос» – после того как Джессс меня уволила с прежней работы). Я хотела снова заниматься английским языком, но Джеймс ясно дал понять, что не хочет, чтобы я ездила на север Лондона одна – это не было безопасным, тем более что у меня случались панические атаки, одна такая – особенно сильная – произошла, когда мы с Джеймсом только-только стали жить вместе. Кроме того, как он говорил, я была нужна его матери. Я могла быстро оказать ей помощь, если понадобится, поэтому работа рядом с домом была самой удобной. В его словах безусловно был смысл, но я все равно сопротивлялась. Я не хотела работать в «Тескос». У меня была степень, все же я была профессиональным учителем английского и отлично шила, но кассиром я точно не была! Но Джеймс меня не слушал. Он переиначивал мои слова, и выходило, что я сноб, слишком испорченная, чтобы работать с нормальными обычными людьми, хотя бы в течение пары месяцев, пока снова не встану на ноги.

Я сильно обижалась на это, но он брал мои ладони в свои и говорил, что это нормальная реакция, что иметь амбиции – совсем неплохо, но начать швейный бизнес с нуля у меня не получится, и мне просто надо набраться терпения. Мне бы рассмеяться ему в лицо, но я воспринимала все слишком серьезно. Я месяцами не прикасалась к своей швейной машинке, так хотела мама Джеймса.

А я так скучала по своей маме, что сердце разрывалось на части. Я уже очень давно ее не навещала, не было ни времени, ни денег, ни возможности поехать. Я ей звонила пару раз, несколько месяцев тому назад, но она только расстроилась, и я после этого разговора чувствовала себя просто ужасно, словно это из-за меня она так страдает. С тех пор я ей больше не звонила, снедаемая чувством вины и напуганная тем, что она может решить, будто я ее предала.

Хеллс я тоже звонила, причем сотни раз, но всегда клала трубку до того момента, как нас соединяли. Не могла представить, как она скажет «Я же тебя предупреждала» и напомнит мне о всем том времени и деньгах, что она и Руперт потратили на меня, помогая мне забыть Джеймса, и все это только ради того, чтобы я снова рухнула в его объятия. Да и о чем мне сожалеть, на что жаловаться? Я не голодаю, меня не бьют и не заставляют спать на подстилке. У меня есть работа, еда и крыша над головой, и со мной в постели спит мужчина. Иногда мы с

Джеймсом даже куда-то вместе ходим, чаще всего, правда, не вдвоем, а втроем – с его мамой. В кино, в театр или в ресторан. Она ненавидит оставаться дома одна. И когда он в хорошем настроении, мне кажется, я в него влюбляюсь с новой силой. Он иной раз под столом положит мне руку на колено, пошепчет в ухо, что хочет затащить в туалет и там трахнуть. Конечно, никуда он меня не тащит, но эти моменты... еще когда он ночью неожиданно обнимает меня во сне... именно из-за них я здесь, с ним, он меня все еще любит, очень глубоко в душе, я просто слегка увязла в домашней рутине, и нам с ним просто надо встряхнуться, чтобы он снова увидел во мне ту желанную женщину, которую видел, когда мы не жили вместе.

Это я сама себя загнала в этот угол и мне самой из него выбираться.

Разумеется, ни о чем таком я Джеймсу не говорила, но стала откладывать кое-какую часть заработка, чтобы снова стать самостоятельной. Несмотря на то, что я Джеймсу отдавала двести фунтов за ренту и столько же за еду каждый месяц (он сказал, что будет платить за мое проживание и еду только до тех пор, пока я не найду себе работу), но небольшая стопка банкнот в тайном кармашке моего рюкзака стала потихоньку расти. Я, вероятно, накопила пару сотен фунтов, достаточно, чтобы открыть депозит и платить за жилье, но откладывать получается слишком медленно. Может, нужно еще примерно полгода? Только эта надежда и поддерживает меня на плаву, только так я вижу свет в конце тоннеля. Когда у меня будет свой угол, я смогу все время работать в «Тескос», не буду больше присматривать за мамой Джеймса, смогу снова есть более здоровую пищу и сбросить вес. Даже, наверное, заведу подруг на работе. Парочка из них мне улыбалась, но я так напугана, боюсь, что они сочтут меня снобом, когда услышат, как я говорю и о чем. Я изредка при них говорю (Джеймс уверен, что я слишком хорошо владею речью, и многим это покажется заносчивостью с моей стороны). Я часто вспоминаю первый день, проведенный в компании труппы Эбберли. Вспоминаю, как болтала со всеми подряд, и очень скучаю по той женщине, которой я была. Не могу отделаться от мысли, что и Джеймс, возможно, тоже скучает по ней...

Глава 22

– Моя семилетняя дочка в коме, – говорю я, надеясь, что слова произведут на охранника в «Грейс» то же впечатление, которое произвели на секретаршу Стива Торренса. – А Алекс Генри – ее любимый игрок. Я всего лишь хочу, чтобы он записал на мой мобильный пожелание здоровья дочке, и все. Поправляйся, Шарлотта. Честно-честно, я мигом туда и обратно, ни секунды не задержусь в VIP-зоне.

Охранник скрещивает руки на груди, но не смотрит на меня. Он рассматривает толпу у барной стойки.

– Прошу вас, она очень больна...

– Послушай, сладкая, – наконец охранник бросает в мою сторону взгляд, – твоя дочка может испускать сейчас последний вздох, но наверх я тебя не пропущу. Если тебя пущу, почему бы и других туда не пустить, а?

– Но у других нет больных детей. Прошу, я разговаривала с его агентом сегодня утром, и та мне сказала, что я могу сюда прийти и попросить Алекса...

– И как же звали агента?

– Она не представилась.

Охранник изгибает бровь.

– Рассмешила, да.

Я перевожу взгляд на другого охранника. У него на пальце обручальное кольцо, а на шее тату со словом «Коннор».

– Вы похожи на семейного человека, у вас есть дети? – спрашиваю я.

Он мне не отвечает. Он даже не обращает внимание, что я только что положила ему руку на предплечье.

– Вы бы сделали все, что угодно, чтобы защитить своих детей, так? Все что угодно, лишь бы они были счастливы? Здоровы? И я того же хочу для моей дочери. Я хочу, чтобы она очнулась от комы, и я сделаю все, что потребуется, и даже больше, чтобы так оно и было. Вы ведь можете меня понять?

Охранник с татуировкой смотрит на меня. Глаза у него темные и полуприкрыты веками, теряются на его большом круглом и лоснящемся лице.

– Сделали бы, что угодно?

– Конечно.

Он осматривает меня сверху вниз и ухмыляется. Золотая фикса сияет

мне из его рта.

– Пососешь мне?

Я то ли вздыхаю, то ли хочу засмеяться в ответ – сама не пойму.

– Я... – не знаю, что ему сказать, не пойму, серьезно он говорит или шутит, – я...

– Ну и сколько ты ей дашь за то, что она тебе отсосет? Или она тебе платит?

Высокий худой блондин в белой рубашке, темных джинсах и дорогом пиджаке оказывается у меня за спиной. Осматривает сверху вниз, потом перехватывает взгляд женатого охранника и смеется.

– Что у нас сегодня, тематическая вечеринка для пенсионеров? Бог мой, Терри, как низко ты пал, как изменились твои вкусы!

Я стою и жду, что сейчас охранник двинет наглецу в нос или, на худой конец, выпроводит из клуба, но вместо этого он радостно смеется и опускает веревку, чтобы высокий блондин прошел на лестницу.

– Лично я, Роб, беру, что могу, в идеале – без оплаты.

– Простите меня, – я делаю шаг вперед, так что оказываюсь между веревкой и Робом, выпрямляюсь во весь свой рост, пять футов и шесть дюймов. – Вообще-то я живой человек и у меня есть уши, я не глухая пока что.

– Да зашибись, у нее есть уши! – Высокий блондин оборачивается, чтобы посмотреть на меня, и призывает компанию на лестнице посмотреть тоже и повеселиться. – А ты обидчивая, дорогуша, да? Что стряслось-то? Удача от тебя отвернулась?

– Скажите, а вы всегда так грубы или только с женщинами, которые настолько в возрасте, что на них уже не производят впечатления ни ваш прикид, ни милая мордашка?

– О-о-о, – его лицо светлеет от удовольствия, словно я только что сделала ему комплимент. – Я понял. Вы на милых мальчиков не особенно падки, вам подавай верзил вроде Терри. – Он кивает в сторону охраны.

– Вообще-то мне нет дела ни до вас, ни до него, я сюда пришла увидеть Алекса Генри.

– Француза, да? Любишь иностранцев, старушка?

– Прекрати так называть меня, ты, маленькая задница! – Я произношу эти слова раньше, чем успеваю подумать о том, что говорю.

Терри делает шаг ко мне и предупреждающе кладет мне руку на плечо, но Роб оттесняет его.

– Оставь ее, Тер, – он осматривает меня опять сверху вниз и сужает глаза. – Алекс Генри нужен? Его тебе надо?

Я киваю, но молчу.

Он смотрит на охранника, с которым я разговаривала первым.

– У Алекса была когда-нибудь такая старушка?

Я уже начинаю сжимать пальцы в кулак за спиной, чтобы ударить им Роба по его самодовольной покровительствующей роже, но он тут же говорит:

– Впусти ее. Должно получиться смешно, – Роб кивает в сторону Терри, который приподнимает брови, но отступает и пропускает меня на лестницу. И я поднимаюсь.

– Давай, дерзай, старушка! Стащи с него штанишки! – кричит мне вслед Роб, а я шагаю уже через две ступеньки. Чем быстрее переговорю с Алексом Генри, тем быстрее уйду отсюда. В этом клубе есть что-то, что сведет с ума любого больного клаустрофобией: потолок слишком низкий, внутри слишком много народу и слишком жарко. Все это проскальзывает в моем мозгу, как только я поднимаюсь на вершину лестницы, – если здесь начнется пожар, погибнут все, потому что выбраться через узкую входную дверь будет просто невозможно. Стараюсь подавить в себе панику, которая уже острыми когтями впивается мне в сердце, примечаю группу девушек, похожих на Митси, а также – двух здоровенных боксерского типа парней со сломанными носами. Меньше всего мне сейчас хочется словить паническую атаку.

В VIP-зоне еще теснее, чем внизу, мне понадобилось минут десять, чтобы протиснуться между телами и пробраться туда, где можно сесть, к противоположной стене. Теряю счет подтянутым девушкам, похожим на моделей, и атлетически сложенным мужчинам, которые откупоривают бутылки с шампанским, танцуют прямо на стульях и сплетаются друг с другом в танце. Некрасивых тут просто нет, словно эта зона специально создана только для идеальных людей с идеальной внешностью, и я вижу, как на меня пялятся, но продолжаю пробираться сквозь толпу. Никогда в жизни я еще не чувствовала себя такой старой, некрасивой, толстой и никогда еще не была так сильно не в своей тарелке, но и это слишком слабо сказано, чтобы описать мое состояние.

– Алекс Генри, – говорю я вслух и замечаю его.

Я не была уверена, что узнаю Алекса по парочке смазанных фото в Интернете и постеру в комнате Шарлотты, на котором он красуется своим обнаженным торсом. Но ошибки быть не может: это его светло-карие глаза и высокие острые скулы.

– Простите, простите меня, пожалуйста, – я начинаю работать локтями, чтобы продаться к нему сквозь людей, окружающих его столик. –

Мне очень надо поговорить с Алексом.

Ловлю на себе бесчисленное количество грязных взглядов, кто-то толкает меня в бедро и проливает, надеюсь, все же белое вино мне на платье... но я не обращаю внимания, потому что вдруг оказываюсь на расстоянии метра от Алекса. Нас разделяет матового стекла столик с букетом, шампанским и бокалами на нем.

– Алекс?

Он едва смотрит в моем направлении. У него с одной стороны привлекательная брюнетка, роскошная блондинка – с другой, а вокруг еще целая армия привлекательных мужчин и женщин. У меня ощущение, что я попала на съемку рекламы духов. Куда ни кинешь взгляд, всюду прекрасно выглядящие люди, они смеются, трогают друг друга и открывают бутылки с шампанским. Делаю еще шаг вперед. Вот к чему стремятся подростки, думаю я, пока бьюсь коленкой о край столика и белое (надеюсь) вино стекает у меня по боку, собираясь в лужу где-то в районе ягодич. Вот почему им хочется вырасти богатыми и знаменитыми, а не получить профессию врача или стюардессы. Возможно, там, прямо за входной дверью, уже толпятся папарацци, готовые урвать свой кусок счастья, делая снимок известного футболиста, покидающего клуб рука об руку с женщиной, которая ему не жена; или снимок гламурной старлетки, которая садится в машину, случайно обнажая бедро без полоски трусов... но Шарлотта, скорее всего, не думала обо всем этом, когда ее познакомили с Алексом Генри, она не приняла во внимание темную сторону этой звездной жизни – предательства, ложь, наркотики и алкоголь, а также – навязчивые поклонники. Ее ослепили бы отбеленные улыбки, длинные роскошные волосы, дизайнерские вещи и толстые бумажники. И кто мог бы ее винить за это? Такая жизнь на несколько порядков отличается от той, которой живет она.

– Алекс Генри!

Стоит мне прокричать его имя, как он реагирует и поднимает на меня взгляд. Оборачивается и несколько его друзей тоже.

– Эй, Алекс, похоже, тебе пора в кровать, мама за тобой пришла! – выкрикивает один из них, в то время как остальные смеются.

– Мама говорит, что больше нам нельзя играть, – подхватывает кто-то еще.

На меня льется поток шуток, вокруг разносится гогот. Алекс тоже улыбается, но по тому, как у него на лице ходят туда-сюда желваки, я точно могу сказать, что он нервничает. Он не в курсе того, кто я и чего мне, собственно, надо.

– Прошу, мамочка, – говорит он, глядя мне прямо в глаза, – можно я еще погуляю часок-другой? Обещаю быть хорошим мальчиком.

Брюнетка справа от него проливает шампанское, потому что ее душит смех, а какой-то мужчина тянется через стол к Алексу, чтобы тот дал ему пять (хлопнул ладонью по ладони).

– Мне надо поговорить с вами о моей дочери, – говорю я как ни в чем не бывало, – меня зовут Сью Джексон. Имя моей дочери – Шарлотта Джексон, вы с ней встретились несколько недель тому назад... И вы с ней провели некоторое время вместе.

– Говорите, Шарлотта? – Он достает свой мобильный из внутреннего кармана пиджака и нажимает несколько кнопок. Я задерживаю дыхание, сердце готово разорваться. – Несколько недель назад. Шарлотта... – он поднимает на меня взгляд и качает головой. – Упс, никакого напоминания о том, что я тут трахал толстую англичанку.

Секунду до меня просто не доходит смысл сказанных им слов, но потом я понимаю. Он думает, что Шарлотта похожа на меня. А я думаю о своей красивой, стройной девочке, которая лежит на больничной койке, и тут гнев огнем разгорается в моей груди.

– Мою дочь зовут Шарлотта Джексон, – медленно повторяю ему, – вы встретились девятого марта, она моего роста, но очень молода, красивая блондинка. У нее ярко-зеленые глаза – вы таких раньше не видели даже. Она очень привлекательна.

Генри, кажется, все равно.

– Я постоянно встречаю полно красивых женщин, – он отворачивается, смотрит на блондинку, которая у него сидит слева, лениво поглаживает ее. Она готова растаять от благодарности и похихатывает над чем-то, что он шепчет ей в ухо. Друзья Алекса теряют к нам интерес, они снова предоставлены сами себе и шампанскому в их бокалах. Я ждала секунд пять, но Алекс явно дал понять, что шоу закончилось.

– Вы были с ней в туалете клуба, Алекс.

В помещении вдруг становится тихо. Блондинка смотрит на меня удивленно, мужчина в серой футболке и с серебряным браслетом на запястье говорит: «Ну ты даешь, сынок!». Алекс Генри снова смотрит на меня едва-едва, ловя меня взглядом. Краем глаза я замечаю, как внимание Алекса старается привлечь лысый мужчина в костюме с алым галстуком. Выглядит этот мужчина знакомым, но я не пойму, откуда могу его знать.

– Вы были с ней в туалете, – повторяю я, – и я хочу знать, что там произошло.

– А что там, черт подери, могло произойти, сама как думаешь?

– Хочешь, покажу, старушка, а?

– Он ей сказочку на ночь прочел, не так ли, Алекс?

В меня летят файер-боллы язвительных комментариев. Смех стихает, и воздух накаляется агрессией. Эти приживалы думают, что я атакую их кумира, и готовы защищать его. Всего секунду смотрю себе под ноги, на пол. Когда снова поднимаю глаза, то я уже мысленно в невидимой эмоциональной броне. Вокруг меня продолжается вакханалия, но мне уже нет до этого никакого дела.

– Я бы хотела поговорить с вами наедине, Алекс, – говорю я спокойно, – моя дочь очень сильно больна, и я думаю, что случившееся здесь в то воскресенье имеет с ее болезнью прямую связь.

– Хватит, – Алекс встает, он хмурится, всякий след веселья сошел на нет с его лица. Он направляется в угол зала и по пути щелкает пальцами в воздухе.

– Прошу вас, – говорю я, в то время как к нам двигается пара охранников, – мне нужно всего пять минут, я ни в чем вас не обвиняю. Мне надо понять...

Слова застревают в горле, потому что меня начинают оттаскивать от стола, сквозь толпу тел, подальше от Алекса.

– Ей всего пятнадцать! – успеваю выкрикнуть я, пока меня волокут к лестнице. – Она несовершеннолетняя, Алекс!

Люди наверху перестают разговаривать и очень внимательно смотрят на меня. Музыка продолжает греметь, но в зале воцаряется полная тишина. Все смотрят только на меня. Девушка рядом со мной пытается снова шутить: «Посмотри, твоя мамочка снова в ярости!» Какой-то мужчина давится и проливает на себя пиво.

Я перестаю кричать, когда все замолкают.

– Довольно уже! – Я врываюсь каблуками в ковер для устойчивости и высвобождаю руки из цепкой хватки охранников. – Хватит, я сказала! Я ухожу. Вам нет смысла меня выбрасывать, я уйду сама.

Охранники обмениваются взглядами, потом улыбками.

Толпа передо мной расступается, когда я направляюсь к выходу. Охранник у дверей, с которым я спорила, трогает рукой наушник, открывая мне путь наружу.

– Не приходите больше сюда, – шепчет он мне в спину. Я ничего ему не отвечаю. Вместо этого продолжаю идти, высоко подняв голову, иду по

улице и заворачиваю за угол. Только там у меня подгибаются колени, и я съезжаю по двери на землю. Присаживаюсь на ступеньку и прячу лицо в руках. Как все дошло до этого, как? Врать мужу, оказаться высмеянной незнакомцами, унизиться на публике? Что стряслось со Сьюзан Энн Джексон, уважаемой сорокатрехлетней женой политика, – и кто та отчаянная и смешная женщина, которая заняла ее место? Пусть я вышла из «Грейс» с высоко поднятой головой, но я видела (видела!) отвращение и ужас в глазах тех людей. Что же там случилось с тобой, Шарлотта? Было ли тебе так же плохо, как сейчас мне? Провожу рукой по лицу. Или еще хуже?

Сижу и смотрю на свои часы. Уже за полночь. Если не соберусь, то пропущу последний поезд на Брайтон, и Брайан обязательно захочет знать, почему. Медленно встаю на ноги, оправляю платье, вешаю сумочку на плечо и иду по улице вперед, прижимая руку к груди, стараясь себя обхватить поплотнее, чтобы не замерзнуть. Каждые пару минут голосую проезжающему такси, но оно проезжает мимо, не сбавляя скорости. Только в самом конце улицы я вдруг понимаю, что у меня нет ни мысли по поводу того, куда я иду, иду ли вообще в правильном направлении? Оглядываюсь, ищу хоть какие-то опознавательные знаки, но единственное, что могу увидеть, это неоновую вывеску, она расположена между двумя высокими викторианскими зданиями, справа от меня. Я слишком близорука, чтобы разглядеть, что там написано, без очков, но, наверное, там написано «Челси», станция метро. Может, если поспешу, то на метро как раз и доберусь до вокзала? Ко мне подъезжает такси, чуть ослепляя меня фарами, я было выбрасываю руку, но такси не останавливается, исчезает во тьме, и зеленый огонек удаляется куда-то в ночь. Снова смотрю на неоновую вывеску, потирая себя руками. Метро, это должно быть метро...

Бегу быстро, как только можно бежать на таких каблуках по мощенной булыжником улице, стараюсь полностью сфокусироваться на неоновой вывеске. Бегу по тротуару, близко к высоким стенам зданий справа от меня, я уже пробежала половину пути, фонари и машины на шоссе остались позади, остались только их странные тени. Вокруг нет ни домов, ни телевизионных мерцающих экранов и уютных настольных ламп, спрятавшихся за занавесками в окнах. Вместо этого мимо меня проплывают барные витрины, окна столовых и наглухо закрытые жалюзи. Слышу, как где-то рядом покатилась жестяная банка, этот звук заставляет меня подпрыгнуть, я оборачиваюсь, чтобы увидеть, откуда идет звук. В дальнем конце улицы появился человек. Он идет в свете машинных фар, черная фигура с широкими плечами и узкими бедрами, и он идет прямо ко мне. Этот мужчина не просто прогуливается поздно ночью по Лондону, нет.

Он старается ускорить шаг, но при этом не хочет привлекать внимания. Жду и надеюсь, что он изменит направление движения и перейдет на другую сторону тротуара, – по крайней мере, мне казалось, что так сделал бы каждый нормальный мужчина, очутившись ночью на улице рядом с одиноко идущей женщиной, чтобы убедить ее, что ей нечего опасаться... но вместо этого мужчина ускоряет шаг. Я смотрю на неоновую вывеску метро. Еще двести метров. Двести метров, и я буду в безопасности. Я сначала иду быстрее и быстрее, потом перехожу на бег. Стук каблучков эхом разносится по улице, цок-цок, цок-цок, цок-цок. Через несколько секунд к этому звуку прибавляется новый: бух-бух, бух-бух, бух-бух. Мужчина бежит за мной. Он догоняет меня. На нем армейская куртка, шапка надвинута на самые глаза, но я все же различаю такую знакомую форму его челюсти. Она у него широкая, с волевым подбородком, раздвоенным ямочкой посередине.

Бегу что есть сил. Холодный ночной воздух обжигает лицо, колышет подол платья, отталкивает меня, мешая двигаться, замедляет, а я продолжаю на пределе возможностей бежать, надеясь, что станция метро уже совсем близко. Женщина в бейсболке и спортивной куртке переходит дорогу в самом конце улицы, и я начинаю кричать, чтобы она меня заметила, прося о помощи, но не могу произнести ни слова. Единственное, что я слышу, это свист собственного дыхания и цокот каблучков по тротуару. Тот, кто бежит за мной, уже совсем близко. Я буквально ощущаю, как расстояние между нами тает, как он сверлит мне спину взглядом, как впивается в затылок. Уже не так далеко, метров сто, может быть...

Нет, только не это!

Мужчина в желтой куртке охранника перекрывает вход в метро, натягивая цепь с одной стороны входа до другой.

Остановитесь!

Стараюсь закричать, сказать, чтобы он меня пропустил, но вот он уже исчез в маленькой боковой дверке и закрывает ее за собой. Я бросаю взгляд на улицу и на шоссе за ней. Я в панике, колени подгибаются, по спине градом льется пот, но я продолжаю бежать. Бегу левее, прямо за женщиной, которую увидела несколько мгновений тому назад, теперь я уже ближе к ней, вижу, что у нее в ушах наушники. Она не смотрит по сторонам. А на другой стороне улицы еще одна женщина – азиатка, в возрасте, она смотрит на меня с любопытством, потом быстро отворачивается, когда я ловлю ее взгляд на бегу. Выбегаю на дорогу, чтобы догнать ее, но мне навстречу мчится машина, и я вынуждена отпрянуть. Вынуждена остановиться.

– Сью, – мужской голос выдыхает мое имя, и у меня в голове словно

выключают свет. Не могу пошевелиться. Не могу заговорить. Дышать не могу. Жду. – Сью...

Сейчас со мной все будет кончено...

* * *

Среда, 12 августа 1992

Мне надо написать это очень быстро, потому что Джеймс уехал в больницу, и я не имею представления о том, когда он вернется. Стало слишком опасно оставлять дневник в моей швейной комнате, так что я начала прятать его под половой доской в прихожей. Таким образом, если со мной что-то случится и полиция станет обыскивать дом, они найдут этот дневник и узнают всю правду о Джеймсе, о том, что он сделал со мной. Все это станет достоянием общественности.

Поэтому напишу столь ясно, сколь вообще умею: я думаю, он собирается меня убить.

Я не знаю когда и не знаю, как это получилось, но он дошел до того, что говорит мне, что якобы лучше проведет жизнь в тюрьме, чем представит, как я «развожу ноги» перед другим мужчиной, и, принимая во внимание те обещания, которые он посылает в адрес этого гипотетического любовника, я имею все основания бояться Джеймса.

Впервые он оставил меня одну с воскресенья, но он и не думает, что я могу сбежать. Он запер меня внутри, в доме, отключил телефон, поэтому я не могу позвать на помощь и не могу постучать в стену, ведь парочка, которая с нами соседствует, уехала на выходные, и за нашей стеной теперь никого нет. Я проверила все окна в квартире, даже дважды, но они наглухо заперты, а на черной лестнице – два замка, поэтому я могу даже не пытаться ее открыть. Час назад я старалась привлечь внимание какой-то женщины, крича в щель для писем в двери, но она даже не обернулась. Может, кто-то из водителей на дороге услышит мой крик? Но вряд ли, дом стоит так далеко от дороги, что так едва ли что-то слышно.

Я не могу даже миссис Эванс попросить о помощи, и не потому, что она не помогла бы, но просто ее нет дома. Она пережила сердечный приступ, пока я ездила в Йорк навестить свою маму. Вот почему Джеймс уехал в больницу, он направился к матери. А я в ловушке и не могу ничего

сделать, только писать.

Я вернулась из Йорка в воскресенье, рано вечером, в очень хорошем настроении. Я наконец смогла съездить к матери, благодаря тому что Джеймс дал мне пятьдесят фунтов, чтобы я купила себе билет (думаю, он специально хотел, чтобы я уехала на уик-энд и оставила его наедине с той, кого он трахает последнее время). У моей матери настроение было самое просветленное из всех тех моментов, что я наблюдала, приезжая к ней. Она перестала говорить о самоубийстве и – словно ей удалось выздороветь на некоторое время – совершенно спокойно рассказала мне о друзьях, о том, чем она тут занимается. А занятий было предостаточно: и это не только, как она говорила, «вязать носки и писаться в кровать». Вечерами она теперь смотрела кино, участвовала в театральной группе, посещала мобильную библиотеку и уроки переплетного мастерства, а также занятия по флористике. Она все еще держала за собой титул самой молодой пациентки, но ей удалось подружиться с Мэвис Гаверинг, соседкой по этажу, которая была всего на девять лет старше моей мамы. С ней в свое время случился припадок на улице, и один из работников этого заведения привез ее сюда, чтобы ей не стало хуже.

Мама интересовалась, как у меня дела, а у меня просто не хватало мужества признаться ей в том, как оно все на самом деле. Я врала ей, что мы с Джеймсом невероятно счастливы, что обручились (она пустила слезу, стоило мне показать обручальное кольцо, и сказала, что хотела бы, чтобы отец повел меня под венец), а еще наплела ей с три короба о своем несуществующем швейном бизнесе. И мой краткий, но эмоциональный рассказ был столь убедительным, что я и сама в него поверила, – стоило мне сесть в поезд и направиться домой, я просто сияла от воодушевления. Не могла дожидаться, чтобы попасть домой и рассказать Джеймсу о своей поездке, может быть, мне удастся выкроить немного времени, чтобы организовать шитье одежды, пока миссис Эванс днем отдыхает, например. Было ощущение, что поездка прочь из Лондона сдула серый туман с моего разума. Мной не пренебрегали и меня не обманывали, нет-нет. Просто я после всего произошедшего стала несколько более депрессивной, мне надо было поднять боевой дух, взбодриться, и тогда я точно со всем справлюсь. К тому же мне удалось сэкономить около трехсот фунтов. Перед отъездом мать вручила мне жестяную банку из-под печенья, а в ней – около двух сотен фунтов банкнотами, и теперь у меня на руках была сумма, которой вполне хватило бы на первый месяц ренты. Возможно, думала я, когда поезд, пыхтя, въезжал на Кинг Кросс, мне не придется полный день трудиться в «Тескос». Если проживу с

Джеймсом и его матерью еще два-три месяца и мой бизнес начнет приносить хоть какие-то плоды, то я смогу просто подрабатывать на кассе, чтобы платить ренту.

– Джеймс! – позвала я, открыв входную дверь и ступив в темную прихожую. – Джеймс, ты дома? У меня были чудесные выходные...

Автоответчик в темноте светился красным, но я едва заметила это, пока снимала с себя пальто, обувь, сменив ее на мягкие тапочки, а потом пошла по коридору в гостиную. Черная маска посмотрела на меня со стены, но в комнате было пусто, ни души.

– Джеймс?

Я стала подниматься вверх по лестнице, тщательно избегая третьей ступеньки. Она была самой скрипучей, и я путем проб и ошибок (реагируя на крики миссис Эванс, доносившиеся из комнаты) научилась помнить об этой ступеньке и избегать ее.

– Джеймс? Миссис Эванс?

Я сверилась со своими часами. Половина восьмого, вечер. Был вариант, что Джеймс решил остаться в театре, чтобы после репетиции выпить, но мать должна же быть дома? Обычно в это время она сидела в гостиной и смотрела телевизор. Возможно, она в туалете? Или отдыхает у себя в комнате? В доме было непривычно тихо, и я чувствовала себя взломщиком, который зашел и движется на цыпочках, едва дыша, чтобы никто его не заметил.

– Миссис Эванс?

Дверь в ванную была открыта, и я вошла туда, нервничая.

– Миссис Эванс, вы в порядке?

Ответом мне была тишина, и я, осмелев, просунула голову в дверь ее комнаты. Кровать заправлена, занавески задернуты, все выглядит нормально, кроме... я подошла ближе к туалетному столику. На нем не было изукрашенной жемчугом щетки для волос, также не хватало кожаного чехла для маникюрных принадлежностей и маленькой серебряной шкатулки, в которой она хранила обручальное кольцо и кольцо, подаренное ей на помолвку. Куда же подевалась миссис Эванс? Уехать сама она не могла, она вообще боялась покидать дом, и когда встречалась с друзьями, а это бывало очень редко, на моей памяти всего два раза, – эти самые друзья всегда приезжали к ней домой.

Пожав плечами, я пошла к себе в комнату, где занималась шитьем. Если ни Джеймса, ни его матери нет дома, так почему бы мне не начать шить? Все мои швейные принадлежности еще не были даже распакованы, и по опыту я знала, что шелк надо прогладить сначала прохладным

утюгом, потом дать отвисеться, и не важно...

– О боже... – я закрыла рот руками, как только вошла в комнату. Швейный столик был опрокинут и лежал на полу. В полуметре от него валялась моя швейная машинка, на ней явно был замечен грязный отпечаток ботинка, швейные лапки, катушки и иголки разбросаны вокруг, словно их кто-то раскидал в ярости. Мои коробки с тканями, которые я так тщательно расставила вдоль стены, были разодраны и поломаны, из них торчали обрывки материала, испачканные, как мне показалось, какой-то красной краской. Мой манекен валялся у дальней стены, а в грудь ему были воткнуты портновские ножницы... на полу был ворох ткани, пуговиц, каких-то тесемок и ленточек, подплечников и шнурков, и все это было залито какой-то красной краской. С окна кто-то сорвал занавески, разбил зеркало и порвал обивку стула, которую я с такой любовью делала некоторое время назад. Теперь из стула торчала вата, словно фантастически грибы-дождевики выросли прямо на нем, но элегантные деревянные ножки при этом все же сохраняли свою элегантность.

Я выскочила из комнаты, прижав руки ко рту, уверенная в том, что на дом напал какой-то маньяк и он все еще здесь. По какой еще причине в моей комнате мог царить такой хаос, да и вещи Маргарет, мамы Джеймса, пропали. Но где сама Маргарет? Образ моей свекрови, связанной и замученной, вспыхнул у меня в воображении, и холодная дрожь прошла по моему телу. Я стала ступать по ковру так тихо, как только могла, с мыска на пятку, с мыска на пятку, стараясь избегать скрипучих половиц. Кровь прилила к ушам, когда я кралась мимо нашей с Джеймсом спальни, – неужели, они и сюда забрались? Я помедлила секунду, встав на цыпочки. Все мои нервы напряглись, пока я вслушивалась, но вот у меня за спиной хрустнула половица, и я кинулась бежать по ковру, вскочила на лестницу и понеслась вниз, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Я успела схватить пальто и всунуть ноги в туфли, и уже почти открыла входную дверь, но тут кто-то схватил меня за шею...

– Нет! – Я старалась ударить напавшего, но он был сильнее и тащил меня прочь от входной двери в темноту прихожей.

– Ах ты, сука!

Я тут же узнала голос.

– Джеймс, остановись! – Я пробовала выскользнуть из пальто, пока Джеймс валил меня на пол. – Это же я, Сьюзи! – Я выставила руки перед собой, уверенная, что он поможет мне встать, но очень быстро поняла свою ошибку. – Джеймс, это я, Сьюзи...

Он присел рядом со мной и стал на меня смотреть совершенно

безумными глазами, в них зрачки занимали почти всю радужку целиком. Он убрал волосы с моего лба.

– Джеймс, – я приподнялась и дотронулась до его лица, – случилось что-то ужасное. Мои вещи в комнате для шитья... там царит хаос. Все, над чем я так долго трудилась, все уничтожено и изгажено. Зачем кто-то сделал так?

Положение руки Джеймса на моем лбу изменилось, он запустил пальцы мне в волосы и вонзил ногти в кожу.

– Ой! – Я попыталась оттолкнуть его руку и ослабить давление. – А можно полегче?

– Не знаю. А ты можешь быть немного не такой лживой? – Внезапно он встал и выпрямился, поднимая меня за волосы.

Ощущение было такое, словно с меня сняли скальп, причем – заживо. Я орала и брыкалась, но даже толком встать на ноги не могла, пока Джеймс вдруг резко не изменил траекторию движения, направившись в гостиную и волоча меня, кричащую, по коридору. Каждый шаг заставлял мою голову пылать, словно я была охвачена пожаром. И только мне показалось, что я преодолела боль, что он отпустил меня, как Джеймс усилил хватку и швырнул меня через комнату к стене. Я как могла закрыла руками лицо, когда падала на стеклянную дверь шкафа, потом раздался треск, я свалилась на пол, и сотня осколков посыпалась на меня. Я лежала тихо, боясь пошевелиться, но Джеймс был тут как тут.

– Снова валишься на спину, ты, дрянь, да?

Он схватил меня за запястье и потащил через комнату, обратно к двери, рывком поставил на ноги.

– Говори правду! – орал он мне в лицо, потом ударил меня кулаком по скуле, и я снова упала на пол.

– Прошу тебя... – я старалась встать, прижимая руку к лицу. – Прошу, Джеймс, просто скажи, что не так. Давай поговорим, просто поговорим...

Бах! Он ударил меня кулаком в плечо. Навис надо мной, лицо искажено яростью, глаза потемнели, и вот он занес ногу, чтобы пнуть меня, когда вдруг зазвонил телефон.

Джеймс кинул быстрый взгляд в сторону гостиной. Продолжали звонить. Теперь Джеймс смотрел уже на меня. Звонили и звонили настойчиво.

– Бип. Это номер 020745632983. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Телефон перешел в режим автоответчика.

– Алло? Сьюзан, это Джейк из Эбберли, прости, что снова звоню тебе, но нам и правда надо поговорить. Сегодня Стив и Джеймс подрались. Стив в больнице, но мы не знаем, куда направился Джеймс. Мы волнуемся за него. И за тебя. Он такое... такое говорил. Позвони мне, когда получишь это сообщение, пожалуйста. Мой номер 020898237456. Спасибо!

Я посмотрела на Джеймса. На щеке у него была ссадина, которой я не заметила сразу, и край рта был расцарапан, там красовалась запекшаяся кровь. На шее тоже была кровь. И на руках. Не знаю, моя или Стива.

Он поймал мой взгляд, и выражение обеспокоенности на его лице тут же сменилось выражением отвращения.

– Встань.

Я медленно встала.

– Снимай одежду.

Я повиновалась, медленно, болезненно, расстегнула пуговицы рубашки, потом сняла ее. Когда она коснулась моего правого плеча, я застонала, потом просто дала ей упасть на пол. Сняла джинсы, бросила их и перешагнула через них.

– И белье тоже снимай.

– Джеймс... прошу... мы не встречались, Стив и я... мы... все это было ужасной ошибкой. Мне не понравилось, и я вообще ничего не почувствовала. Фактически из-за того случая я даже стала больше по тебе скучать...

– Белье снимай, я сказал.

Я сняла трусы, они упали на пол, потом расстегнула застёжку лифчика. Плечо страшно болело, я задержала дыхание, чтобы чувствовать боль не так остро, но меня пугало другое: что сделает Джеймс, если я не подчинюсь, так что я сняла лифчик и положила его на пол, к трусам.

Я вздрогнула, когда он шагнул ко мне, но он не стал меня бить, а прошел мимо, к окну. Раздернул занавески и распахнул ставни.

– Встань здесь, Сьюзан.

Я поколебалась, напротив был дом и много окон. Конечно, нас разделяла дорога внизу, но... но нам отлично было видно, что происходит у них в комнатах, даже ночью, и они тоже могли видеть нас.

– К окну, я сказал.

И я пошла, словно в самом страшном своем кошмаре.

– Иди-иди, иди к окну. Я хочу, чтобы все видели, какая ты

отвратительная, жирная и грязная шлюха...

Я ухватилась за подоконник и стала смотреть на машины внизу. Возможно, если кто-то из них увидит меня, то догадается, что тут что-то не так, и позвонит в полицию. Но и эта надежда покинула меня очень быстро. Никто не увидит и не обратит внимания. Таков Лондон. Никому нет дела, чтобы звонить в полицию. Сзади я услышала шум и повернулась, уверенная, что Джеймс отымеет меня до смерти. Но мне в лицо светила голая электрическая лампа.

– Повернись, – сказал Джеймс. – Я хочу, чтобы весь мир увидел, какая ты уродливая, Сью. Хочу, чтобы они видели твой целлюлит и растяжки. Хочу, чтобы смотрели на твои отвисшие груди, на безразмерные ляжки, хочу, чтобы гадали, как вообще кто-то мог захотеть заниматься с тобой любовью. Как кому-то могло такое понравиться. – Он ткнул меня в бок.

Я давилась слезами, но молчала. Если он так наказывает меня за то, что я переспала со Стивом, то и пусть. Бывали вещи и похуже публичного унижения...

– Ты задумывалась когда-нибудь, почему я перестал с тобой спать, Сьюзи? – Он подождал реакции и продолжил: – Ты себя в зеркало видела? Как думаешь, кому понравится такое тело, а?

По моей щеке покатилась предательская слеза. Чертов ублюдок. Когда эта пытка закончится, когда он наиграется, я уйду от него, и он меня никогда не найдет.

– Думаешь, мне стыдно, что я хожу к проституткам? – Он подавил смешок, а я должна была удивиться. – Да я просто не мог тебя выносить, заниматься сексом с толстой, обрюзгшей бабой. Да и потом ты никогда не умела хорошо сосать.

Пискнула пружина в софе, Джеймс встал, и в комнате стало темно, вероятно, он выключил свет.

– Все, хватит развлекаться. Хочу знать, почему ты трахала Стива. Сколько раз, где и как, и... – он снова схватил меня за волосы, – и смеялась ли ты надо мной тогда?

– Джеймс, нет! – Я стала сопротивляться, била его, как могла, царапала, щипала, но он меня протащил по комнате и кинул на стол. – Просто дай мне уйти, и все.

– Уйти? – Я услышала, как он расстегнул молнию на брюках, а потом почувствовала, как навалился на меня и прошептал в ухо: – Сьюзи, я никогда тебя не отпущу. Никогда. Ты грязная шлюха, но ты моя шлюха. И кроме того, – он притянул мою голову к себе, потом снова ткнул меня лицом в стол, – я хочу, чтобы ты молила о прощении мою мать. У нее

случился сердечный приступ, когда она увидела, как я крушу твою комнату. И это ты заставила меня! Хочу, чтобы остаток жизни ты провела, вымаливая ее прощение, прощение нас обоих. И вот что, – он раздвинул мне ноги и уткнулся членом в ягодицы. – Стив тебя так трахал?

...не знаю, как долго Джеймс насиловал меня на том столе, но я ни слова не произнесла за все время. Даже когда он насиловал меня во всех возможных и невозможных позициях. Не кричала, когда он рвал на мне волосы, терзал запястья и затыкал рот кляпом.

– Что, Натан мог так? А Руперт? А Стив? Кто-нибудь из них так имел тебя, Сьюзи-Сью? Нет. А все потому что никто из них так не любил тебя, как люблю я. И никто никогда так тебя не полюбит.

...я старалась сосредоточиться на висящей на стене маске, чтобы ее белые безжизненные глаза загипнотизировали меня, чтобы перестать чувствовать, а потом... потом я провалилась в огромную черную дыру, и все погасло.

Глава 23

– Сью, садитесь.

Я оглянулась, ожидая увидеть холодный взгляд серых глаз моего бывшего мужчины, но его там не было.

– Сью Джексон?

Черный «Мерседес» с тонированными стеклами медленно едет рядом со мной, и из окна высовывается мужчина. Выглядит он знакомо, но я не могу вспомнить.

– Стив Торренс, – он улыбается мне профессиональной улыбкой, от которой мурашки по коже, и я узнаю эти невероятно белые зубы. Агент Алекса Генри. Я видела его портрет в Интернете. Он снова исчезает за стеклом машины, а потом дверь щелкает и открывается. – Садитесь же.

Я снова оглядываюсь, но за мной никто не гонится. Улица пустынна. Но я же не могла придумать, что за мной гонится Джеймс? Он точно был тут, я видела его лицо, куда же он делся? Неужели его спугнула машина Стива? И он теперь прячется в тени, дожидаясь, когда Стив уедет, чтобы наброситься на меня?

– Слушайте, Сью, – Стив вылезает из машины. – Я ведь очень занятой человек, садитесь уже или пошлите меня к черту, только уже сделайте что-нибудь!

Я колеблюсь. Испытать судьбы и поймать такси до вокзала, рискуя, что Джеймс доберется до меня, или же сесть в машину к незнакомому человеку?

Стив улыбается еще шире, как только я сажусь к нему в машину. Он освобождает для меня место, я в последний раз оглядываюсь, улица пустынна, потом запираю за собой дверь. Какая-то тень движется снаружи, и я вздрагиваю.

– Давайте уже поедem, – говорю я. – Вперед!

Водитель, пожилой человек в фирменной фуражке, плотно посаженной на голову, прямо до глаз, тоже оглядывается и говорит:

– Вы что думали, вы Роберт де Ниро? Это Вест-Энд, а не чертов Нью-Йорк.

Он смотрит на Стива Торренса в поисках поддержки, но тот лишь изгибает бровь и поворачивается ко мне, не сбавляя улыбки.

– Куда ехать, Сью? – спрашивает он.

– На вокзал Виктория, – я застегиваю молнию на сумочке, одним

глазом все еще слежу за улицей. Боюсь, что сейчас покажется Джеймс, распахнет дверь и утащит меня прямо из машины.

Водитель пожимает плечами, заводит машину, и мы отъезжаем. На дороге пробка, и мы еле движемся, до конца улицы ехать в сотню раз дольше, чем идти пешком. Только когда за окном машины заканчивается лента пешеходного тротуара, я могу вздохнуть свободно.

Стив Торренс отрывает взгляд от «Блекберри».

– Сколько?

Я ничего не говорю, полагая, что он говорит с водителем.

– Так сколько? – Теперь он ловит мой взгляд, перед тем как снова уткнуться в телефон.

Я прижимаю сумку к груди.

– Что вы заладили, сколько-сколько. Сколько чего?

– Сколько денег, чтобы вы молчали.

– Что? Вы о чем?

– Слушайте, Сью, – он откидывается на сиденье, прячет мобильник во внутренний карман пиджака. – Давайте уже не вертеть тут. Ваш триумф в клубе сделал вас заметной, поздравляю. Давайте понадеемся, что рядом не было никаких журналюг с мобильными телекамерами на изготовку, чтобы нас с вами заснять, а то мы бы им обеспечили сенсацию, – он смеется. – Так что не юлите и просто скажите, сколько будет стоить, чтобы вы не пошли с этим в газеты?

Через пару секунд до меня наконец доходит, о чем он.

– Так вы думаете, я из-за денег? Что я пришла туда, чтобы Алекс мне заплатил?

– А вы нет?

– Конечно, нет. – Я ослабляю ремень безопасности, чтобы смотреть Стиву в лицо. Он, вероятно, намного выше меня, но его живот и полное отсутствие шеи делают его шире и ниже, а на его лысой макушке, как теперь мне видно, сияет глянцевое пятно света. – Я не из тех женщин, мой муж – Брайан Джексон, он член парламента.

– Круто. – Стив лезет во внутренний карман, достает оттуда платок и вытирает пот, который уже каплями собрался у него на лбу. – Вот повезло так повезло. Теперь вляпались аж в правительственные терки, и все из-за того, что мой клиент не может змею в клетке удержать.

– Так он переспал с моей дочерью? – Я спрашиваю настолько спокойно и беспристрастно, насколько вообще могу, хотя сердце готово выскочить из груди.

Стив перестает вытирать лысину, чтобы посмотреть на меня.

– Погодите, я ведь слышал, как и другие, что вы обвинили Алекса в сексе с несовершеннолетней. А теперь вы говорите, что все было не так?

– Я его ни в чем не обвиняла. Я просила его поговорить со мной.

– Остановите машину! – Стив дергается на сиденье и поднимает руку. – Немедленно остановите машину!

Нам сигналият, но мы в итоге тормозим. Слева – парк, обнесенный бесконечным забором, а справа – череда мотелей. С обеих сторон улицы скупо горят фонари, освещая пустые бутылки из-под пива, окурки и собачье дерьмо, всем этим умащен тротуар. Если мы уже на вокзале, то тут не райское местечко.

– Пошла вон, – Стив тянется через меня и открывает дверь, – вон пошла из моей машины!

– Не пойду, – закрываю дверь.

– Как это не пойду? – Он смотрит на меня близко-близко, буквально глаза в глаза. Могу разобрать без труда поры на его лице и сетку вен, от Стива пахнет шампанским и карри.

– Никуда я не пойду, пока вы не расскажете, что там произошло между Алексом и Шарлоттой.

– Когда именно?

– Когда ваш подопечный с моей дочерью уединились в туалете.

– Ты не по адресу, дорогуша, меня там вообще не было.

– А тогда выясните, вы же агент.

– А стоит мне на тебя тратить время, а? – ухмыляется Стив. – Ты угрожать не будешь, я уже понял это.

– Угрожать не буду, но полицию вызвать могу.

Ухмылка исчезает с лица Стива.

– Мистер Торренс, я не тот случай, когда собака лает, а ветер носит. У меня пятнадцатилетняя дочка в коме, и мне кажется, что ваш клиент имеет прямое отношение к произошедшему.

– Ух ты! – Стив поднимает руки ладонями наружу, сдается типа. – Ничего о коме раньше не слышал.

– А вот теперь слышите.

– Какого вообще черта? – Стив перехватывает изумленный взгляд водителя и машет рукой в его сторону, чтобы тот ехал дальше, а не стоял. Через пару секунд мы трогаяемся.

Стив принимает ко мне и понижает голос до шепота.

– Если вы обвиняете моего подопечного в том, что он причинил вред вашей дочери, то лучше бы вам иметь весомые улики, дамочка, или...

– Я уже говорила, что никого ни в чем не обвиняю. Просто хочу знать,

что случилось, когда они с Шарлоттой встретились.

Стив откидывается на своем сиденье.

– Я вам сказал, что меня с ними не было. Я летал в Нью-Йорк по работе.

Машина заворачивает за угол, мы приехали на вокзал, вот он. Смотрю на часы. Пятнадцать минут до отправления последнего поезда. Оглядываюсь на Стива.

– Можете устроить мне разговор с Алексом? Я бы напрямую спросила его о произошедшем.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Вообще-то я...

– Вот, – он лезет во внутренний карман пиджака и достает оттуда мобильный. Протягивает его мне. – Вбейте ваш номер. Я переговорю с Алексом. Позвоню вам.

Вбиваю свой мобильный номер, не имея при этом понятия о том, могу доверять Стиву или нет. Он имеет доход с того, что выставляет своих клиентов в самом выгодном свете. Неудивительно будет, если за Алексом откроется что-то неблагоприятное и Стив захочет это замять, даже не перезвонив мне. И меня даже не удивит, если Стив позвонит, но при этом скажет, что его подопечный отрицает даже малейшее знакомство с Шарлоттой.

Вообще, позвонит ли он...

– Все в порядке? – Стив смотрит на мой номер, потом кладет мобильник обратно в карман пиджака.

Машина заворачивает за угол и останавливается.

– Вот и вокзал, – говорит нам водитель.

Стив протягивает мне руку.

– Я на связи, – говорит он и жмет мою ладонь. Легкая морщина разрезает его лоб, когда он откидывается на своем сиденье и снова достает из кармана «Блекберри». Я открываю дверь автомобиля и выхожу прочь.

* * *

Пятница, 23 октября 1992

Я была в заложницах у Джеймса около шести недель, он покидал меня только ради визитов к матери, в больницу. Перед тем как выйти из дома,

он отключал телефон и проверял, чтобы каждая дверь и каждое окно были наглухо заперты. После недели моего отсутствия на работе моя начальница, Вэл, позвонила и попросила меня к телефону. Я с софы слышала, как Джеймс сказал ей, что я уехала в Йорк, потому что здоровье матери ухудшилось и я должна была быть рядом с ней.

– Она велела мне поблагодарить вас за все и принести извинения за то, что мало времени уделяла работе, – сказал он Вэл от моего имени, и в его голосе звучало неподдельное раскаяние. Похоже, Вэл удовлетворилась этим объяснением, потому что она больше не перезванивала. И вообще никто не звонил. Ни мама, ни Джейк, ни Хеллс, ни Руперт, ни Эмма. Ведь ни у кого просто не было моего номера...

Я вдруг осознала, что Джеймс может запросто меня убить в любой момент, когда захочет, и никто об этом не узнает, никто не встревожится. И так моей целью с утра каждого дня стала очень простая вещь: выжить. Не то чтобы Джеймс снова меня бил, нет, – ну, если не считать того случая, когда он заметил, что я высунулась в окно спальни и пыталась привлечь внимание какой-то леди на улице. Он меня избил. Он раздавал приказы: сядь сюда, встань там, приготовь еду. А иногда просто игнорировал меня. Не давал читать, смотреть телевизор и даже не разрешал убрать беспорядок в комнате для шитья. Мне позволялась только работа по дому или пребывание на софе в холле, причем сидеть надо было так, чтобы он меня постоянно видел.

Через три недели после того, как Джеймс меня жестоко изнасиловал, я сказала ему, что мне нужно пойти ко врачу. Он рассмеялся мне в лицо и сказал, что о моих причиндалах мне стоило беспокоиться до того, как я переспала со Стивом.

– Нет, – сказала я, – у меня задержка на неделю. Мне нужно проверить, не беременна ли я.

Он купил мне тест на беременность, и когда я села на унитаз, опустив предварительно крышку, и стала смотреть на полоску теста, мне стало страшно. Года два тому назад, узнай я о том, что беременна от Джеймса, я была бы на седьмом небе от счастья, но теперь меня охватывал ужас. Я все еще отчаянно надеялась, что моя измена со Стивом перестанет так мучить Джеймса и он просто позволит мне уйти. Что Джеймсу все это в какой-то момент просто надоест (не может же так продолжаться вечно?). Но беременность меняла все. Если я беременна его ребенком, то он будет держать меня взаперти еще девять месяцев.

– Ну и что там? – Джеймс ворвался в ванную. Я не могла закрыть

дверь, не было шпингалета.

Я протянула ему тест и ничего не сказала.

– Две голубые полоски? – Он нахмурился. – И что же это должно означать?

– Что я беременна.

Я снова пробовала сбежать, когда в следующий раз Джеймс собрался покинуть дом на некоторое время. Первым делом я вырвала из справочника страницу с телефонами клиник, специализирующихся на абортах, и спрятала этот листок туда, куда Джеймс не догадался бы добраться – в секретный ящик старинного стола, на котором я когда-то шила. В этом ящике были спрятаны все мои сбережения и дневник. Потом я отправилась обходить весь дом, чтобы найти хоть что-то себе в помощь: осмотрела каждый ящик стола, каждую баночку, каждую чашку, заглянула во все шкафы. Хоть что-то бы найти... пять дней ушло на то, чтобы в шкафу Маргарет отыскать ее старое пальто, а в нем – о боже! Я едва могла дышать от волнения, – что-то маленькое, холодное и металлическое. Ключ! Ключ от двери. Она не выходила из дома годами, ключ хранился все это время здесь. Но, может, это лишь ирония судьбы и ключ не подойдет. У меня не было шанса выяснить, потому что, как только я нашла ключ, входная дверь открылась сама: вернулся Джеймс. В панике я спряталась прямо в большом шкафу, где стояла, прикрылась пальто. Я слышала шаги Джеймса, он поднимался по лестнице.

– Сьюзи? – он позвал меня. – Сьюзи, где ты? Я не чую запаха обеда. Ты что, весь день смотрела телевизор, ты, ленивая сука?! Сьюзи!

Скрипнули половые доски в комнате для шитья. Потом он вышел оттуда и снова позвал меня.

Шаги становились громче, он вошел в комнату матери. Я задержала дыхание, уверенная, что сердце может не выдержать и просто разорвется.

– Сьюзи? – Джеймс позвал тише, он удалялся к лестнице, не найдя меня.

Я потихоньку выскользнула из шкафа, ключ был в моем носке – для пущей сохранности. Что было сил я кинулась вниз по лестнице.

Джеймс с удивлением посмотрел на меня, когда я выскочила в гостиную.

– Ты где была, черт тебя дери? Я был наверху, но не обнаружил тебя там.

– На чердаке, – я стерла воображаемую пыль со щеки (в шкафу у Маргарет было не чище, чем на чердаке, надо сказать). – Я вспомнила,

что твоя мама хранила там твои детские вещички, хотела на них взглянуть.

– Ты что хотела?

– Прости, – я прижала руку к пока не округлившемуся животу, – я лишь хотела подобрать что-то для малыша. Подумала, что смогу что-то сама перешить из старого. А комнату для шитья мы можем превратить в детскую. По-моему, будет здорово.

– Но... – лицо Джеймса стало почти нормальным, ушел бешеный румянец гнева, и челюсть перестала дрожать от ярости. – Но я не заметил, чтобы ты выдвинула лестницу, да и люк на чердак был закрыт.

– Я его и закрыла, – сказала я, все еще придерживая живот. – Не хотела рисковать, мало ли, споткнусь и упаду. Вдруг это повредит ребенку.

От таких идиотских разговоров я чувствовала себя совершенно больной, словно мы – я и Джеймс – участвуем в безумном спектакле, разыгрывая перед невидимым зрителем сцены из счастливой семейной жизни, переливающейся всеми цветами радуги. Будущий ребенок станет ахиллесовой пятой Джеймса.

Джеймс смотрел на меня не дольше секунды, переводя взгляд с моего лица на мой живот, а потом опять на мое лицо. Он понимал, что я вру, но хотел мне поверить.

– Больше так не делай, – он махнул мне рукой, чтобы я ушла, – чердак – не твоего ума дело, что там – тебя не касается. Если ребенку что-то понадобится, я ему все достану.

– Ладно, – я чувствовала, как ключ упирается мне в лодыжку, стоило мне сделать шаг. – Я пойду приготовлю чай, хорошо? На ужин у нас индейка.

Я сбежала на следующий день.

Посмотрев из окна (в щель занавески), как Джеймс уезжает на работу, как он пересек дорогу и встал на автобусной остановке, я решилась. Когда он бросил мимолетный взгляд на дом, внутри меня что-то оборвалось от ужаса, но он быстро отвернулся. Он меня не заметил. Ровно через тринадцать секунд он сел в автобус номер 13 и уехал. Навсегда.

Я кинулась собирать вещи, метаясь по дому: туалетные принадлежности, белье, полотенце, немного еды. Все это сложила в сумку. Я не знала, сколько времени займет аборт, как долго мне придется пролежать в больнице. Среди моих знакомых не было ни одной, которая перенесла бы аборт, поэтому я вообще не знала, сколько он стоит.

Конечно, цена в данном случае не имела значения, но все же не хотелось об этом много думать. Я заранее ненавидела себя за то, что собиралась сделать, а что до цены, – то я планировала уложиться в шестьсот фунтов. И еще должно было хватить на недорогую поездку куда-нибудь за границу, потому что как только Джеймс выяснит, что я натворила, он кинется меня искать, и чем дальше я буду, тем лучше.

Я стояла в комнате для шитья, держа в одной руке дневник и страничку с рекламой клиник, а в другой – пачку листков для записей, когда услышала звук бьющегося стекла. Побросав все в сумку, саму сумку закамуфлировала куском испачканной материи, а сама аккуратно выглянула на лестницу. Шум исходил от входной двери. Неужели Джеймс вернулся так рано? Я сжала руками живот и стала прокрадываться дальше. Если доберусь по лестнице до самого верха, оттуда смогу увидеть. Продвигалась я медленно, каждый раз замирая, когда слышала новый звук. Я почти добралась до лестничной площадки, когда лязгнул ящик для почты, и я от этого звука почти подскочила. Потом я сбегала вниз по лестнице. На полу у входа лежал белый конверт. Его оставил газовщик.

Через полминуты я уже спускалась к выходу с сумкой в одной руке и ключом в другой.

– Прошу тебя, подойди, – молила я ключ, когда он входил в замочную скважину. И он подошел. Дверь открылась.

Я побежала по тропинке, потом – по улице, и ни разу не оглянулась. Даже когда вспомнила, что из дневника у меня выпал маленький листок и так и остался лежать на полу в комнате для шитья.

Глава 24

– Вечер добрый? – Брайан силится разглядеть меня сонными глазами, в то время как часы отсчитывают шесть утра на прикроватном столике.

– Добрейший!

Он зевает и обхватывает голову руками.

– А когда ты вернулась?

Я собираюсь соврать, но не знаю, во сколько он уснул, поэтому не могу притвориться, что спала рядом.

– После двух, – даю я уклончивый ответ.

Он изгибает бровь.

– Ты ведь не пила, нет? Кажется, алкоголь не рекомендуют смешивать с таблетками...

– Нет, конечно. Был прекрасный вечер, мы зашли в кофейню неподалеку от театра, я и Джейн, и выпили по чашечке. На самом деле просто потеряли время, и все.

Брайан поворачивается в кровати, чтобы лучше меня видеть. В животе быстро растет беспокойство, я стараюсь не смотреть ему в глаза, надеюсь, он не будет пристрасстно меня допрашивать о прошедшем вечере.

– Я очень рад, что ты хорошо провела время, родная, – он меня целует, чувствую его губы на своей щеке, потом он садится на кровати, откидывая одеяло. Матрас скрипит под ним, когда он встает, скрипит и половица, когда идет в ванную. А потом наступает тишина.

Прижимаю его подушку к груди, нежно ее обнимаю. Я уже так близко к разгадке того, что произошло с Шарлоттой, но я так сильно устала. Я хочу все бросить, лечь и проспать миллион лет, а проснуться, когда все уже закончится, но... но я не могу. Не могу победить кому, которая отнимает здоровье у моей дочери, лишает ее умственных способностей и, вероятно, отбирает саму жизнь.

Что мне остается кроме того, чтобы ждать? Все упирается в Стива Торренса. Позвонит ли он?

Я тоже откидываю одеяло и сажусь на кровати.

Но я могу сделать кое-что еще...

– Сью? – Дэнни смотрит на меня с порога. У него измятое сонное лицо, все в полосках от простыни, глаза никак не могут сфокусироваться на мне. – Слушайте, сейчас ведь восемь утра, воскресенье!

– Я в курсе.

– Но как, – он проводит рукой по спутанным светлым волосам, на нем распахивается халат, – как вы узнали мой адрес?

– Я позвонила Алексу. Конечно, ему тоже не понравилось, что я его так рано разбудила.

– Вот как, – Дэнни зевает и оглядывается, словно ищет кого-то, – чем могу быть вам полезен, Сью?

– Можно мне войти?

Дэнни запахивает полы халата.

– Хммм... сейчас на самом деле не очень удобно.

– У тебя Кейша, да? Все в порядке. Я могу и при ней говорить.

Дэнни переминается с ноги на ногу.

– Ее тут нет.

– О как, – я смотрю ему через плечо в глубь квартиры. На полу валяется пара туфель с фантастически высокими каблуками. Дэнни ловит мой взгляд.

– Это не то, о чем вы подумали, – он трясет головой, – в конце концов, какая разница, что вы подумали?

– Ты соврал, – говорю я, – соврал про «Грейс», я знаю, что вы все были там.

– Сью, клянусь, – он молитвенно складывает руки на груди, – меня там не было. В Брайтоне много завистников, и если кому-то охота сплетничать, то...

– Дэнни.

– Что?

Он смотрит мне прямо в глаза, ожидая, что я скажу следом. Он улыбается, брови домиком, руки уже засунул в карманы халата. Он как Джеймс: когда дело доходит до лжи – актерствует профессионально. Интересно, что он наплел женщине, которая сейчас у него в постели? Что он расстался с Кейшей, что они просто приятели, что у них свободные отношения? А что сама Кейша? Что он говорит ей, чтобы она не подозревала его в изменах?

– Никто мне ни о чем не сплетничал, Дэнни. У полиции есть съемка того вечера в «Грейс», и я видела, как ты входил в клуб.

– У полиции... – он пытается прочесть больше по моему лицу, но выражение на нем каменное. Я тоже неплохо научилась играть.

- Дэнни, просто скажи мне, что произошло.
- Он делает шаг назад, в прихожую.
- Лучше вам войти.

* * *

Через пятнадцать минут я снова на пороге у Дэнни. Я собираюсь уходить и попрощаться.

– Не моя вина, – снова говорит Дэнни. – Элла слышала, как мы с Кейшей разговаривали о том, чтобы пойти в «Грейс», и потом они с Шарлоттой приехали туда тем же поездом, что и мы с Кейшей, в субботу вечером. Я убеждал их вернуться в Брайтон, но Элла сказала, что...

– ...что она сдаст тебя за то, что ты продаешь выпивку несовершеннолетним в «Бриз», да? – Я уже знала эту историю, он ее мне несколько раз рассказывал.

– Ну да, так и есть. – Дэнни скрещивает руки на груди и прячет ладони под мышками.

– Но почему они именно в «Грейс» за вами поехали? Потому что там гламурно?

Он пожимает плечами и говорит:

– Потому что тамошние посетители – всегда на первых полосах желтой прессы, да? Потому что Элла на меня запала?

– Запала на тебя?

– Да, Шарлотта рассказала об этом Кейше. Вот почему они и поехали туда. Элла слышала, как я обсуждаю поездку в «Грейс» с приятелем, у нее сложилось впечатление, что Кейша со мной не поедет, и, если ей самой придется в мини-платье, – он ухмыльнулся, – она сможет меня подцепить.

Я снова смотрю на туфли в прихожей. Сколько той женщине в постели Дэнни?

– И ей удалось?

– Спать с Эллой? Я что, идиот?

– Но ты пустил ее в клуб.

– Послушайте, Сью, – Дэнни широко развел руками, – я всех девочек пускаю в «Бриз» потому, что туда ходит Шарлотта. Она сестричка моего лучшего друга, и она из отличной семьи.

– Если бы у тебя была несовершеннолетняя сестра, ты бы и ей налил выпить, да?

– Конечно, нет. – Дэнни становится очень тихим. На лицо находит тень. – Вы можете меня обвинять в чем угодно, в том, что случилось с Шарлоттой, но она не мой ребенок. Где, вы думаете, она была до двух или трех часов утра? В футбол играла? Что за мать у девочки, которая не в курсе, где ее ребенок в это время суток?

Я покачнулась, но устояла.

– Простите, но я не позволю себя унижать и обвинять только лишь потому, что я пустил сестру лучшего друга и ее подругу в клуб.

Не могу говорить. Я слишком под впечатлением от его предыдущего замечания. А ведь он прав. Мне сложно в этом признаться самой себе, но он прав. Где, я думала, Шарлотта в тот вечер в субботу?

А я помню, о чем думала: что она у Эллы, что у них там пижамная вечеринка или девичник. Я себе воображала, что они смотрят романтические комедии по DVD, примеряют одежду Эллы, красят ногти и сплетничают. А не встают на высоченные каблуки, не надевают мини-юбки, не заказывают алкогольные коктейли и не трахаются в туалетах с незнакомцами.

Я, получается, вообще не знала свою дочь.

– Ты его видел? – спрашиваю я. – Видел Алекса Генри?

Дэнни отрицательно качает головой.

– Я не могу пройти в VIP-зону, и к тому же я довольно быстро ушел. Шарлотта, Кейша и Элла разозлились на меня, а потом все перессорились. Кейша обвинила меня в том, что я тайно ухаживаю за Эллой, сказала, что я специально ее пригласил, чтобы мы остались втроем. Но это была брехня, я должен это сказать. Ну я и ушел, не в силах больше этого вынести.

– Ты их оставил в клубе?

– Ага. Кейша не дите, и я подумал, что Элла и Шарлотта вполне взрослые, чтобы самим добраться на поезде обратно, но я их туда не звал.

– Но им же только по пятнадцать лет, и ты оставил их в клубе среди мужчин, которые раза в два старше их...

– А я похож на няньку?

– Дэнни, мне трудно говорить и трудно соображать, – меня прервал звонок телефона, – погоди.

Достаю мобильник из сумки. Номер мне не знаком.

– Алло, это Сьюзан Джексон.

– Привет, Сью, это Стив. Стив Торренс.

Минуту я не могу сообразить, с кем разговариваю, потом резко вспоминаю.

– Как вы, Сью? Я тут переговорил с Алексом...

Я вся напрягаюсь, ожидая, что он скажет дальше.

– Алекс сказал, что в туалет с вашей дочерью пошел, но там ничего не было. Она просила у него работу, хотела на подтанцовку, но боялась сцены. Потом разрыдалась, сказала, что не может справиться с одной проблемой. Какой-то чувак ее достает, так сказал Алекс. Что делать с вашей дочерью, он не знал, поэтому оставил ее там, в туалете. И ушел к своим приятелям. Больше он Шарлотту не видел.

– Ее... – я делаю шаг назад, стараюсь словно ухватиться за что-то, но вокруг только воздух, не на что опереться. – Ее кто-то шантажировал?

– Так сказал Алекс. – Стив вздыхает. – Слушайте, дорогая, я не в курсе, как вы там ладите со своей дочерью, но если бы она была моей дочерью, я бы ей не позволил зависать с сомнительными парнями и проститутками, иначе ее примут за шлюху. Если, конечно, она не этого добивается.

– С проститутками... – Я стараюсь успокоиться. Дэнни смотрит на меня, у него глаза светятся от любопытства, но мне все равно. Я словно вышла из собственного тела, и все происходит не со мной. Будто я играю в пьесе и произношу чьи-то чужие слова. – Алекс принял мою дочку за проститутку?

– Никто не говорит о том, что Алекс пользуется услугами проституток, слышите? Он ей не платил, и если вы попыгаете продать эту историю газетам, рассказать, что он якобы затащил в туалет несовершеннолетнюю и там хотел с ней вступить в связь, я натравлю на вас адвокатов.

Дэнни хмурится и скрещивает руки на груди.

– А как выглядели те, с кем она была там?

– Откуда мне знать? – Стив громко зевает, мне слышно в трубку. – Чего вам надо? Фоторобот, что ли, составить? Алекс что-то сказал о парне и симпатичной черной девочке.

– Он какие-нибудь имена произносил?

– Пинки и Перки. Я без понятия. Он ничего не говорил и ни о чем не спрашивал. Слушай, милая, – в голосе Стива появляется новая нотка. – Все это очень здорово, хорошо мы тут с тобой болтаем, но у меня есть дела поважнее. Мы договорились, я свое слово сдержал, и на этом все. А вы?

– Что?

– В полицию раздумали идти? У вас нет доказательств, мой клиент пальцем вашу дочь не тронул.

– Нет, – говорю я, – в полицию я не пойду.

Стив вешает трубку.

– Вы в порядке, Сью? – Дэнни обхватывает себя руками и потирает

бока. – Не возражаете, если я зайду в дом, а то снаружи холодно.

– С кем ты там разговариваешь, Дэн? – В дверях появляется лицо в форме сердечка, обрамленное очаровательными белокурыми локонами. – Возвращайся в постель, мне холодно, слышишь? – Тут девушка замечает меня. – Черт, это твоя мать? Волнующая будет сцена.

– Это не то, о чем вы думаете, – говорит мне Дэнни, когда его подруга исчезает в холле, но я поднимаю руку, давая понять, что разговор окончен.

– Мне дела нет до того, с кем ты спишь, Дэнни.

– Клево, – он делает шаг назад в холл и хочет закрыть дверь.

– Скажи мне одну вещь перед тем, как закроешь дверь.

Дэнни оставляет щель в двери:

– Хорошо.

Я могу на него надавить. Могу сказать, что до тех пор, пока он мне не скажет правду о случившемся в «Грейс» той ночью, я его не отпущу, сообщу в полицию, что он сутенер, но... но есть и более простой способ узнать все, что мне нужно.

– Дай мне адрес твоей подруги. Кейши.

Глава 25

– Кейша? – продавливаю мембрану почтового ящика в двери и приоткрываю щель, через которую мне чуть-чуть видно холл. – Кейша, ты здесь?

По стене пробегает тень, в самом дальнем углу квартиры, а за окном беснуются чайки.

– Кейша, это Сью Джексон, мама Шарлотты. Мне очень нужно поговорить с тобой, правда, очень нужно.

Тень на стене растет.

– Кейша, это ты?

Слышу, как скрипит пол.

– Кейша, ты там одна?

– Да, Сью.

Тень обретает человеческие очертания: вот показались ноги. Светло-розовая кромка подошвы, вокруг лодыжки вьется цепочка-браслет, потом передо мной предстает вся Кейша целиком. На ней коротенькая розовая ночнушка, на груди – рисунок из какого-то диснеевского мультфильма, на плечи наброшен серый халат. Волосы не убраны и лежат в утреннем беспорядке, косметика смыта. Кейша в таком виде предстает невероятно юной. Я вытаскиваю палец из щели для писем, когда она подходит к двери. Через пару секунд дверь открывается.

– Сью, что вы здесь делаете?

– Твой адрес дал мне Дэнни. Я просто хотела узнать, как у тебя дела.

– Ах вот что, – Кейша выглядит и довольной, и обеспокоенной в одно и то же время. – Так мило с вашей стороны, Сью. Заходите же.

Я следую за ней в гостиную и, когда она просит меня присаживаться, буквально тону в черном кожаном кресле. Кейша пересекает комнату, подходит к окну и опускает шторы. Какую-то долю секунды мне кажется, что она эти шторы собирается открыть, но нет. А за окном стоит такой роскошный день! Вместо этого Кейша двумя пальцами слегка раздвигает уже задернутые шторы и опасно выглядывает наружу.

– Кто-нибудь видел, как вы заходили, Сью? Сюда заходили, я имею в виду.

Я отрицательно качаю головой.

– Не заметила. А что?

– Не важно.

Она оставляет шторы в покое, шторы смыкаются с тихим мягким звуком, а Кейша потирает ладонями плечи, обняв саму себя. Кажется, ей холодно, но в квартире жарко. Я начинаю потихоньку раздеваться, снимая сначала пальто, потом кардиган.

– Чаю хотите, Сью?

– Нет, благодарю. Я просто...

Но Кейша уже испарилась, прокралась по ковру на крошечную кухню (такие бывают, наверное, на кораблях), которая располагается на другом конце квартиры.

– Кейша, – я иду за ней, – все в порядке?

Она смотрит на входную дверь и после этого делает знак зайти на кухню, закрывает за мной дверь. Когда я поворачиваюсь, чтобы опереться на эту дверь, слышу, как Кейша и в кухне задерживает занавески, так что комнатка погружается во мрак.

– Кейша, да что происходит?

Она отходит от окна к столу и берет чайник. Наполняет его водой и включает, достает чашки и расставляет их для меня и себя.

– Где этот гребаный чай? Не дай бог, Эстер заварила последнюю порцию...

Я тихо стою у двери, наблюдаю, как она переставляет банки, коробочки и пакетики с одного места на другое и, переставив, начинает сначала в обратном порядке.

– Успокойся, – говорю я, замечая, что ее движения становятся хаотичными. – Мне чай не нужен, я с удовольствием выпью кофе.

– Вот черт!

И вдруг три вещи происходят одновременно: с полки падает банка джема, Кейша вскрикивает, банка разбивается, и по полу рассыпается сотня мелких осколков, прямо возле босых ног Кейши.

– Чертов черт!!! – Кейша отпрыгивает, но отпрыгивать особенно некуда, кухня просто крошечная, и ей в пятку впивается большой кусок стекла.

– Аптечка у тебя далеко тут? – спрашиваю я как можно спокойнее, пока Кейша замирает от вида крови, появляющейся у нее на ноге.

Кейша отрицательно мотает головой.

– Ну а хотя бы чистое полотенце?

Она молча указывает на ящик справа от раковины.

– Какой-нибудь антисептик есть?

– В ванной должен найтись.

Спустя пятнадцать минут мы возвращаемся в гостиную, Кейша

садится в кресло, я забинтовала ей ногу так хорошо, как только могла, в качестве бинта пришлось использовать подарочное полотенце «Кинг Коронэйшн», а подставкой для поврежденной конечности нам послужили два поставленных друг на друга ящика из-под посылок Амазона, найденные мной на заднем дворе.

– Спасибо за помощь, Сью, – говорит она, пока я присаживаюсь рядом с ней. – Ни в какую больницу я не поеду, говорю сразу.

– Но у тебя довольно глубокий порез, – говорю я и вспоминаю лужу крови, которую пришлось вытирать шваброй на кухне, да и дыра у Кейши в левой пятке была ощутимого размера. – Тебе, возможно, надо наложить швы, кровь-то перестала течь, но стоит тебе опустить ногу, как циркуляция крови восстановится, и... короче говоря, могут быть проблемы.

– Они и так у меня уже есть.

– Что ты имеешь в виду?

– Да так, не обращайтесь внимания.

– Я на машине, – я делаю движение в сторону окна. За ним улица, где я припарковалась. – Никаких проблем, я только возьму...

– Я же сказала, что все в порядке.

– Кейша, я себе не прощу, если оставлю тебя в таком состоянии...

– Ни в какую на фиг больницу я не поеду!

Пару минут мы обе молчим. Я складываю руки на коленях и осматриваюсь. Вот довольно-таки убогий камин, на нем – ваза с засохшими цветами, возле телевизора навалена куча DVD, а рядом с ней – фото женщины, которую я не узнаю. Она заснята на фоне Букингемского дворца. Это ее соседка по квартире, интересно?

– Простите, Сью. – Кейша смотрит на меня. – Вы не заслуживаете того, чтобы я на вас орала. – Кейша снова смотрит на шторы и чуть спускается в кресле, чтобы за спинкой ее совсем не было видно.

– У тебя все в порядке, точно? – я тоже смотрю на окно, но там ничего нет. – Ты какая-то нервная сегодня.

– Да? – Кейша смеется. – Просто я по натуре непоседливая, и все. Спросите Дэнни. Я всегда все роняю и разбиваю. Не удивлюсь, если расшибу лоб скоро. В любом случае, – она убирает волосы с лица, – вы-то сами как, Сью?

– Я-то нормально, – тянусь за своим кардиганом и кладу его на колени. Если нет чая, то надо же куда-то девать руки, вот буду держать кардиган. – Кейша, а скажи мне как на духу: почему кое-кто называет тебя проституткой?

В ответ на свое провокационное заявление я ожидаю от Кейши

минимум взрыва протеста. А вместо этого она достает сигарету и зажигает ее. Глубоко затягивается, но руки у нее не перестают дрожать.

– А он в курсе?

Она говорит так тихо, что я едва разбираю слова.

– Он кто?

– Дэнни. – Кейша смотрит на меня, глаза у нее широко распахнуты, и они очень красивые, но в них стоят слезы. – Вы ему уже сказали?

– Дэнни? – Я отрицательно качаю головой. – Я... я не вполне понимаю. Я думала, он твой сутенер.

– Мой сутенер, ха. Да вы издеваетесь, что ли?

Похоже, мне удалось ее слегка развеселить.

– Дэнни считает, что я ангел. Он меня так и зовет: мой дорогой, мой бесценный ангел, говорит он. Можете представить, как он звал бы меня, если бы знал, кто я на самом деле? – У Кейши изменяется выражение лица. – Если бы знал, чем я занимаюсь?

– Чем?

– Я вроде бы завязала, когда мы с Дэнни познакомились. Не хочу быть официанткой, но только так могу платить за квартиру, с тех пор как... – Она прерывается и трясет головой.

– С тех пор как что, Кейша?

– Да ничего.

– Ничего себе ничего! – Смотрю, как она давит сигарету двумя пальцами. – Что стряслось? Почему ты так боялась открыть мне дверь? И почему так дергалась, когда мы сидели на лестнице у клуба в тот раз?

Кейша снова смотрит на окно, потом переводит взгляд на руки. Вижу полосы на ее запястьях. Она ловит мой взгляд.

– Это сделал не Дэнни, если вы о моих запястьях.

Я встаю с софы и сажусь рядом с Кейшей на подлокотник. Следы на запястьях пурпурные, отлично отпечатавшиеся чьи-то пальцы. Кто бы это ни был, он был очень сильным.

– Кто это сделал? Клиент? Сутенер?

– Я уже вам сказала, – она начинает злиться. – Я собой больше не позволю играть. Я люблю Дэнни и умру, если он узнает. Если он уйдет, я не знаю, что я стану делать. Я ничто без него.

Ну прямо как я двадцать лет назад.

– Прости, Кейша, – нежно дотрагиваюсь до ее руки, но она вздрагивает. – Я не хотела тебя расстраивать, но кто-то причинил тебе вред, и этого человека нужно остановить, иначе он сделает это снова. Ты обращалась в полицию?

Она отрицательно качает головой.

– Хочешь, я пойду вместе с тобой?

Хотя сама мысль о том, чтобы переступить порог полицейского участка, вгоняет меня в дрожь, но этой девочке нужна моя поддержка. Даже если я не смогу продвинуться дальше порога полиции, я должна переступить этот порог.

– Нет.

– Но ты туда обратишься? Пусть не сама, но обратишься?

– Я не могу пойти в полицию.

– Почему же?

– Не важно.

Кейша пытается встать, постанывая, как только ее раненая нога касается ковра. Я стараюсь помочь ей, но она отталкивает меня, и я просто смотрю, как она ковыляет на кухню и открывает холодильник.

– Вино будете?

Когда я отказываюсь, она достает бутылку, срывает крышку, прямо из горла делает два глубоких глотка и достает огромный стакан, больше похожий на вазу, из шкафчика за раковиной.

– Не надо бы вам влезать во все это, Сью, – говорит она, пока опустошает бутылку, наливая полный стакан. – Я и так вам слишком много сказала.

– Да ты вообще мне ничего толком не сказала!

– Но была близка к этому.

* * *

– Кейша, – говорю я, когда мы возвращаемся в гостиную и она снова садится в кресло, кладет ногу на подлокотник, – если ты вышла из игры, почему кое-кто сказал, что видел тебя в «Грейс» в паре с сутенером?

Пару секунд Кейша смотрит на меня, словно подбирая слова.

– Кто сказал вам, что я проститутка?

– Стив Торренс, агент Алекса Генри.

Она изгибает бровь.

– Понятно.

– Что ты имеешь в виду?

– Я знала нескольких футболистов.

– Знала?

– Они были со мной.

Она смотрит на меня с вызовом.

– Сью, за деньги, понимаете? Я была шлюхой, жила в Лондоне.

Даже не знаю, что сказать. Несмотря на ее раздраженный тон, она выглядит так, словно на самом деле хочет говорить не таким голосом и не о том. И более того: я ни на сантиметр не продвинулась к разгадке того, что произошло с Шарлоттой. Не хочу еще сильнее ранить Кейшу, она и так страдает, но и уйти отсюда, не расспросив ее, я не могу.

– Не понимаю, – я трясую головой, – Дэнни сказал, что он ушел из клуба в ту ночь до того, как вы с Шарлоттой встретили Алекса Генри. И что он не заходил в зону VIP.

– Так и было.

– Так кого Стив Торренс принял за твоего сутенера?

Кейша снова смотрит на окно.

– Что такое? Ты не знаешь или не можешь мне открыться?

Она ничего не отвечает.

Я смотрю на нее: глаза такой очаровательной формы, чувственные губы, стройное тело... интересно, что за ужасная травма заставила ее продавать себя, чтобы выжить? Она такая привлекательная, что могла бы легко стать моделью, или даже работать на телевидении, и все же... и все же она так низко себя ценит, что позволяет кому-то за деньги пользоваться ее телом, а мужчина, который ни капли ее не любит, владеет ее сердцем. Я могла бы сотню раз подряд сказать ей, что она заслуживает намного большего, но... но она мне не поверит.

– Вас когда-нибудь шантажировали, Сью? – Кейша говорит шепотом.

Я отрицательно качаю головой.

– Что с тобой происходит, Кейша? Кто-то, кто знает, что ты проститутка, угрожает всем об этом рассказать? Особенно рассказать Дэнни, да?

Она кивает, и одна маленькая слеза стекает по ее щеке.

– Что он заставляет тебя делать, Кейша?

Она зажимается и отказывается отвечать.

– Сексуально тебя домогается?

Она думает и медленно кивает.

Я еще ближе придвигаюсь к ней, так что уже сижу на самом краю софы.

– Это один из твоих клиентов?

Она снова кивает.

– Как его зовут?

Я смотрю на ее губы, ожидая имя.

– Майк.

– Просто Майк и все? А фамилия?

– У него нет фамилии.

Я оглядываюсь в поисках ответа, но нет ни одного.

– А что он просит за то, что хранит твою тайну?

– Не могу вам рассказать, – она закрывает лицо руками и плачет.

– Шарлотта, – говорю я, и мне словно замораживают кровь прямо в жилах, – это как-то связано с ней?

Кейша начинает реветь, и от этого я вздрагиваю и чуть на сваливаюсь на пол.

– Скажи мне, – я беру ее руки в свои и аккуратно отвожу от ее лица, – скажи, что ты сделала. Скажи, что он заставил тебя сделать.

– Нет, – она отталкивает мои руки и снова рыдает. – Нет, нет, нет!!! Не могу!!!

– Кейша, молю тебя... – Кожа на моих руках пошла мурашками. Она знает, знает причину. Знает, почему Шарлотта так поступила.

– Не могу...

Я едва в состоянии разобрать, что она говорит, пока рыдает.

– Он... он меня убьет. Он сказал, что если я хоть словом обмолвлюсь, он меня найдет и...

Тут начинает звонить мой мобильный, не дав ей договорить. Я достаю его из сумки, готовая отрубить, не глядя, но это звонят от мамы.

– Алло? – Я кладу руку Кейше на плечо, частично чтобы подбодрить, частично – чтобы она знала, что я не прерву нашего разговора. – Это Сью Джексон.

– Здравствуйте, Сью, – говорит голос на другом конце. – Это Мэри. Насчет вашей мамы. Боюсь, у меня для вас плохие новости...

Глава 26

– Я должна была быть там, – срываюсь на плач, уткнувшись лицом в шею Брайану. Третий раз за сегодняшнее утро я реву, а на часах всего девять. – Я должна была быть там, держать ее за руку, а вместо меня там была какая-то сиделка...

Брайан обнимает меня за плечи и притягивает ближе к себе.

– Ее проводил в последний путь знакомый человек. Мэри. Она присматривала за ней уже много лет.

– Но ее дочь я, – сама почти не узнаю свой голос, он какой-то надорванный. – И когда я была ей нужнее всего, меня не оказалось рядом...

– Тихо-тихо, – Брайан гладит меня по волосам и позволяет плакать ему прямо в плечо. – Тихо-тихо-тихо, ну-ну-ну...

Мое тело сотрясается от рыданий, но меня странным образом успокаивает его рука, лежащая на голове, и мягкий звук его голоса, Брайан что-то шепчет мне на ухо. Он напоминает мне о тех временах, когда Шарлотта была еще ребенком, падала, разбивалась, а он ее жалел. Я прижимала Шарлотту к себе, гладила по волосам, и постепенно слезы на ее глазах высыхали.

– Ну вот и все, – говорит Брайан, когда я успокаиваюсь в его объятиях и вытираю нос бумажным платком. – Мы же не хотим огорчать Шарлотту?

Дело в том, что мы в больнице. Я попросила Брайана привезти меня сюда сразу после того, как мы съездили к моей маме. Я очень боялась, что теперь Шарлотта тоже умрет, не хотела ни на минуту оставлять ее в одиночестве.

– Ну а что ты могла поделать, Сью? – говорит мне Брайан, пока помогает устроиться на стуле возле кровати Шарлотты, вкладывает в мою руку целую коробку бумажных платочков. – Все произошло слишком быстро, так говорит Мэри.

И мне она сказала то же. Минуту назад мама была в себе, шла из столовой в спальню с Мэри, опираясь на ее руку, а в следующее мгновение она уже падала на пол.

– Она просто отключилась, – сказала Мэри. – Не было никаких признаков, никаких особых симптомов. Позвали доктора, но когда он пришел, через десять минут, было уже слишком поздно. Она умерла.

Я не могла... не хотела этому верить. Мама лежала поверх ее любимого одеяла, одетая в ее любимую серую юбку, белую блузку и

бежевый кардиган. Когда я нежно коснулась ее щеки, меня как током ударило: щека еще не остыла.

– Быстрее! – я во все глаза смотрела на Мэри. – Зовите доктора! Произошла ошибка! Мама еще теплая... – Я так и стояла, положив руку на грудь матери. – У вас есть электрошок? Может, еще успеем...

– Сью... – Мэри положила руку на мое плечо. Перешла на шепот. – Она мертва, мне очень жаль...

– Но как же так... – Я смотрела на щеку мамы, ожидая, что вот-вот она дернется и окажется, что она просто заснула. Я хотела увидеть, как из ее рта тянется ленивая нитка слюны, но... ничего такого не увидела. Мама была абсолютно спокойна. И вот тогда я смирилась, приняла мысль о ее смерти. Не потому, что рот ее был закрыт, а руки скрещены на груди, но потому, что в комнате царила такая глубокая тишина, что даже наш с Мэри разговор не мог ее разбить. Это была тишина самой смерти. Мама больше не хмурилась: черты обрели истинный покой.

– Она еще какое-то время будет теплой, – сказала Мэри мягко. – Покойник холодеет лишь через восемь часов.

– Можно взять ее за руку?

Мэри разрешила мне, я взяла маму за руку, рука была легкой, как лапка воробушка.

– Оставляю вас наедине друг с другом, – сказала Мэри. – Я буду у себя в кабинете, если понадобится.

Мэри вышла.

Не могу сказать, как долго я пробыла в той комнате. Десять минут или десять часов, но все равно не столько, сколько хотела. Даже после того, как попрощалась, после того, как сказала маме все, что должна была сказать, пока мама была жива, даже когда у меня закончились слова, я просто сидела и смотрела на маму, держа ее за руку, и времени мне не хватило. Я бы осталась так сидеть навсегда, потому что знала, что как только выйду из этой маленькой комнаты, я маму не увижу больше никогда.

В какой-то момент появилась Мэри с чашкой чая. Поставила ее молча передо мной и ушла, но я позвала ее.

– Да?

Она повернулась.

– У мамы не было посетителей? Ее племянник не приезжал?

Мэри покачала головой.

– У вашей мамы не было посетителей с того раза, как вы в последний раз приезжали к ней. А что, кто-то должен был?

Волна успокоения прошла по моему телу.

– Нет, она никого не ждала.

* * *

– Ты ей сказала? – Брайан дает мне в руки пластиковый стаканчик с чаем и смотрит на Шарлотту. – Про Нэн?

– Нет, – я делаю глоток горячего чая, не отрываю взгляда от лица спящей дочери, – я хочу, чтобы Шарлотта пришла в себя, думая, что мир – это красивое, безопасное место, а не бесконечность грусти и темноты.

– Но не всюду же темнота и грусть, – говорит Брайан, – хотя я понимаю, почему ты так сказала, учитывая все, что случилось, но мир не обязательно...

Я перестала его слушать. Шарлотта слишком напугана, чтобы прийти в себя. Теперь я это понимаю. Я чувствовала ее страх, когда с ней произошел несчастный случай, но теперь я, кажется, знаю наверняка. И знаю почему. Я была так близка, чтобы узнать побольше о том, кто ее шантажирует, прошлым вечером, но вот позвонила Мэри, и я прыгнула в машину, оставляя Кейшу, которая провожала меня, глядя через щель в шторах. Не могу понять, была она довольна или испугана тем, что я наконец уехала от нее.

Я ей четыре раза писала эсэмэс с тех пор, как уехала, и дважды звонила, но она не ответила. Я снова пыталась, около пяти минут назад, но ее телефон был переведен в режим голосовой почты. Уверена, тому должно быть рациональное объяснение. Видимо, она была в больнице с раной или передумала и решила обратиться в полицию, но ведь не важно, какое я самой себе придумывала извинение, потому что меня не покидало беспокойство, туго затягивавшее узел где-то прямо у меня в животе. Вероятно, что-то все же случилось. Что-то ужасное.

– В чем дело?

Я подпрыгнула на месте от голоса Брайана.

– Ты же не винишь себя за то, что произошло с твоей мамой?

Я отрицательно качаю головой, но, боже, насколько пронизательным иной раз может быть Брайан. Угадал-то правильно, хотя ошибся адресом. Не из-за мамы я себя чувствую такой виноватой...

– Мне надо отойти, – говорю ему, – нужно сделать кое-что крайне важное.

Брайан кивает и берет в руки газету.

– Твоя мама тобой гордилась бы, Сью.

– А ты абсолютно в этом уверен? – говорю я, паркуясь возле дома Кейши и выключая двигатель. – Уверен, что она отправилась в... Ирландию?

– А это вы мне скажите, – в голосе Дэнни слышатся агрессивные нотки, – вы же видели ее последней. Что вы ей, черт вас дери, наговорили?

Не могу разобрать, то ли он боится, что я рассказала про него и его блондинку Кейше, то ли действительно беспокоится за нее.

– Ничего я ей не говорила.

– Вы мне дали слово, Сью. Когда я сказал вам адрес Кейши, вы пообещали, что не станете ей ничего рассказывать.

– Я помню, и я ничего ей не рассказывала.

И, надо признаться, не из желания сохранить расположение Дэнни.

– Дэнни, как она говорила с тобой в последний раз?

– Мы не говорили. Около полуночи прошлой ночью она мне написала, чтобы сообщить, что снова возвращается в Ирландию, ненадолго, потому что, видите ли, соскучилась по дому. Я спал и не сразу получил сообщение, оно пришло в итоге только утром. Я ей пробовал звонить, но она не берет трубку. Я трижды звонил с тех пор, как... – тут он вдруг оборвал себя, – я уже и менеджеру ее в баре звонил, ее приятелям и даже соседке по квартире, но никто ничего не знает. Никто из них ее не видел, вы были последней. Вы уверены, что не сболтнули чего-то лишнего?

– Нет же, – голос звучит гораздо жестче, чем я рассчитывала. – Мы тебя ни разу даже не упомянули в нашем разговоре, Дэнни.

Ложь, конечно, но я не стану рассказывать Дэнни, при каких обстоятельствах Кейша произносила его имя. В ее квартире не горит свет, шторы в гостиной опущены и плотно задернуты. Я присаживаюсь на корточки возле входной двери, опираясь на большой цветочный горшок, и заглядываю внутрь через щель для писем. Начинают болеть колени.

– Но... – возражает Дэнни.

– Я уверена, что она выйдет с тобой на связь, – обрываю его я, увидев, как внутри квартиры движется тень. Вздыхаю с легким облегчением. – А если я первой получу от нее весточку, то дам тебе знать.

– Дадите знать? – в голосе Дэнни звучит отчаяние. – Очень большое спасибо вам за это.

Кладу телефон в сумку и вглядываюсь в квартиру через мутное стекло входной двери.

– Кейша? – стучу в дверь. – Кейша, это снова я, Сью.

Ответа нет.

Жду некоторое время, потом стучу опять. Я почти уже готова кричать через эту проклятую щель в двери, когда неожиданно она открывается, и на меня смотрит человек, которого я вообще не узнаю.

– Кто здесь? – спрашивает женщина, у нее на голове красные волосы, уложенные в боб, и растекшаяся подводка на глазах. Я постепенно все же узнаю ее – я видела эту даму на фотографии в гостиной у Кейши. Женщина между тем пристально изучает меня взглядом больших зеленых глаз, ее длинные наманикюренные ногти впились в дверной косяк. – Чем могу вам помочь?

– Вы, должно быть, соседка Кейши по квартире? – я пытаюсь через плечо женщины заглянуть внутрь. – Кейша дома?

– Не, она уехала.

Улавливаю что-то необычное в ее акценте, интонацию, которая выдает в ней иностранку. Польку, возможно.

– А не подскажете, куда?

– В Ирландию.

Может, Дэнни и был прав. Может, ей действительно все так тут надоело, что она решила исчезнуть на какое-то время.

– А когда она уехала?

Соседка Кейши трясет головой, потом говорит:

– Не в курсе. Но она оставила записку. На холодильнике. В записке три слова всего: «Уехала в Дублин».

– Не станете возражать против того, чтобы я заглянула в ее комнату перед тем, как уеду? – говорю я, но сама мысль заглянуть туда почему-то пугает меня, – я ей... давала книгу почитать, и мне она нужна очень срочно.

Женщина смотрит на меня.

– Скажите, что за книга, я принесу.

– Ну... дело в том... что кроме книги мне надо... – не понимаю, что еще наврать. Мне позарез нужно попасть в комнату к Кейше. Сама не знаю, что я рассчитываю там найти, но так много людей хотят убедить меня в том, что девочка уехала в Ирландию, что мне начинают рисоваться самые страшные картины происходящего. – ...мне надо поискать еще одну книгу там. – Кое-как заканчиваю мысль. – Она обещала дать почитать, но я забыла название. Кейша ее описала, так что я уверена, что легко ее найду. Мне всего минутку надо, я мигом, клянусь.

Соседка Кейши осматривает меня еще внимательнее.

– Да кто вы такая?
– Сью. Сью Джексон.
Она качает головой и прикрывает дверь.
– Кейша о вас никогда не говорила.
– А это потому, что мы совсем недавно подружились. Она лучше всего знает мою дочь Шарлотту. Возможно, вы даже виделись.
– Шарлотта? – Лицо женщины озаряется светом воспоминания. – Бедняжка Шарлотта, которую сбил автобус?
– Ну да, – говорю я, – это моя дочка.
– О господи, – соседка Кейши явно сострадает мне и тут же широко распахивает дверь. – Конечно, вы можете зайти. Я сделаю для вас все, что могу, только дайте знать.

* * *

На первый взгляд комната Кейши очень похожа на комнату Шарлотты. По стенам – фото полуобнаженных мужчин, из ящиков стола выглядывают пузырьки с духами, средствами для ухода за волосами, какая-то косметика, на каждом углу висят вещи. В отличие от комнаты Шарлотты у этой в углу еще вешалка для сушки вещей. На ней висят лифчики, трусы, панталончики, баски, подтяжки всех возможных фирм, форм и цветов. По сравнению с этой коллекцией моя скромная подборка из пяти трусов от «Маркс и Спенсер» и черных и белых лифчиков выглядит комплектом пенсионера.

– Кейша такая неряха, – говорит ее соседка, которая пять минут назад представилась Эстер. – Посуду за собой почти никогда не моет, так и оставляет тарелки и чашки в гостинной, но мне нравится жить с ней под одной крышей.

У Кейши в комнате словно произошел взрыв, но если не обращать внимания на общий беспорядок с вещами, то можно заметить чемодан и разнообразные старомодные сумки, расставленные на самой верхней полке шкафа, а также увидеть косметичку с тюбиками помады, карандашами, щетками для волос, дезодорантом, духами, консилерами. Косметичка так и торчит из одного ящика в шкафу.

Я смотрю на Эстер.

– А зубная щетка Кейши все еще в ванной, да?

Соседка приподнимает брови от удивления.

– Вам и зубная щетка нужна, что ли?

– Да нет же. Но ведь, смотрите, не похоже, чтобы Кейша укладывала чемодан для путешествия, и чтобы убедиться в этом окончательно, я хотела проверить наличие зубной щетки в ванной.

Замечаю, как тень беспокойства ложится на лицо Эстер.

– Я посмотрю в ванной, – говорит она.

Пока ее нет, я просматриваю журналы, счета, банковские извещения и одежду, которая валяется прямо на полу, а потом роюсь в ящиках ее шкафа. Оглядываюсь, не идет ли ко мне из ванной Эстер, но ее нет. Потом открываю самый верхний ящик. Какие-то документы и счета, я их сгребаю все на одну сторону и обнаруживаю вибратор в форме кролика, комок спутанных ожерелий, сломанные часы и пару заколок для волос.

Ощущаю себя грабителем, который перебирает чужие вещи, но мне очень нужно найти... вот! Я нащупываю что-то темно-бордовое и кожаное, оно лежит под старой рождественской открыткой.

– Что вы делаете? – Эстер смотрит на меня во все глаза, держа в руках голубую зубную щетку и стоя в дверном проеме. У нее на лице написана масса эмоций.

– Это паспорт Кейши? – Я достаю из ящика темно-бордовый кожаный переплет, раскрываю его и пробегаю глазами, ищу фото владелицы, потом протягиваю Эстер. – Посмотрите, его не продлевали уже три года. Как она вообще смогла бы уехать без паспорта? Без паспорта сегодня даже машину напрокат не возьмешь...

– Но как же... – Эстер потрясена. – Почему же в записке она сообщает про поездку домой?

– Не знаю, – я смотрю на зубную щетку в руке Эстер. – Но куда бы она ни поехала, она очень сильно торопилась.

Глава 27

– Хорошо, миссис Джексон, – Элла открывает дверь и широко улыбается. Кажется, она ни капельки не удивлена тем, что видит меня. – Мама на заднем дворе, хотите я ее позову?

Отрицательно киваю.

– Вообще-то я хотела поговорить с тобой. Можем куда-то отойти ненадолго?

– Пошли в парк, – Элла оглядывается, – я только пальто возьму.

Входная дверь закрывается перед моим носом, и я слышу, как она кому-то кричит, что отойдет в магазин на углу, и вот снова дверь открывается, и передо мной появляется Элла, в руке у нее десятифунтовая банкнота.

Она ухмыляется.

– Мама попросила купить сигареты, раз уж я вышла.

* * *

– Кто такой Майк? – спрашиваю я, когда мы находим поистершуюся скамейку и садимся на нее, на самом краю Квинс-Парка. Элла стаскивает целлофановую упаковку с пачки сигарет, которую купила матери – это «Мальборо лайтс», – срывает фольгу и вытаскивает одну сигарету.

– Майк? – повторяет она, моргая, когда ветер задувает дым ей в глаза. – Как вы вообще про него узнали?

– Кейша рассказала.

– Вон как, – Элла закатывает глаза. – Ясненько.

– Что значит ясненько?

– Да ничего особенного. – Элла снова подносит сигарету к губам и делает затяжку. Курит она как пятидесятилетняя тетка, которая по пачке в день легко забирает.

– Ну же, Элла, это не шутки.

Она откидывает голову и выдыхает.

– Да просто мудаки они оба, вот и все. Неудивительно, что они спелись.

Я хмурюсь:

– Так что, он ее друг, что ли?

– Он все время с ней, – смеется Элла, – он не с ней, только когда она с Дэнни, и то потому, что Дэнни он очень не нравится. Дэнни считает, что Майк – старый гей.

– Гей? – Я переспрашиваю, потому что мне кажется, что Элла использует слово «гей» не в прямом значении, а скорее как эмоциональный эпитет.

– Самый тот, ну, знаете, который любит мужчин.

Что? Это противоречит тому, что рассказала Кейша прошлой ночью. Как Майк мог использовать женщину-проститутку, если он гей? Какой смысл? Смотрю на пачку сигарет в руках Эллы. Больше всего на свете мне хочется выкурить хотя бы одну из них. Вместо этого, борясь с соблазном, обхватываю себя посильнее и прячу ладони под мышками.

* * *

– Как хорошо Майка знала Шарлотта?

– Очень хорошо, – Элла смотрит на меня по касательной, – вы же в курсе, нет? Из-за чего весь сыр-бор? Вы тут притворяетесь незнакомой, а сами просто хотите вывести меня на чистую воду?

– Что-то вроде того... – Я говорю очень осторожно, понимая, что меня очень легко разоблачить.

– Слава богу! – Элла бросает окурок на землю, потом возвращается на скамейку. – Я было хотела все рассказать после того, как вы ко мне приходили последний раз, но Шарлотта взяла с меня слово никому ничего не говорить. Понятно, что мы с ней больше не друзья, но слово есть слово.

– По-моему, ситуация довольно оригинальная, не находишь, Элла? Слово, данное бывшему другу, перед лицом его смерти теряет свою силу, тем более если это слово может помочь родителям друга спасти его.

– Наверное, вы правы. – Элла склоняется, чтобы застегнуть пуговицы на пальто.

– Скажи, что ты знаешь? – мягко прошу я.

– Никому из нас Майк не понравился, когда Кейша его нам впервые представила, – начинает рассказывать Элла. – Он оказался старым и довольно дружелюбным, но в его глазах было что-то реально коварное.

Я прошу ее продолжать.

– Но после того, как Кейша вышла, чтобы поискать Дэнни, Майк предложил купить нам выпить. Мы между собой решили, что он грязный старый пройдоха, и выбрали самые дорогие напитки, чтобы, как только он

за ними направится, сбежать. Я выбрала... – она тут же прогоняет мысль, словно муху, рукой, – да не важно, что это был за напиток, но пока мы пили (а мы остались, не сбежали), Майк поведал нам, как попал в Брайтон. Он рассказал, что переехал из Лондона, чтобы начать все заново, после того как порвал с другом и похоронил племянницу Марту, которая умерла от рака. Он говорил, что по-настоящему ее любил, говорил, что она была для него как дочь и что Шарлотта ему ее очень напоминает. Мне все это показалось малость диким, но Шарлотта считала, что это очень мило.

* * *

Ну да, конечно, моя Шарлотта всегда думает о людях только хорошее.

* * *

– Ну и... – Элла облизывает пересохшие губы, а потом берет новую сигарету и закуривает ее, – мы допили свои коктейли, и я посмотрела на Шарлотту, как бы говоря ей, давай, пошли уже отсюда, но она проигнорировала мой красноречивый взгляд и продолжила болтать с Майком. Он нам еще купил выпить, и они с ним так и говорили все это время, – о его племяннице и его работе, он работал фотографом, – и Шарлотте все это казалось клевым, а я думала, что они треплются уже вечно. Я так и решила, что остаток ночи мы проторчим с его Пидороватым Высочеством. – Элла бросает на меня быстрый взгляд. – Простите, но меня он почти не замечал, все время говорил только с ней. Мне удалось отодрать ее от него, только когда заиграла наша любимая песня Рианны и Эминема и мы пошли танцевать.

– Вы его снова видели?

Она отрицательно качает головой.

– Той ночью уже нет. Но в следующий раз, когда мы пришли, он был там. Кейши с ним не было, но он нарисовался откуда-то и сказал нам: «Привет».

– Шарлотта и Майк подружились?

– Да, – Элла пожала плечами. – Вот отчасти почему мы с ней раздружились, у нее появлялись все новые и новые друзья, а потом еще этот футболист из «Грейс», и я... я решила, что не гожусь для нее больше, что я не слишком хороша для нее. Я как-то раз ей об этом сказала, но она

парировала, что просто живет своей жизнью, что жизнь у нее интересная и что вообще круто иметь друга-гея, что Майк – веселый, что он дает ей советы, как одеваться и как себя вести.

– Как одеваться? – Из живота поднимается вверх какое-то мерзкое чувство, я представляю себе, как моя дочка переодевается в примерочной перед мужчиной, которого едва знает. – Что именно ты имеешь в виду под советами, как одеваться?

– Он ходил с ней за покупками, – у Эллы меняется выражение лица. – Я понимаю, я просто очень ревновала, но я не вру. Он, должно быть, тратил на нее сотни фунтов, покупал ей дизайнерские шмотки, там даже лейблы какие надо были, а не всякое барахло. И не только вещи – очки, CD, DVD, кучу всякой ерунды. Говорил, что так он чувствует себя счастливее, словно покупает вещи для Марты.

Элла оживляется, когда рассказывает все до мелочей, перечисляя, что Майк покупал моей дочери. И я узнаю кое-что из описанного: я видела эти вещи у нее в комнате, но сама себе объяснила, что это были просто подделки из супермаркета или любовные подарки от Лиамы, – а какие-то, выходит, я никогда не видела. История правдоподобна. Одиноким старым гей в городе, где он толком никого не знает, встречается двойника своей погибшей племянницы, задаривает девочку подарками, чтобы она дружила с ним, но... но почему мне так холодно вдруг, словно температура упала на двадцать градусов?

– А как выглядит Майк, Элла?

Она в задумчивости кивает:

– Он старый.

– Старый, как я?

Элла поднимает на меня взгляд и изучает мое лицо.

– Типа вас, да.

– А что еще, какие приметы?

– Да просто мужчина, старик с седыми волосами, вы таких толпу увидите на улице.

– Прошу тебя, подумай хорошенько, это важно. Какого он роста? Толстый или худой? Какие на нем вещи надеты? Драгоценности он носит? Ботинки у него какие? Усы? Борода? Очки?...

– Да я уже сказала, – Элла ерзает на скамейке, смотрит в парк, там стайка подростков раскачивает одного из них на качелях, – он выглядел нормально, ну, был высоким, – Элла снова смотрит на меня. – Ростом с моего отца, наверное.

Так, значит он был шести с лишним футов роста.

– Что еще?

– Он постоянно был одет с иголочки, знаете, – темные брюки и рубашка, типа того. Никогда не видела его в джинсах, но какие ботинки он носил, я не помню. – Элла снова смотрит на подростков. – У него были часы на руке.

– А телосложения он какого?

Элла вздыхает.

– Да обыкновенного. Ни толстый, ни худой, не носил очков, бороды и усов – тоже, – добавляет она перед тем, как я успеваю спросить. – Ах да!.. – она с ногами залезает на скамейку, обхватывает руками колени, – у него глаза были странного цвета, словно бы серые, большой нос, и говорил Майк с акцентом. Бирмингем, Ливерпуль? Я плохо понимаю в акцентах, но он точно не из местных. Вам хватит? – Элла смотрит на меня, но я не могу встретиться с ней взглядом. Не могу перестать смотреть на подростков, которые играют в конце парка. Она только что описала Джеймса, который прожил еще двадцать лет после нашего расставания.

– Сью? – Боковым зрением вижу, как Элла отпустила свои колени. – Вы в порядке? Странно выглядите.

Я, выходит, ошиблась, погрешив на школьного учителя Джейми Эванса. Но ошибиться тут я не могу. Нутром чувствую, что где-то в Брайтоне мой бывший бойфренд наблюдает за нами и смеется, довольный своей грандиозной ролью старого разочарованного в жизни гея... как он, должно быть, горд собой, что смог втереться в доверие к моей дочери у меня же под носом.

– Он ее трогал? – Я поворачиваюсь к Элле, чтобы видеть ее всю. – Он ей причинял вред?

– С какой стати ему это надо было? Я только что вам сказала, что он ей покупал кучу всякого дорогого. Он к ней относился как к принцессе.

– А чем он ее шантажировал?

– Шантажировал? – Элла трясет головой. – Шарлотта никогда ничего такого не говорила. Майк вообще, кажется, готов был целовать землю, по которой он шла. Она для него была мисс Мартой, его погибшей племянницей.

– У тебя есть его адрес? Или телефон?

– Нет, но у Лиама есть.

– Лиама?

– Ну да.

Она, кажется, удивлена моим вопросом.

– Шарлотта собиралась заняться сексом с Лиамом у Майка в квартире.

Глава 28

– Сью?

Я слышу в голосе мужа заботу.

– Где ты была? Тебя несколько часов нет дома.

– Прости, – я выключаю двигатель. У Лиама в доме все занавески раздернуты, но никакого движения внутри не видно. – Я была на похоронах.

– Правда? – Тон его голоса тут же меняется. – Вот почему нам звонят и выражают соболезнования?

– Я... – ищу возможность выпутаться из этой лжи, – я туда так и не доехала.

– Бывает.

– Вместо этого пошла прогуляться по побережью. Чтобы прочистить мозги.

– Три часа?

– Да. Три часа.

В тоне Брайана есть что-то, что выводит меня из себя.

– У меня мать только что умерла, Брайан, прошу тебя. Есть какой-то лимит на прогулки? Что, в парламенте были какие-то проблемы, о которых ты мне не рассказал?

Поступаю нечестно, но так проще, чем продолжать врать. Переведу стрелки, даже если Брайан этого не заслуживает. А я между тем так близка к разгадке того, что произошло с Шарлоттой. Долгое время Брайан молчит, и мне приходится даже отвести трубку от уха, чтобы проверить, не отключился ли он. И тогда...

– Скажи мне, где ты, Сью, я приеду и заберу тебя.

Ну да, он решил быть щедрым и всепонимающим.

– Нет необходимости, я на машине.

– Тогда я просто присоединюсь к тебе. Мы посидим где-нибудь, выпьем кофе.

Слева от меня раздается вежливый кашель, и я вспоминаю, что я тут не одна. Элла косится на свой мобильный так, словно от этого маленького устройства зависит ее жизнь, не меньше. Судя по тому, как она ссутулилась и как от меня отстранилась, я могу судить, что вся эта ситуация кажется ей совершенно дикой. И кто ее может за это винить? Я фактически просила ее уговорить Лиама сказать мне правду, чтобы этим как-то отгородиться от

собственных проблем в браке.

– Мне не нужно составлять компанию, Брайан, – говорю я и, только сказав, осознаю, что он просто проверяет меня, но не старается контролировать. Он обеспокоен. У меня только что умерла мама, он уверен, что я мучаюсь от депрессии, от посттравматического стресса, уверен, что у меня нервное расстройство, а я... а я настаиваю на том, чтобы остаться одной. Брайан, возможно, уже нарисовал в воображении, что я – вроде Сильвии Плат, возьму и покончу с собой вот так вот тихо, войду в море и не вернусь.

– Прости меня, – стараюсь смягчить тон, – я понимаю, что ты лишь стараешься присматривать за мной, но я через это должна пройти сама, в одиночестве.

– Но...

– Не навсегда, только сегодня. Мне нужно пережить сегодняшний день самой. Я вернусь вечером. Прошу тебя, Брайан. Прошу, верь мне.

– Разумеется, я верю тебе, Сью. Я лишь хочу, чтобы ты знала...

– Я не собираюсь делать никаких глупостей, – говорю я мужу, хотя сама отлично в курсе, что могу нарушить это зыбкое обещание. Все зависит от того, что Лиам может мне сказать сегодня. Но я не чувствую, что делаю что-то глупое в любом случае. Мне кажется, что я возвращаю утраченный контроль над собственной жизнью. Через двадцать лет. Не поздно ли? – Прошу тебя, Брайан. Мне нужно это сделать.

– Ладно, – отвечает он, – я понимаю, только... только не задерживайся до самой ночи, хорошо? Не заставляй меня лишний раз волноваться.

Сердце бешено колотится в груди. Он очень хороший человек, мой муж. Кроме всего прочего, он просто хороший человек, и мне повезло, что он у меня есть.

– Я тебя люблю, Брайан.

Элла хихикает рядом, но мне без разницы.

– Я тебя тоже люблю, Сью. Побереги себя, ладно? И скоро увидимся.

Я нажимаю отбой, но не сразу поворачиваюсь к Элле. Вместо этого я смотрю на экран телефона, на нем – океан и тонкая полоска берега, и я произношу молитву. Не к Богу она обращена, не к Вселенной или к кому-то в отдельности, но я взываю к самой Силе, Мужеству и защите моей семьи. Прошу, чтобы наконец закончился двадцатилетний кошмар.

– Хотите, я радио включу? – спрашивает Элла и тянется к CD-плееру. – Вы же будете тут сидеть и кошмарить меня и дальше, да? А в тишине я этого просто не вынесу.

Улыбаюсь.

– Нет необходимости. Давай поедem и повидаем Лиамa, я надеюсь, что нам удастся поговорить...

* * *

Даже если старшая сестра Лиамa и была удивлена увидев маму его подружки и бывшую подругу на пороге их дома, то она и бровью не повела. Она молча указала по направлению Льюис-роуд и сказала нам, что его группа «Последний бой» сейчас где-то там на репетиции. Она не была в курсе того, когда они закончат, но предложила, чтобы мы подождали в ресторанчике «Глэдстоун», там ребята обычно заседали после репетиций.

– Вам не нужно было покупать мне диетическую колу, – упрекает меня Элла, когда мы садимся за один из деревянных столиков у самой дальней стены. – У меня ID.

Я приподнимаю брови от удивления.

– А тебе и правда стоит мне об этом рассказывать?

Она корчит гримасу и поражает меня тем, насколько другой выглядит с тех пор, как мы впервые встретились, чтобы поговорить о Шарлотте, о том, что случилось с ней. Ярость, злость, боль – все куда-то исчезло. Она снова кажется обычной маленькой девочкой, милой подружкой Шарлотты, которую она приглашала печь пироги к себе домой и украшать комнату волшебными крылышками и звездочками.

– А вон и Лиам! – Она указывает рукой на молодого человека в другом конце зала.

Лиам, окруженный темноволосыми, похоже одетыми молодыми людьми, идет по залу, через его плечo перекинута гитара. Он дважды кивает в знак приветствия, когда видит нас.

– Лиам! – Я поднимаю руку и машу ему.

Он снова кивает, потом обращается к товарищам, что-то говорит, я не могу разобрать слов на таком расстоянии, потом идет к нам.

– Миссис Джексон, – Лиам смотрит на Эллу и вопросительно хмурится. – Элла, мое почтение.

– Она в курсе, – Элла откидывается на спинку стула и делает большие глаза, – она знает о том, что у Шарлотты был секс в доме Майка.

– Что?!! – Лиам мгновенно бледнеет.

– Но она совсем не злится, – добавляет Элла быстро, выставляя перед собой свободный стул. – Она просто хочет побольше узнать о Майке. Ей кажется, что ты можешь знать что-то, что поможет вернуть Шарлотту к

нам.

Лиам оглядывается на своих коллег, они уже пьют и веселятся, сгрудились вокруг стола в другом конце зала.

– Пожалуйста, – я выдавливаю из себя улыбку. – Я и правда не сержусь и обещаю, что не стану. Мне нужно спросить у тебя кое о чем.

– Хорошо, – он протягивает руку, чтобы взять стул, который стоит рядом со мной. – Я не могу долго с вами сидеть, мне нужно пообщаться с ребятами, ну, вы понимаете... вообще говоря, это все была затея Шарлотты, – говорит он прежде, чем я успеваю перевести дыхание. – Она меня толкала к сексу. Я же хотел дождаться, когда ей будет шестнадцать, и все у нас случилось бы легально, по закону...

Я не верю ни на секунду, но Оливер рассказал нам про планы снять комнату в отеле, и из-за этого я предполагаю, что Шарлотта столь же изворотлива, сколь изворотлив Лиам. Если не больше.

– Она предложила вам заняться сексом в квартире Майка?

– Нет, – Лиам смотрит на наши напитки, – не совсем так.

– Что ты имеешь в виду?

– Она мне сказала, что познакомилась с богатым старым геем в «Бризе» и тот убедил ее, что она похожа на его умершую племянницу. Покупал ей разные дорогие шмотки. Мне это показалось чем-то гадким, что ли. – Лиам проводит рукой по гитаре. – Но затем Шарлотта сказала, что Майк, возможно, и меня чем-нибудь одарит, да и моя гитара уже порядком поизносилась, так что... – он сделал паузу.

– Он купил тебе новую гитару?

– Ага, – глаза Лиамы вперились в чехол с гитарой, который он повесил на стену рядом. Я не спец, но даже я знаю, что гитары такого класса, какая была у Лиамы, не дешевые игрушки. – Я ее просил убедить его не делать этого, но Шарлотте это все казалось смешным, это ее забавляло. У него были деньги, он имел полное право тратить их, как считал нужным, сказала она мне... и кроме того... – Лиам берет меню, вырывает из него страничку с рекламой, скатывает шарик. – ...если он от того, что покупал шмотки и вещи нам с ней, становился счастливее, то что плохого?

По мне пробегает дрожь, я понимаю, что моя дочь стала Макиавелли в юбке, надо же... мне казалось, что я воспитывала ее гораздо более честной и прямой, но... я поняла, что не уверена, хочу ли слушать Лиаму дальше.

– Ну и как вы оба пришли к соглашению заняться сексом дома у чужого человека?

– Нам предложил Майк, в ночь, когда Шарлотта слишком много выпила. Она зажигала, говоря, как не круто быть подростком в наши дни,

потому что, если хочешь расстаться с девственностью, придется лечь либо на спортивной площадке, либо залезть в машину. И вот на этой ноте он и предложил нам свою квартиру. – Лиам опускает глаза. – Он сказал, что собирается уехать на выходные, что ему нужно кого-то повидать в Лондоне. Он постелит чистые простыни, оставит еду в холодильнике, и эти два дня мы сможем распоряжаться квартирой, словно она наша...

И я понимаю, почему эти двое согласились на столь щедрое предложение...

– И вы приняли его приглашение?

Лиам ответил, не глядя:

– Да.

– И дальше что?

– А ничего, – Лиам отодвигает свой стул, кладет руку на чехол с гитарой. – Могу я уже идти?

– Майк не вернулся, когда вы были там? Ничего не произошло? Ничего особенного?

– Нет, – Лиам качает головой, слегка краснеют его щеки. – Было круто.

Он почти уже встал со стула, но я не хочу его упустить. Ну а с другой стороны, как долго я еще могу разговаривать с бывшим другом моей дочери об их сексуальной жизни? Даже Элла, сидящая через стол от меня, пялится на коктейльное меню, словно видит его впервые в жизни. Все мы смущены.

– Тогда почему Майк шантажировал Шарлотту?

– Что? – он смотрит на меня, нахмурившись.

– Кейша рассказала, что Майк шантажировал Шарлотту чем-то. Ты знаешь, чем именно?

– Нет, – он отрицательно качает головой, на лице у него написано замешательство. – Она никогда не говорила об этом... – Лиам смотрит на Эллу. – А ты, Элла, была в курсе, да?

Элла отрывается от чтения меню.

– Не-а.

– Она даже не намекнула тебе, – я смотрю сначала на Лиаму, потом на Эллу, – вообще ни разу?

Лиам и Элла демонстрируют полнейшее неведение.

– И если я сейчас скажу, что она написала в дневнике «этот секрет убивает меня», вы не поймете, о чем она?

Оба шокированы и растеряны.

– Лиам, – говорю я, вставая, – еще пара слов, прежде чем вернешься к своим ребятам.

Он пожимает плечами.

– Да, что вам?

– Покажи, где живет Майк.

Глава 29

Мы с Лиамом вдвоем в машине. Элле позвонила мама, пока мы выходили из ресторанчика. Она интересовалась, где дочку черти носят, поэтому я быстро подбросила ее до дома. Но я не прямо к крыльцу ее привезла, мать у Эллы была полна подозрений, а мне хотелось, чтобы ребенок не испытывал дискомфорта от ситуации, поэтому я высадила ее у 117 дома по Хайгейт-роуд. Мне надо убедиться, что и Лиам будет в безопасности тоже.

– Вот этот дом, да? – спрашиваю я Лиам.

– Он самый, – Лиам кивает мне с пассажирского места. – Я бы его и во сне узнал.

– Спасибо. – Я смотрю в зеркало заднего вида и включаю поворотник. – Я сейчас отвезу тебя обратно в ресторан.

– Нет, – он сопротивляется, – я останусь здесь. Если вы хотите задать перцу этому гаду, то и я с вами. Ох и покажу я ему...

Он бравирует, этот семнадцатилетний мальчик, но улыбки эта бравада почему-то не вызывает. Лиам и не подозревает, в какой опасности находится, приняв Джеймса за безобидного старого гея.

– Нет, ты со мной не останешься, Лиам, – я выезжаю на дорогу, игнорируя его протесты, – мне не нужно, чтобы и ты попал в больницу тоже.

Лиам смеется, польщенный тем, что я думаю, будто из-за него могут госпитализировать взрослого человека. Как же, все понял в свою сторону. Но я его не спешу разубеждать.

* * *

Через пятнадцать минут я возвращаюсь к дому Майка. Выглядит очень респектабельно: голубая входная дверь, литая ручка, на окнах – занавески, слегка приоткрытые, но мне почему-то очень трудно решиться выйти из автомобиля. Мой мозг командует вылезать, постучать в дверь и встретиться лицом к лицу с человеком, который являлся мне в кошмарах последние двадцать лет. Но тело медлит, отказываясь двигаться с места. Смотрю на свою правую руку, на бриллиантовое кольцо, которое подарил Брайан на помолвку (пока мы были на Родосе). Я отказывалась носить его долгое-

долгое время, и вот вдруг на пятнадцатую годовщину свадьбы это кольцо стало символом позитива, свежего начала, так что я его все же надела и больше не снимала. Я приказываю правой руке переместиться с руля на ручку двери и открыть ее наконец.

Рука не слушается меня.

Смотрю на дом.

Возможно, встречаться с Джеймсом лицом к лицу – не глупость, но это опасно. Что, если я снова ошиблась и богатый старый гей Майк – действительно какой-то несчастный богатый гей Майк? Такое тоже может быть. Что, если позвонить Брайану, в полицию или кому-нибудь еще и сказать, что мой бывший приятель-псих преследует меня в Брайтоне, сдружился обманным путем с моей дочкой и потом угрожал ей. Или я ошибаюсь? Сколько раз можно человеку крикнуть: «Волки! Волки!», прежде чем люди в белых халатах придут за тобой и принесут тебе такой халатик?

Элла описала мужчину, который мог оказаться Джеймсом через двадцать лет после нашего с ним расставания, но ведь и Джейми Эванс, школьный учитель, подходил под это описание. Ошибившись однажды, можно ошибиться и дважды. Нужны доказательства.

Наконец пальцы правой руки перемещаются с руля на ручку двери, и я могу ее открыть...

* * *

Я кое-как выбираюсь на тротуар, а потом иду по дороге к воротам. Продолжаю неотрывно смотреть на окна и на входную дверь, пытаюсь увидеть там кого-то, или какой-то признак опасности, знак, что мне надо бежать со всех ног, но когда мои подошвы касаются дороги и я направляюсь к дому, я чувствую, что попала в заколдованное пространство. Мое тело тянет туда, но что-то одновременно с этим отталкивает назад. Иди обратно, иди обратно – чувствую я. Воздух словно сгущается, защищая дом, прогоняя меня прочь. Иди обратно, иди обратно... делаю еще шаг вперед, ключи от машины прочно зажаты в руке. Я всего лишь хочу разглядеть что-нибудь сквозь маленькую щелку в занавесах. Только тень увидеть бы. Делаю еще шаг, вздрагиваю от крика чайки. В гостиной не горит свет, даже легкого отсвета от телевизора нет. Я заключаю с Богом пари. Прошу, Господи, сделай так, чтобы, когда я загляну в щелку между занавесок, оттуда на меня не посмотрел Джеймс.

Иду дальше, я уже так близко, что мне остается только на пару сантиметров продвинуться влево, чтобы заглянуть за занавески. Вдыхаю так тихо, как только могу. На улице тоже все затихло, чайки не кричат, машины не гудят, дети не орут, не играют, не шумят, только я, этот дом и биение моего сердца.

Я стараюсь быть очень спокойной. Медленно склоняю голову налево, к щели в занавесках, хочу посмотреть прямо внутрь жизни Джеймса.

Не знаю, что я ожидаю увидеть. Возможно, точную копию комнаты, которую видела двадцать лет назад. Но вижу совсем не то, что ожидала: единственное кресло – черной кожи с затертым сиденьем, кожаная софа, все – одного производства, – деревянный столик, бежевый ковер, вроде бы залитый кофе ближе к камину, огромный плоский телевизор и DVD. И все. Ни книг, ни картин, ни кофейных чашек, ни обуви, ни ковров на стенах, ни фотографий. Можно показывать эту квартиру в шоу как образец дизайна, лишенного души, цвета и тепла, и все же... прижимаю руку к груди, в которой мечется сердце. Что-то есть в этой комнате, что заставляет ее ожить: батик, висящий над камином.

Глава 30

Руки дрожат, стоит взять сумку с пассажирского сиденья и положить на колени. Я была абсолютно в себе: не воображала открытки и посылки, оставшиеся дома, меня не гнала вдоль по улице пугающая тень в Лондоне. За несчастный случай с Шарлоттой отвечает не кто иной, как Джеймс Эванс. Тот самый Джеймс Эванс. Я была в себе как никогда.

Проверяю, все двери заперты, а улица все еще пустынна, – лезу к себе в сумку. Нахожу там кошелек, справочник, косметичку и кучу рецептов, но... где же мой мобильник? Выворачиваю сумку наизнанку и трясу. Все ее содержимое сыплется мне на колени, – моя щетка для волос и ключи сталкиваются и звенят. Я наблюдаю, как они зацепились друг за друга и качаются. Возможно, это какой-то знак для меня. Мне стоит просто встать и пойти туда. Позвонить Брайану, когда окажусь в безопасности. Да, именно так и сделаю, пальцами нащупываю что-то гладкое и с кнопками, разгребаю вещи на коленях...

Вот он, мобильный!

Я хватаю его и нажимаю кнопку.

Ничего не происходит. Провожу пальцем по экрану. Жму на кнопки в хаотическом порядке. Снова жму на кнопку включения. Ровным счетом ничего не происходит.

Трясу девайс, стучу им о руль и нажимаю кнопку снова и снова, но он не работает. У него сел аккумулятор.

«Прошу, прошу, – молю я, поворачивая ключ зажигания. – Пожалуйста, пусть Брайан окажется дома».

* * *

Никогда еще я так не радовалась виду машины своего мужа на подъездной дорожке. Я сигналию, когда придвигаюсь к ней, смотрю, есть ли кто дома. На кухне не горит свет, наверху – тоже. Возможно, Брайан у себя в кабинете.

Милли кидается ко мне в ту секунду, когда я переступаю порог. Она подпрыгивает и лижет мое лицо, толстым хвостом взбивая воздух вокруг себя.

– Эй, деточка моя, – треплю ее по голове, потом мягко отпускаю. –

Прости, мне надо найти нашего папочку.

Игнорирую ее протесты, иду на кухню, закрывая за собой дверь и оставляя собаку на веранде.

– Брайан! – зову я и осматриваюсь в гостиной, там пусто, все, как я оставила, уезжая.

– Брайан? – Снова зову мужа, взбегая по лестнице, пересекаю коридор и открываю дверь в кабинет. – Брайан, мы должны позвонить в полицию.

Но кабинет пуст, ноутбук закрыт и выключен, кресло придвинуто к столу, документы сложены в три аккуратные стопки у телефона.

Иду в спальню, возможно, Брайан решил вздремнуть.

– Брайан, ты...

Но в спальне тоже пусто. Не понимаю. Как может так получиться, что машина Брайана припаркована у дома, но его самого нет внутри. Машина есть, а он сам где?

Бегаю из комнаты в комнату, смотрю на пол, на стены и потолок, ищу какие-нибудь следы борьбы. Живот сводит такой сильной судорогой, что мне кажется, я заболела, кажется, что снова подкатывает паническая атака, но... но у нас дома никто не дрался, следов нет. Нет ободранных обоев, перевернутой мебели, разбитого стекла, и крови нет ни капли нигде.

Я выхожу из гостиной и направляюсь в кухню. Злость во мне сменилась смущением. На столике нет записки, чтобы, например, мне прочесть в ней «ушел в пивную», – записки также нет и на микроволновке. Возможно, Брайан писал мне эсэмэс, а я не получила сообщение, потому что сел аккумулятор. Я поставила телефон на зарядку, но тут услышала, как кто-то скребется, и прижалась к полу.

– Милли! – она тыкается в меня носом, потом лижет мое лицо. Я аккуратно отталкиваю ее и смотрю на дверь. Дверь на крыльцо широко открыта. Я, наверное, плохо ее заперла. Встаю на ноги и пересекаю кухню. Только я собираюсь закрыть дверь, как вижу у ног на полу белый конвертик. Беру его в руки, на нем мое имя и наш адрес, написаны четким наклонным почерком. Я этот почерк не видела уже двадцать лет.

– Милли, скорее! – я хватаю ее за ошейник, пинком распахиваю входную дверь и бегу по дорожке.

Через десять минут мы уже припарковались в гавани. Уже поздно, на побережье безлюдно и тихо. Единственный звук – это звук, с которым морские волны бьются о берег, снова и снова. С улицы в салон машины залетают отблески света, окрашивая мою бледную кожу в кроваво-красные тона. Мне не стоит открывать дверь и выходить наружу. Мне надо ехать прямо в полицию, рассказать им, что я знаю о Джеймсе Эвансе, но я

почему-то не могу этого сделать. Я не могу рисковать. Вдруг это... вдруг это были просто глупые шутки, и если я о них начну рассказывать, меня в участке просто поднимут на смех.

Достаю из пачки небольшой носовой платок, через него беру в руку конверт. Если на нем остались отпечатки пальцев Джеймса, я их сохраню. Кроме конверта есть коробка с посылкой. Держать конверт неудобно, и мне кажется, у меня уходит вечность на то, чтобы открыть посылку и заглянуть внутрь. Слишком темно, чтобы рассмотреть, что там внутри, лезть наугад не хочется, поэтому я прогоняю Милли на заднее сиденье и ставлю коробку рядом с собой. В посылке – два милых детских носочка. Они сделаны из отличной пряжи, связаны аккуратно, сшиты стежок к стежку. Украшены кружевом и перевязаны ленточкой, судя по их внешнему виду, они очень дорогие. Такие я Шарлотте никогда не покупала, когда она была малюткой, – слишком непрактично и дорого. Я беру один, на меня накатывает волна воспоминаний, подношу носочек к самому лицу. Не могу описать, что происходит следом, – то ли запах утюга щекочет мне ноздри, то ли ниточка вискозы выпадает и ложится на запястье, но мне кажется, что носочек оживает, и я в ужасе отбрасываю его от себя на сиденье. Но даже под мутным фонарным светом я вижу, что это не нитка вискозы, – что на моих пальцах нечто липкое, клейкое, красное... это кровь.

Вдруг на меня находит ледяное спокойствие. Джеймсу известен секрет, который я хранила двадцать лет. Теперь я могу не бояться. Он знает, я могу его остановить.

Я беру открытку, которая лежит рядом с носочком, который я не успела взять в руку, и раскрываю ее через платок, чтобы не стереть улики, стираю кровь, чтобы прочесть написанное – написанное тем же курсивным почерком, что и адрес на конверте.

Жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб.

Переворачиваю открытку.

Жизнь за кому? Как-то неправильно.

У нас есть одно незавершенное дело. У нас с Шарлоттой.

* * *

Открытка выпадает из моих пальцев, медленно планирует на пол, пока не приземлится мне на ногу. Мне надо успеть доехать до больницы, опередив Джеймса.

Глава 31

Я мчусь от стоянки к двойным дверям больницы, но ветра на лице не чувствую. Не слышу механический голос, который говорит, что двери открываются, когда я вхожу в лифт. Не чувствую запаха антисептика, когда надеваю на руки тонкие перчатки перед тем, как войти в палату. Я толком не вижу, не слышу, не ощущаю и не чувствую ничего. Я в Лимбе, и бегу через свой самый страшный кошмар, догоняя тень моей спящей красавицы-дочки. Она так близко, совсем рядом, я даже могу потрогать ее кончиками пальцев, но вот... – вот она улетает от меня, а я не могу ее удержать.

Она может умереть, пока я доберусь до нее. Я очень четко это знаю. Это понимание у меня, кажется, в костях, в моей плоти. Я бы поставила на это свою жизнь. Отдала бы жизнь, вернее. Джеймс ее у меня не заберет, он меня не сломает. Это я его сломаю, просто не оставлю ему выбора.

Вижу перед собой дверь палаты, она чуть дальше по коридору. В ней кто-то есть, кроме Шарлотты. Из палаты падает свет. Кто-то там, внутри, с моей дочкой. Я перехожу на бег, но бегу как сквозь туман, увязая с каждым шагом, двигаюсь все медленней и медленней.

Я разлучила Джеймса с его ребенком навсегда, потому что знала, что никогда не смогу по-настоящему сбежать, если выношу и рожу его дитя. Да и был бы это ребенок? Это была бы удавка на моей шее, жесткий поводок, за который он мог бы тянуть в любое время, как только ему потребовалось бы. Как только ему захотелось бы надо мной поиздеваться или наказать меня.

На глазах у меня не было слез, внутри не было паники, когда я вошла в больницу. Я приняла таблетку без колебаний, легла на кровать без мысли о чем-либо и обхватила себя за живот, пока шла процедура. Я даже не заплакала, когда по ноге потекла кровь. Потом я пошла в туалет и выкинула из себя то, что носила внутри, смыла прочь. Через полчаса, когда я лежала свернувшись калачиком на кровати, меня погладила по голове медсестра и сказала: «Ты же сильная девушка, да? От боли ты приняла только одну таблетку». И я всхлипнула, словно речь шла о моей смерти.

Сильная? Ха! Скорее совсем слабая. Я годами жила с монстром, который изощренно пытал меня, называя это любовью. Меня унижали, преуменьшали мои достоинства, ругали и постоянно проверяли на каждом шагу. Меня судили за каждую малость, критиковали и отказывали в

человеческом отношении. Я сама по доброй воле отрешилась от друзей, от семьи, потеряла работу, лишилась мечты всей жизни – и все ради того, чтобы остаться с Джеймсом. И я не могла от него уйти. Я несколько раз пыталась, но была слаба, воля моя была слаба. Он всегда возвращался в мою жизнь, в мое сердце. Никакой силы не было в том, чтобы лежать на больничной койке, сделав аборт, но в этом была... свобода. Будь я сильной, я бы с гордо поднятой головой вышла из клуба в Камдене три года и двести семьдесят дней тому назад, когда... когда Джеймс в шутку называл меня «шлюшкой». Будь я сильной, я бы отказалась снова с ним видеться, после того как он отказался спать в моей постели, потому что другие мужчины в ней спали. Будь я сильной, я заявила бы на него в полицию сразу после того, как он меня изнасиловал. Будь я сильной, я бы прервала эту череду кошмаров, и он больше не принес бы несчастья ни одной женщине...

Я не плакала о ребенке, от которого избавилась этим вечером, но все время помнила об этом, сколько бы лет ни прошло. Каждый год на годовщину аборта я плакала, да. Потому что он не заслужил того, чтобы потерять жизнь, потому что я была зла на Джеймса, вынудившего меня поступить именно так. Иногда я сожалела о содеянном и размышляла, что могла бы родить и взять ребеночка с собой в Грецию, родись у меня мальчик или девочка. Я бы преподавала английский и была мамой...

Часто мне приходила в голову мысль о том, что меня непременно накажут за то, что я сотворила. Думала, что больше никогда не рожу, но появилась Шарлотта, наш с Брайаном чудесный ребенок. Она родилась ровно через год после моего замужества. И я почувствовала, что меня благословили, простили, словно в жизни, как в большой книге, началась новая глава, и теперь я была по-настоящему свободна. Когда я захотела подарить ей сестренку или братика, у меня ничего не получилось, – лишь четыре выкидыша, один за другим. За три года.

Шарлотта, моя чудесная девочка.

Я открываю дверь в палату к ней...

Шарлотта лежит, раскинувшись, на больничной койке. На ней нет одеяла, чистая пластиковая трубка торчит изо рта, на груди мозаика из разноцветных электродов. Монитор, фиксирующий биение сердца пикает в углу комнаты. Он отсчитывает время не хуже метронома – я закрываю глаза, хочется спать.

– Сью? – Кто-то кладет мне руку на плечо, рука тяжелая. – Хочешь чашку чаю?

– Брайан? – я несколько раз моргаю.

– Сью? – Он смотрит на меня и хмурит брови, но я не могу разобрать,

чем он недоволен, о чем он думает. – Сью, ты в порядке?

– Ты в порядке, мама? – Я реагирую на слово «мама», но его произносит не Шарлотта. Это Оливер, он сидит у ее кровати. У него стопка журналов «Нэшнл джеографик» на коленях, а в руках – мои лучшие ножницы для стрижки. На столике у кровати Шарлотты висится куча вырезок.

– Мам? – снова говорит Оливер.

Не припомню, когда он в последний раз называл меня мамой.

– Я... – Я смотрю сначала на него, потом на Брайана, потом снова на Оливера. Что они здесь делают? У меня чувство, что из кошмара я попала в монохромный, обычный мир. Почему они пьют чай? Они что, не осознают, в какой опасности Шарлотта? Я смотрю на Брайана, и в глазах моих немой вопрос.

Он в ответ улыбается, все еще держит руку у меня на плече.

– Оливер заскочил забрать свои журналы и сказал, что хочет навестить сестру, прежде чем снова уедет учиться в университет. Мы приехали на его машине.

– Так вот что, ты приехал на его машине...

– Ага, а моя дома, она не заводилась, какая-то проблема с зажиганием. Я так думаю. Чем быстрее я куплю себе электрокар, тем лучше. – Брайан трясет меня за плечо. – Мы ждали тебя, ждали, когда вернешься с побережья, чтобы ты могла поехать с нами, но ты сказала, что хочешь побыть в одиночестве. И я подумал, что... – он замолкает. – Я бы оставил тебе записку, но я просто забыл, закопавшись со сборами.

Оливер смеется.

– Вроде ты не из забывчивых, пап.

Я смотрю на них обоих. Они смеются и радуются, но у меня в машине на пассажирском сиденье два окровавленных детских носочка и открытка с прямыми угрозами нашей дочери.

– Ты какая-то бледная, – Брайан усаживает меня в пустующее кресло слева от Шарлотты, а сам садится на корточки возле.

Все мы молчим несколько минут, но Брайан глубоко вздыхает. Он готовится сказать что-то очень важное.

– Я вот что нашел, – из кармана брюк он достает пакетик с тремя белыми таблетками. – Я решил прибраться. Мне показалось, что тебе это будет приятно после всего, что случилось, но... – он смотрит на таблетки в ладони, словно это какие-то диковинные сокровища. – Я думаю, что ты можешь мне сказать, Сью. А?

– Да, у меня есть что сказать, – неожиданно для себя самой я

выпрямляюсь. Брайан отшатывается от меня, удивленный. – Шарлота в опасности. Меня выследил Джеймс. Я не выдумываю на сей раз, Брайан. У меня есть улики. В машине. Окровавленные носочки. Он знает о том, что я сделала аборт, и теперь хочет отомстить, убив Шарлотту. Он шантажировал ее, вот почему она в коме, вот почему шагнула под автобус в тот субботний день. Но ему этого мало, он хочет ее убить, – я беру Брайана за руку, – он хочет ее смерти. Он ее убьет.

Я смотрю в лицо мужу, чтобы увидеть его реакцию. Его гнев хотя бы, но реакции нет, только быстрый тихий взгляд в сторону Оливера.

– Брайан? – Я сильнее сжимаю его руку. – Ты ведь веришь мне? Посмотри на мои руки, они... – Но на руках у меня нет ни следа крови. – ... чистые. Но это потому, что я их вымыла перед тем, как войти сюда. Пойдем к моей машине, я покажу тебе носочки и... – Я стараюсь встать, но Брайан усаживает меня обратно в кресло. – Брайан, прошу тебя! Почему ты так странно смотришь?

Брайан смотрит на Оливера, потом кивает ему. Через пару секунд Оливер подходит ко мне, у него в руках пластиковый стаканчик.

– Сью, – Брайан высвобождает руку из моей ладони, – прими, пожалуйста, эти таблетки.

– Нет! – Я умоляющим взглядом смотрю на Оливера, но он отводит глаза. – Со мной все в порядке! Я пошла ко врачам только потому, что ошиблась, обвинив учителя Шарлотты, но на этот раз у меня есть настоящее доказательство, понимаешь? Настоящее! Больше я не ошибусь. Прощу! Просто давай дойдем до моей машины, и я тебе его покажу.

– Сью, – Брайан кладет таблетки мне в рот. Они липнут к нижней губе. – Сначала прими лекарство, потом поговорим.

– Нет! – Я пытаюсь встать, но Брайан придавливает меня рукой и не дает выпрямиться. Давит он мягко, но давит. И он меня не отпустит.

– Прощу, мам, – Оливер шагает ко мне, протягивая пластиковый стаканчик, словно это не стаканчик, а святыня какая-то. – Сделай глоток, проглоти таблетки.

– Оливер, не надо...

– Это лишь вода...

– Мне все равно, что это. Я не буду...

– Мама, прошу! Мы так о тебе беспокоились, столько времени с ума сходили. Ты... – он отворачивается, не в силах смотреть мне в глаза, – ты сама не своя с тех пор, как Шарлотта попала под автобус. Вся эта возня с Кейшей, разговоры, кто кому был лучший друг, расспросы Дэнни, вызнание у него номера и адреса Кейши... ну, я решил, что это странно,

но ничего не говорил до тех пор, пока отец не нашел твои таблетки в щели между подушек...

Туман, в котором я была входя в палату, вдруг рассеялся, и я увидела мужа и пасынка словно впервые. Они думают, у меня помрачение рассудка. Вижу это по их сдвинутым бровям, по их осанке, по их шепоту чувствую. Они все сопоставили и решили, что я *того*. И что бы я теперь ни делала, о чем бы ни говорила, я их не смогу переубедить. И что я могу сказать? Что в последнее время с друзьями Шарлотты провела больше времени, чем со своей дочерью? Что ездила в ночной лондонский клуб и сидела в машине агента известного футболиста? Что заглядывала в чужие окна через занавески? Они ни единому моему слову не поверят! Хуже того: они решат, что все это – часть моих галлюцинаций. И, разумеется, у меня именно галлюцинации, я же не принимала таблетки, так?

Я могла бы показать им свои сокровища на пассажирском сиденье, но они решат, что я сама их подбросила. Чтобы добиться внимания или потому что была разочарована. Брайану хватит одного взгляда на окровавленные носочки, и он тут же позвонит в клинику. В психиатрическую клинику! Мне остается только одно. Одно.

Смотрю на таблетки в руке у Брайана.

– Если я их приму, – говорю я уверенно, – ты меня выслушаешь?

Он едва улыбается.

– Конечно, дорогая.

Глава 32

- Тогда мы отправимся в Милле.
- Мы недолго.
- Мне просто нужно собрать вещи Оливера для поездки.
- Нужен водонепроницаемый плащ. Там Озерный край, а не солнечная лужайка.

- Палатку на двоих.
- Носки для похода.
- Матрас.

Мои муж и сын разговаривают со мной. Их челюсти смыкаются и размыкаются, брови двигаются на лицах, сходятся и расходятся, глаза то щурятся, то нет. Но я никак не улавливаю смысл происходящего. Слышу слова, много слов. Они сталкиваются друг с другом и перекатываются, гремя, словно волны, потом сшибаются прямо у меня над головой, словно я лежу под приливом и не могу разобрать, что же это за слова, они так похожи друг на друга... а когда открываю рот, чтобы спросить, о чем они говорят, не могу произнести ни слова. После пары попыток перестаю стараться, позволяю тяжести, накопившейся в теле, взять надо мной верх, придавить к креслу. Голова моя откинута назад, я прислонилась к стене. Смотрю на потолок. Он переливается и пульсирует, я вспоминаю Шарлотту, когда ей было три месяца от роду, она лежала в колыбельке, разглядывала серо-голубые тени от лампы на потолке гостиной, глаза ее светились любопытством.

- Час...
- Ну да, полчаса на одно и полчаса на другое...
- Приедем и заберем тебя. Оливер вернется в университет. Мы поедем на твоей машине.
- Ну вот, ты выглядишь более спокойной и расслабленной.
- Смотри, она улыбается, когда она в последний раз улыбалась?

Я смотрю на них с усилием и едва могу шевелить губами, слова не получаются. Сама себя не слышу, но Брайан и Оливер улыбаются, значит, я что-то сказала все же, что-то, что их приободрило. И они решили оставить меня в покое: целуют в щеку, трясут за плечо, гладят по голове и... уходят!

Без их голосов палата наполняется тишиной. Ушам больно от такой тишины. А потом...

- Бип, бип, бип.

Я различаю, как в углу комнаты плачет монитор, фиксирующий биение сердца. Медицинский метроном, постоянный верный друг Шарлотты, а теперь и мой заодно.

– Тик, тик, тик. Бип, бип, бип. Тик, тик, тик.

...мы в гостиной. Я лежу на диване, Шарлотта сидит на полу. Она собирает пластмассовые кубики, бросает их, ползет за ними, подбирает, снова бросает. На лице у нее написаны счастье и гордость – она научилась бросать и поднимать, теперь ей есть с чем вступить во взрослый мир. Я хочу, чтобы эта сцена стояла перед моими глазами вечно. Хочу переживать ее снова и снова.

Смотрю на дочку, она спит на койке, я протягиваю руку и касаюсь ее волос. Удивлена, когда не чувствую шелк младенческих кудряшек, но продолжаю все равно гладить, ведь это моя Шарлотта, какой бы она ни была...

Я так боялась. Память играет со мной, но картины прошлого растворяются и тают, как только я собираюсь их удержать усилием мысли. Все еще чувствую поцелуй Брайана на щеке, а руку Оливера – на своей руке. У меня почти идеальная жизнь, меня благословили.

Но вот скрипит половица, мои видения прерываются, и я понимаю, что кто-то открыл дверь в палату. А Брайан и Оливер ее не закрыли, когда уходили? Я и не заметила. Вижу мужчину в белом халате, он проходит мимо меня по палате. Встает у окна, боком ко мне, смотрит наружу.

Это доктор.

Я узнаю знакомое слово «доктор» и улыбаюсь. Он должно быть пришел, чтобы сообщить хорошие новости, сказать, что скоро Шарлотта придет в себя, что я смогу забрать ее из этого инкубатора, смогу привезти домой.

– Доктор? – Я изо всех сил стараюсь подняться, но происходит все как во сне. Делаю шаг к нему. – С моей девочкой все будет в порядке?

Что-то такое есть в форме головы доктора, что заставляет меня остановиться на месте посреди комнаты. В ярком и лучистом состоянии моего медикаментозного счастья вдруг прорастает черная клякса. Я смотрю на плечи доктора, на его стройную фигуру, он сам становится черным пятном на белом листе дня... пальцы рук и ног колет иглами изнутри, словно я неподвижно сидела часами. Иголки рассыпаются, кажется, по всему телу. Тело пытается очнуться, в то время как мозг спит, и я ощущаю внезапный порыв убежать прочь, но с чего бы это? Я нужна Шарлотте, куда же бежать...

– Доктор? – повторяю я. – Плохие новости? Поэтому вы молчите, да?

Ну да, конечно, я так и знала, что он принесет плохие вести, и теперь я всем своим существом готовлюсь к худшему, стараюсь прогнать морок.

Пару секунд доктор не шевелится. Мне интересно, слышал ли он меня вообще. Потом его плечи приподнимаются, когда он глубоко вздыхает, и вот... вот он оборачивается ко мне. Я не сразу узнаю серо-голубые глаза, большой нос и широкий рот с тонкими губами. Я смотрю на седые волосы, глубокие морщины у рта и густую щетину, которая покрывает его верхнюю губу, подбородок и горло.

– Ну здравствуй, Сьюзи-Сью.

Меня словно разряд электрического тока пронзает с макушки до пяток. Потом он повторяет слова, и я начинаю мелко дрожать. Как будто похолодало градусов на сорок за секунду.

Думала, я готова к этой встрече. Думала, что уже старая, сильная и достаточно устойчивая, чтобы не реагировать на тембр его голоса, но ощущение такое, словно я в машине времени перенеслась в прошлое, и мне снова двадцать три, я прячусь в шкафу, вздрагивая от звука его шагов, когда он идет из комнаты в комнату и выкрикивает мое имя.

Я делаю шаг назад, инстинктивно прижимая руку к животу, чтобы спрятать секрет, которого давно нет. Джеймс замечает мой жест, и равнодушное выражение на его лице сменяется на другое. Губы вытягиваются в нитку, глаза сощуриваются, ноздри раздуваются... но он справляется с приступом ярости. На его лице снова красуется широченная улыбка. Я несколько раз моргаю, не веря своим глазам.

– Миссис Джексон, я полагаю, – он шагает ко мне и протягивает руку, – меня зовут доктор Эванс. Сегодня я присматриваю за Шарлоттой.

Только этого мне не хватало, чтобы выйти из ступора, – не хватало имени моей дочери, произнесенного им вслух. Я кидаюсь к Шарлотте, кладу ей руку на плечо, смотрю в глаза Джеймсу, теперь он играет во врача. Он подходит к изножью ее койки, открепляет больничный журнал и с противным звуком листает его, просматривая. На последней странице кривится и трясет головой.

– Прогноз совсем плохой. Если только я не ошибаюсь, ваша дочка на пороге смерти. Буквально несколько минут, и все.

– Убирайся! – говорю так спокойно, как только могу, указывая ему на дверь. – Пошел вон, или я...

– Нажмешь сюда? – Джеймс оказывается уже с другой стороны кровати и прикрывает аварийную кнопку. Вдавливает ее со всей силы локтем. – Упс! Сломалась, надо же.

– Я буду кричать!

– Давай, ори, – он молча указывает на бейджик, прикрепленный к халату, – посмотрим, кому из нас поверит дежурная медсестра. Тебе – больной невротичке, матери этой... – он смотрит на столик у койки и потом – на меня, играя бровью, намекая на таблетки, которые Брайан принес с собой. – У тебя есть диагноз, а я – уважаемый доктор, профессионал.

– Но ты никакой не доктор! – рядом с Джеймсом на столике лежит стопка журналов, он их так и не забрал, а поверх них... мои ножницы. Если я смогу быстро проскочить мимо Шарлотты, то мне удастся их схватить, но Джеймс, скорее всего, окажется быстрее меня. – Медсестра тут же поймет, что ты притворяешься...

– Поймет, говоришь? – Он смотрит на свой бейджик и проводит пальцем по фотографии. – Да с чего бы. Я так похож на себя. Никто не почует подвоха. Кто скажет, что я не врач? В больнице так много посторонних в наши дни. Медсестра привыкла к незнакомым лицам. Кстати, о незнакомцах, – он осматривает меня сверху вниз, и ухмылка возвращается на его лицо, – годы тебя не берегли, Сью. Ты всегда была полноватой, но сейчас просто разжирела.

Я не отвожу взгляд от него. Стоит мне на секунду отвлечься, и Шарлотта окажется в смертельно опасности.

– Ты из-за беременности такая стала? – он смотрит на мою дочь, а я подавляю в себе желание прыгнуть на него и выдавить ему глаза. – Что, вынашивание этого уродца в течение девяти месяцев – это превратило тебя в жирного монстра или ты без остановки жрала кексы и масло?

Джеймс смеется, но я рада, что он перешел к словесной атаке. Я бы действительно удивилась, если бы он был вежлив и предупредителен, если бы не был собой. Я не отвечаю ему. Надеюсь, что из коридора донесется звук шагов или чьи-нибудь голоса и я смогу позвать на помощь, но почему-то в больничном крыле необычно тихо. Даже тележку не провезут и дверь не скрипнет.

– Она не такая огромная, как ты, Сью, но это только вопрос времени. – Он смотрит на Шарлотту. – Меня до сих пор передергивает, когда я вспоминаю твои жировые складки, рукоятки любви на твоём теле, твой огромный живот, твою вульву... как ты вообще умудрилась кого-то найти, кто с тобой лег, я не знаю... загадка!

– А об изнасиловании ты давно ничего не слышал, а?

– Изнасиловании? – Мертвенный взгляд перемещается на меня. – Изнасилование подразумевает, что ты забираешь что-то девственное от кого-то невинного, но ты никогда не была невинной, Сьюзи-Сью. Ты всегда была грязной шлюхой, которая с годами не изменилась.

– Нет, не была. Я была нормальной двадцати с небольшим лет девушкой, у которой было полно бойфрендов и отношений на одну ночь. Я не была девушкой легкого поведения, дикаркой, необычной или грязной, или потасканной, или чем-то еще, с чем ты меня сравнивал.

– Правда ранит, Сьюзи-Сью.

– Но это ложь, а не правда. – Слова лились из меня, я не могла их остановить. Двадцать лет я думала об этом, мысли бродили во мне, умирая невысказанными. Я старалась блокировать их, но чем больше я сопротивлялась, тем сильнее они становились. Неудивительно, что они просочились в мои сны. – Ничто из сказанного тобой не было правдой, Джеймс. Ты старался заставить меня стыдиться себя. Сожалеть о жизни, которой я жила, потому что не мог принять тот факт, что я жила до тебя. Но к двадцати годам почти никто не бывает чистым листком, ты не знал? Как бы тебе ни хотелось, но к двадцати у всех уже есть прошлое.

Он качает головой.

– Все еще гордишься тем, что ты шлюха, понятно. Двадцать лет прошло, а ты так и не переучилась.

– Ты меня вообще любил, Джеймс?

Он вздрагивает, словно вопрос его обезоружил, потом медленно моргает и приходит в себя.

– Конечно. Ты была любовью всей моей жизни...

– Нет, Джеймс. – Я потихоньку открываю ящик столика у кровати, пытаюсь нащупать пальцами нож для бумаг, что-нибудь острое, что могла бы использовать в качестве оружия, но все, что мне удастся найти, это новая упаковка платочков. А еще что-то гладкое, квадратное и кожаное. – Я не была любовью всей твоей жизни. Если бы ты по-настоящему меня любил, то принял бы меня с прошлым, но вместо этого ты заставил меня страдать, потому что я не соответствовала идеальному образу, который ты себе создал.

Его рот кривится в гримасе отвращения.

– Ты обманула меня, Сьюзи, заставила поверить в то, что ты не такая, как все. Что ты красивый ангел, но ты им не была. Ты была, как все, – грязной шлюхой, лондонской потаскухой. Ты была недостаточно особенной для меня.

Он приближается к Шарлотте, проводит указательным пальцем по ее скуле, потом дотрагивается до ее головы, гладит рукой по волосам, потом – еще раз. Его взгляд напряжен, он глубоко и тяжело дышит носом.

– Мама тебе внушила? – добавляю я, когда он придавливает Шарлотте веко пальцем. – Внушила, что такому особенному мальчику нужна

совершенно особенная девочка? И бог пошлет Джейми ангела, который будет беречь себя специально для него, да?

– Я же берег себя для тебя, – он перестает трогать Шарлотту и тянется ко мне через кровать. Я отшатываюсь назад, как только понимаю, что он тянется к моей шее. Если я не могу позвать никого на помощь, то должна как можно дольше отвлекать его от Шарлотты. Я должна стать для него приманкой.

– Нет, ты не берег, Джеймс. Ты девственность потерял с проституткой.

– И ты думаешь, я этим горд? То, что должно было достаться особенной женщине, стать знаком единения душ, стало грязным половым актом со шлюхой.

– Но в том не было моей вины.

– Нет, – Джеймс начинает плакать и берет Шарлотту за руку, прижимает руку к губам, склоняет голову. – Не было твоей вины, – слеза пробегает по его щеке. – Прости меня, Сьюзи, я так виноват перед тобой за все. Ты не потаскуха и не шлюха. Ты красивая, добрая и сердечная женщина. Я никогда тебя не заслуживал. Поэтому я и был так жесток с тобой. Я хотел, чтобы ты не вынесла и ушла.

Я смотрю на него потрясенная. Он плачет, слеза бежит за слезой, мы смотрим друг на друга, никто из нас не готов говорить дальше, но вдруг... вдруг тишину разрывает далекий разговор двух женщин в коридоре. Я смотрю на дверь, кричу ли я? Бегу ли? Но если побегу, то Шарлотта останется с ним один на один, а это слишком опасно. Тогда только кричать. Я открываю рот и...

Хрясь! Звук такой, будто ломают куриную кость, словно собака ее перегрызает. И я оборачиваюсь на звук. Джеймс держит Шарлотту за правую руку, за запястье. Ее мизинец отогнут под неестественным углом, под девяносто градусов. Палец зашел за ладонь, так его вывернули.

– Приветик, мамочка, – Джеймс говорит детским голосом, машет мне изуродованной рукой дочери, сломанный палец хлопает, как крыло. – Посмотри, я сломала пальчик.

– Отстань от нее, ты, урод! – я кидаюсь к ним, падаю на койку, упираюсь коленом, пытаюсь наброситься на Джеймса, оттолкнуть его от дочери, но он слишком быстр и ловок. Он отталкивает меня, и я заваливаюсь на Шарлотту.

Я борюсь, чтобы встать, но Джеймс хватает за правый локоть и выкручивает так, что давит им на горло Шарлотте, на трубку, которая соединяет маску на ее лице и кислородный аппарат. Трубка выпадает... из груди Шарлотты вырывается какой-то страшный звук, она... дышит...

– Если только заикнешься, чтобы позвать на помощь, – говорит Джеймс, впиваясь пальцами в мою руку, его лицо – в нескольких миллиметрах от моего, щекой он меня прижал к койке, – я ей все пальцы переломаю, один за другим, а ты будешь смотреть. А потом я сверну ей шею, поняла?

Я киваю.

– Давай, вставай.

Я стараюсь встать, но Джеймс хватает меня за волосы. Он тащит меня и привязывает к изножью койки, так, чтобы я оказалась четко напротив него. По мне пробегает волна страха, потом он еще сильнее хватается за мои волосы, я падаю на колени.

Несколько секунд, кажется, ничего не происходит. Единственные звуки в комнате – это бибиканье аппарата в углу и дыхание Шарлотты. Я закрываю глаза и готовлюсь к удару, к тому, что со мной произойдет что-то страшное. Но раздается скрип ножки стула по линолеуму. Джеймс садится и начинает говорить.

– У меня разбилось сердце, когда я понял, что ты ушла, – он говорит спокойно и медленно, шепчет, и я боюсь на него посмотреть через спутанные волосы. Он сидит на стуле возле Шарлотты, уронив голову на руки. – Я пошел к флористу в перерыве на обед и купил тебе цветы. А по пути домой зашел в магазин детской одежды на Хай-стрит, я его раньше вообще не замечал. Витрина так и манила, и я не смог устоять. Знаешь, что я купил там?

Я не шевелюсь.

– Знаешь, что я купил, Сьюзи-Сью?

Я качаю головой.

– Платье. Я купил красивое красное платье с белыми кружевами по юбке. Оно было крошечным, Сьюзи. Для ребенка от нуля до трех лет. Я никогда в жизни не видел ничего столь совершенного, Сьюзи, и не мог дождаться момента, когда покажу его тебе... – Джеймс закашлялся от избытка эмоций. – Я же тебе говорил, что всегда хотел иметь дочку, да?

Я киваю.

– Я был на седьмом небе от счастья, когда ты сказала, что беременна.

Я прикусываю губу. Джеймс совсем не был рад, когда я сказала, что беременна. Он обвинил меня в измене и три часа орал на кухне, требуя, чтобы я сказала, чьего ребенка ношу, пока я корчилась на полу и рыдала в собственные колени.

– Это была самая чудесная новость на свете, то, что ты носишь моего красивого ребеночка, невинное дитя, – я чувствовал, что меня распирает от

гордости. Наконец-то я бы смог полюбить кого-то без колебаний, не боясь, что меня предадут. Я бы любил, и меня бы любили в ответ. Навсегда.

Шарлотта дышит, я слышу это. Но ее дыхание нестабильно, вот появились свистящие звуки. Надо надеть на нее маску как можно скорее. Без достаточного притока кислорода ее мозг... я закрываю глаза и произношу про себя быструю молитву, второй раз с тех пор, как произошел несчастный случай. Не уверена, что и в первый раз меня слышали.

– Итак, я вернулся домой, исполненный любви, счастья и надежды, с огромным букетом цветов и красивым платьем, а тебя нигде не было, – в голосе Джеймса появляется скрипучая нота. Я напрягаюсь. – Я никак не мог сообразить, куда же ты делась, особенно учитывая, что я запер дверь, когда уходил. Я был потерян, Сьюзи-Сью, так ужасно и бесповоротно потерян без тебя. А потом разозлился, что ты посмела испортить мой же сюрприз. Потому что ты эгоистичная и гадкая, а какая же еще?

Под койкой у Шарлотты достаточно места, чтобы спрятаться. Если прямо сейчас упасть на пол, я, возможно, смогу туда заползти, а оттуда – к двери. Джеймс отойдет от Шарлотты и попытается достать меня, но я стану кричать, может, кто-то успеет прийти, пока не стало слишком поздно.

– Ты думала, что умная, да? Сбежала и оставила меня с носом, так? Даже в щечку не поцеловала на прощание. И это после всего, что мы вместе пережили! Но я был умнее тебя, Сьюзи.

Я касаюсь рукой линолеума и заваливаюсь направо. Мне надо действовать очень быстро, иначе Джеймс ухватит меня за лодыжку и не даст упасть.

– Я пошел к тебе в швейную комнату, нашел клочок бумаги на полу. Это была страница из «Желтых страниц», – он трясет головой, – Я знал, что ты на многое способна, Сьюзан, но не подозревал, что ты... – голос его срывается, – что ты пойдешь на детоубийство.

Я кричу от боли, потому что он тянет меня за волосы и вырывает клочок, который падает на пол палаты. И вот Джеймс уже верхом на мне, зажимает мой рот, душит.

– Вставай давай, ты, сука-детоубийца!

Он вздергивает меня и рывком ставит на ноги, притесняет к кровати Шарлотты. Бедром я упираюсь в металлический край койки, и, когда пытаюсь заслониться правой рукой, Джеймс хватает ее и тянет к носу и рту Шарлотты.

– Любишь ее, да? – шепчет он мне в ухо. – Думаешь, она красивая, чистая и невинная, да?

– Прошу тебя, – бормочу я сквозь его мертвую хватку, – не делай этого.

Она не совершила ничего плохого.

– Но она не невинна, Сьюзи-Сью, ты знаешь, да? Она маленькая шлюшка, как и ее мамочка. Я слышал, как она мычала, словно свинья, когда тот парень трахал ее, поставив на колени, как грязную потаскуху, и я хочу, чтобы ты смотрела, как она будет умирать.

– Нет! – Я стараюсь оттолкнуть его, оторвать свою руку от лица дочери, но Джеймс держит меня очень крепко. Ладонью я чувствую, как Шарлотта дышит, как ей трудно, и странный звук вдруг появляется в комнате.

– Ты украла у меня кое-что очень драгоценное и дорогое, Сью. Ты убила моего ребенка, а теперь я убью твоего.

Он всем весом давит на мою руку, нос Шарлотты издает страшный хруст, и я понимаю, что он только что сломался. Бибиканье монитора, фиксирующего сердцебиение, стало громче и интенсивнее. Волна, которая на мониторе раньше была волной, вытянулась в линию, кровь отлила от лица дочери, а глазные яблоки фактурно обозначились под веками.

– Ну вот, совсем немного осталось, – шепчет Джеймс в ухо, пока тело Шарлотты бьет судорога и руки ее дергаются. Джеймс смотрит на монитор и тянется к кнопке выключения. – Мы же не хотим, чтобы сюда примчалась вся королевская рать, когда она отключится, нет?

– Нет! – Я отчаянно извиваюсь, пока он тащит меня на другую сторону комнаты. Рука не слушается меня, когда я хочу ударить его по голове. Я стукаюсь ей о край кровати, и две вещи случаются одновременно: кровать толкает стопку журналов на столике, и мне в руку соскальзывают ножницы. Я взмахиваю рукой с оружием, вложив в этот жест всю свою силу, и всаживаю его глубоко в бедро Джеймсу. Он падает, хватаясь за ногу.

– Помогите! Кто-нибудь, помогите! – кричу я изо всех сил, нависая над Шарлоттой. У нее посинели губы, она едва дышит. – Помогите же!..

Я пытаюсь вытолкнуть койку из комнаты, но колеса заблокированы, и мне не справиться.

– Кто-нибудь! Прошу! – слова вылетают из меня, а сама я закрываю Шарлотту своим телом, голова повернута направо, руками я держусь за голову. Я вижу Джеймса под собой, в его правой руке окровавленные ножницы, а глаза потемнели от ярости. Я закрываю глаза, когда он заносит ножницы, и молю только об одном: даже если уже слишком поздно для меня, может, хоть кто-нибудь все же услышит мой крик и спасет Шарлотту, прежде чем он и ее убьет...

– Нет!

Кровать резко вздрагивает, я чувствую вес чьих-то рук на плечах,

слышу шум, словно тела падают на пол. Слышу, как кто-то дерется, скребет по металлу металлом. Стараюсь встать, чтобы освободить Шарлотту от веса собственного тела, но в правой руке сильная боль, а потом все закручивает в черную дыру...

Глава 33

– Узнаете эту женщину? – Адвокат Джиллиан Мэтьюс протягивает мне фотографию молодой, слегка полной женщины с темными волосами и красивой улыбкой.

Я отрицательно качаю головой и протягиваю фотографию Брайану.

– А я должна ее узнать?

– Нет, если вы не смотрели телевизор двадцать лет...

Брайан вздыхает, мы – я и адвокат – оба смотрим на него.

– Ну что? – спрашиваю я.

– А вы ничего не видите?

– Что я должна увидеть?

– Сходство. Она вылитая вы.

Да, должна признать, есть сходство: волосы очень похожи на мои, губы одинаковой формы, но глаза красивее очерчены и скулы выше.

– Интересно, что вы об этом скажете, миссис Джексон, – адвокат берет фото и вкладывает обратно в бумажный конверт.

– А кто она такая?

Адвокат переносит вес на локти и смотрит на меня очень пристально.

– Проститутка, которую убил Джеймс Эванс двадцать лет назад.

Я не могу поверить услышанному.

– Что вы только что сказали?

– Бог ты мой, – Брайан кладет руку мне на плечо в знак поддержки, и я вздрагиваю, когда она касается его. Рука была забинтована семьдесят два часа, но я неделю принимаю обезболивающие. – Ты предупреждала, что он опасен, а я тебе не верил...

– Джеймс ее убил? – Я не могу перестать смотреть на бумажный конверт перед собой. Что там еще внутри? Копия открытки, которую он послал с кровавыми носочками? Фото палаты Шарлотты, забрызганной кровью? Фото его раны на ноге? – Когда? Кто она была?

Адвокат открывает блокнот, который лежит рядом с конвертом.

– Сара Джейн Томпсон. Дата смерти – второе октября тысяча девятьсот девяносто второго года.

– Через три недели после того, как я сбежала от него.

– Верно, – Мэтьюс смотрит на записи. – Полиция сообщает, что они хотели с вами связаться, но никто не знал, где вы, а в справочнике Сьюзан Мэслин было очень много. Через несколько недель они перестали вас

искать, но дело не закрыли. Эванс утверждал, что невиновен, но улики было достаточно, чтобы обвинить его. Он очень долго подбирал себе жертву, чтобы она подошла по всем параметрам, – адвокат смотрит на меня, – ему нужна была ваша копия.

– Но он сбежал, да? – Я качаю головой. – Как такое могло произойти? Как он мог убить кого-то, а спустя двадцать лет прийти за мной? Как такое вообще может быть?

Она качает головой.

– Он отсидел и вел себя идеально, а потом раз в неделю посещал полицейского для проверки, у него даже была работа. – Мэтьюс снова сверяется с записями. – Он работал в «Грейс», ночном клубе. И был довольно популярен, особенно нравился знаменитостям.

– Кейша! Как она? – Меня словно осеняет.

Гулявший с собакой человек обнаружил ее обнаженное тело, окровавленное, искусанное, мы едва ее опознали, в лесной части Дэвилс Дайк. Эта находка немного прояснила, но без нее не сложилась бы вся мозаика, это точно.

Джеймс выяснил, что я вышла за Брайана и живу в Брайтоне. Он нашел меня по Гуглу, это было очень просто. Он знал мою новую фамилию и город, где я живу. Он даже разыскал мою страничку в Фейсбуке – Шарлотта заставила меня создать аккаунт год назад, чтобы доказать, что мы живем не в темном Средневековье. Я на ту страничку не заглядывала очень долго, а потом полиция сказала, что мои настройки конфиденциальности были такими слабыми, что Джеймс легко все взломал и добрался до фото и паролей, и, что хуже всего, – до страницы моей дочери. У нее тоже был публичный аккаунт, и когда он прочел, что больше всего она любила посещать «Бриз», эта информация помогла ему попасть в ее жизнь. К тому моменту он уже знал Кейшу, был одним из ее клиентов. Когда она приходила в клуб, чтобы переспать с футболистами или рок-звездами, которые часто навещали «Грейс», он ей понравился настолько, что она рассказала, что уезжает из Лондона, так как встретила клевого парня из Брайтона. И этот парень работает в клубе «Бриз». Он посещал клуб, притворяясь другом Кейши, но когда заметил Шарлотту и Эллу и Кейша рассказала ему, что Элла влюблена по уши в ее, Кейши, бойфренда, он сделал ход. Он сказал Кейше, что если она его с ними не сведет, то он все расскажет Дэнни о ее прошлом. Она поверила ему, и так Шарлотта познакомилась с Джеймсом. А потом они сошлись ближе. настолько близко, что Джеймс одолжил Шарлотте и Лиаму свою квартиру, чтобы там она потеряла девственность. Кейша и представить себе не могла, что этот

гад станет использовать самый важный момент в жизни моей дочери, чтобы потом ее шантажировать.

– Кейша еле держится, но держится, – сказал адвокат, – опоздай мы на сутки, и ее бы не спасли...

– Бог мой! – Я обхватываю себя руками, но по телу все равно бегут мурашки, как от сильного холода. – Надо поехать повидать ее, – я смотрю на Брайана. – Если бы она не рассказала мне... Если бы не рассказала, я не знаю, что было бы...

– Ш-ш-ш, – Брайан притягивает меня к себе, но на сей раз мне наплевать на боль в плече.

– Когда будет уничтожена запись? Та, которую сделал этот ублюдок, – спрашивает мой муж у адвоката. – Когда наша дочь придет в себя, мы сможем сказать ей... мы должны ей сказать, что ничего не осталось.

– Когда? – вторю я. Вчера ее веки дрогнули, когда я сказала, что можно больше не бояться. Доктора, правда, говорят, что не стоит слишком надеяться, ей еще нужно перенести операцию на носу и мизинце, но я-то понимаю, что это знак. Она старается вернуться к нам, и теперь у нее гораздо больше шансов, ведь теперь стало безопасно.

– Запись? – адвокат хмурится. – Порновидео?

Брайан кривится от точного определения, но кивает.

– Боюсь, это вещественная улика. Эванс угрожал, что пошлет ее в газеты, разместит в Интернете. Если бы он сдержал обещание, то навсегда разрушил бы репутацию Шарлотты... – она смотрит на Брайана, – и ее будущее, возможно, тоже.

– Но почему он относился к ней как к проститутке? Вот чего не пойму, – говорит мой муж.

– Это все часть его больного плана мести миссис Джексон. Боюсь, что это именно так. Когда я говорила с детективом Картером, он сказал, что Эванс был одержим идеей совратить Шарлотту, а потом убедить ее сбежать с ним. Но когда он понял, что юная девочка не посмотрит в сторону сорокатрехлетнего мужика, решил сыграть роль одинокого гея. И когда она доверилась ему настолько, чтобы прийти в его дом и заняться сексом со своим парнем, он решил, что сможет шантажировать ее видеозаписью. А потом подговорил Кейшу, угрожая и ей, чтобы та провела Шарлотту в «Грейс» как проститутку. Нам не понятно, что он собирался делать дальше, но общий ход его мысли прослеживается... – Мэтьюс замолкает, и ее губы вытягиваются в ниточку.

– Боже... – Я вдруг осознаю весь масштаб событий. – Неудивительно, что Шарлотта сделала то, что сделала. Она порвала с Лиамом, порвала с

Эллой, не могла доверять Кейше, и у нее никого не осталось, с кем она могла бы поговорить... – слова застревают в горле, когда я смотрю на Брайана. – Брайан, Шарлотта пыталась убить себя, потому что она не могла довериться нам.

– Нет, – он пожимает мою ладонь, – она это сделала, потому что старалась нас защитить. Она понимала, что произойдет, если Эванс даст ход записи. Она попала бы во все газеты, с заголовком вроде такого – «Дочь политика занимается сексом до совершеннолетия». Шарлотта так заботилась о нас, что ни за что не подставила бы меня под удар...

– Но ничего из этого не произошло бы, если бы не я. Если бы не мое прошлое. Он никогда не нашел бы нас, если бы я...

– Ты его остановила, Сью.

– Нет, это был ты.

Брайан оставил Оливера у Милле с кучей покупок, пообещав, что быстро заскочит в больницу, чтобы забрать бумажник, который забыл у кровати дочери. Сказал, что минут на десять, не больше, но вместо того, чтобы просто заглянуть, забрать бумажник и уйти, Брайан оказался в одной комнате с маньяком. Увидев, как его жена и дочь борются за жизнь, он, как лев, прыгнул на Джеймса, прижал его к полу. Секунду спустя, привлеченные шумом, в палату вбежали медсестры и увидели, как Брайан оседлал Джеймса и колошматит его по лицу.

– Нет, Сью, – Брайан целует меня в волосы, – ты-то понимала, что несчастный случай, произошедший с Шарлоттой, был не таким уж и случайным. И ты отказывалась принимать ложь, даже когда я потащил тебя к докторам, даже когда умерла твоя мать, даже когда тебе никто не верил. Даже... – он отстраняется и смотрит на меня внимательно, – даже когда я тебе не верил. Я подверг тебя опасности, Шарлотту, Оливера, мою семью, а ты нас спасла. Сама.

Левой рукой я глажу его по лицу, вытираю побежавшую слезу.

– Кхм, кхм, простите, – миссис Мэтьюс деликатно прокашлялась, и мы с Брайаном одновременно повернулись, чтобы на нее посмотреть.

– Ну что, все? – говорит она, закрывая блокнот и припечатывая его сверху ручкой.

– Все? – Я трясую головой.

– Да. Токсикологический отчет показывает, что Эванс скончался от инсульта, а не от ран, нанесенных ему миссис и мистером Джексон. – Адвокат внимательно смотрит на Брайана. – Не от травмы, нанесенной миссис Джексон. Вы оба действовали в рамках самозащиты, против вас нет никаких обвинений. Вы свободны.

Я беру Брайана за руку и нежно пожимаю ее.

– Значит...

Адвокат улыбается впервые с тех пор, как мы перешагнули порог полицейского участка. Губы Мэтьюс шевелятся, пока она говорит то со мной, то с Брайаном, но я слышу только одно слово.

Мы свободны. Свободны...

---

notes

Примечания

Герои романа «Опасные связи». – *Прим. перев.*

Фирма Barbour and Sons производит мужскую и женскую одежду с середины XX века.

Bognor Butlins – пляжная местность.

Популярные поп-исполнители из группы «Степс».

Многосерийная английская мыльная опера, идущая на английском ТВ с 1995 года.